

ЖРИЦА

Роман

www.viktorberdnik.com

Writers Guild of America
West, Inc. Los Angeles, CA USA
Intellectual Property Registry

Registration # 1172095

...Не отталкивай от себя то, что само идёт в руки, в следующий раз вполне возможно оказаться ни с чем...

Автор.

ПРОЛОГ

Луиза всеми силами старалась не думать о предстоящей разлуке. Даже сейчас, крепко прижавшись к плечу Тео, ей казалось, что экипаж вскоре повернёт на улицу Фобур-Сент-Оноре и остановится возле знакомого подъезда небольшого особняка, где у господина Трианье он арендует студию. Она ощущала тепло на своей руке, которая безмятежно покоилась в его ладони и Тео её слегка поглаживал, едва прикасаясь к запястью. Счастливая и безмятежная привычка к присутствию этого человека в своей жизни настолько заполнила всё её существо, что дни проведённые без него, ей теперь кажутся бесцельными и пустыми. Прочувствовать это Луизе уже однажды довелось и она хорошо запомнила, как ей было грустно в Арле, где в ожидании возвращения, время почти остановилось.

« ...Ах, Тео, Тео...

Мой нежный гений, как я не хочу тебя сейчас отпускать...»

В душу настойчиво закрадывалась необъяснимая тревога за него и жалость к самой себе. Она вдруг вспомнила их первую встречу у Арансона, где молодой человек невольно привлёк её внимание тем, что горячо спорил. Луиза не видела его здесь прежде и хотя Арансон не отличался замкнутостью натуры, круг знакомств скульптора редко претерпевал изменения. Двери его студии всегда была гостепреимно распахнуты и та благожелательная и немного сумбурная атмосфера, что здесь царила, неизменно привлекала к нему людей, так или иначе связанных с искусством. К нему тянулись, как к таланту и как к человеку, недаром Берта о нём так лестно отзывалась. Судя по репликам хозяина, нетрудно было предположить, что он знает своего гостя уже давно и непонятно почему Луиза увидела его только теперь.

Молодой человек не выглядел, как все. Нелегко было вот так сразу сказать, в чём проявлялась эта непохожесть. Та, свойственная определённому кругу парижских художников скупулёзно выверенная небрежность в костюме, у него отсутствовала напрочь. Напротив, в его манерах прослеживалась даже точность и аккуратность, которая больше присуща людям с логическим складом ума, чем представителям богемы или тем, кто самоуверенно себя причисляет к этой части общества, без всяких на то оснований. Он не старался специально произвести впечатление и держался очень непринуждённо. Во всём его облике сквозила независимость характера, чаще всего не выставляемая напоказ, а скрытая, но так хорошо заметная окружающими. Луиза обратила внимание, как он элегантно закуривал, вытаскивая из портсигара своими длинными нервными пальцами очередную папиросу и задумчиво её поджигал...

- Меня зовут Тео, и я из России...

Смущённо произнёс он, когда их представили.

- Ну, это видно невооружённым глазом.

Со смехом ответила Луиза. Она почти непроизвольно не смогла избежать некоторого кокетства, которое совершенно не любила ни в себе, ни в других. Ей вдруг беспричинно не удалось подавить, как она считала, этот глупый признак наивного жеманства, что так часто присутствует в барышнях её возраста.

- Стоит лишь прислушаться...

Без всякого сомнения Луизе понравился этот пылкий спорщик, за которым она наблюдала некоторое время издали.

- Вот как?

Он смутился ещё больше. В его серых, впадающих в голубизну, глазах она увидела открытую восторженность, в которой безошибочно угадывалась творческая и увлекающаяся натура. Они посмотрели на неё с ненаигранным интересом.

- Неужели, мадемуазель заметила во мне другое существо?

Её новый знакомый уже справился с первой робостью и не собирался скрывать, что её слова его заинтриговали.

- Заметила...

Она поняла, что уже не сможет жить без этого взгляда...

- Наверное, только русские умеют отстаивать свою точку зрения так, что становится страшно за их оппонентов...

Луиза подвинулась к нему ещё ближе и теперь ощущала, как они оба слегка покачиваются в такт движения коляски.

- Не волнуйся, милая. Я отпишу тебе сразу по приезду.

Тео на секунду задумался и с неуверенностью произнёс.

- Не думаю, что я задержусь там более месяца.

В его голосе звучала тревога и Луиза прекрасно понимала такое состояние и то волнение, что он испытывал по поводу своей матери.

«...Насколько она больна?»

Эта мысль не давала ему покоя. Последнюю неделю с момента получения письма Тео не находил себе места и она знала, что он сильно переживает.

«...Россия! Боже мой! Какая безумная даль...»

Луизе казалось, что он отправляется на край света. Вдали, сквозь ветви цветущих каштанов уже угадывались очертания Страсбургского вокзала. Ещё какие-то мгновения они будут вместе, но совсем уже скоро его умчит поезд в необозримое пространство, а она будет считать дни и ночи, пока опять не окажется с ним рядом...

- Глава 1 -

В нескольких кварталах отсюда послышались сирены полицейских машин. По звуку их было две. Мерзопакостный квакающий вой накладывался один на другой, приближаясь под самые окна. Вечно запруженная улица, которая едва кое-как замирала на пару часов под самое утро, снова оживала, как неизлечимый больной от кратковременного тяжёлого полузабытья. Раздался визг подъёмника мусоровоза, затем гулкий грохот опорожнённых баков и уже, как по команде, все остальные слухораздирающие ноты. Всё эти шумы, претендуя каждый сам по себе на соло, сливались в классическое сопровождение наступающего утра в большом городе.

«...Американская рапсодия, чёрт её побери...»

Подумалось сквозь сон.

«...Проклятье. Нашли место и время. Ещё такая рань...»

Макс, испытывая привычное раздражение, автоматически вслушивался, как постепенно удаляется где-то за домами, теряясь в близлежащих кварталах, присутствие блюстителей порядка. Ему захотелось снова уснуть, но это было бесплодным усилием, обречённым с момента пробуждения. Навязчивый нарастающий гул снаружи, уже всё настойчивей проникал вовнутрь комнаты. Сквозь неплотно прикрытые жалюзи на окнах, проглядывался сероватый рассвет и светлеющее в разрыве силуэтов

крыш, небо. Макс ещё раз перевернулся с боку на бок и прочувствовал до конца неудобство и жёсткость подушек, понял уже окончательно всю бесперспективную тщетность своих попыток. От потревоженного сна испортилось настроение и без того неважное. Своё состояние он мог бы смело отнести к депрессивному синдрому, уж слишком узнаваемыми выглядели все признаки. Нередкое здесь в «Штатах», бытовое расстройство психики со всеми побочными неприятностями в виде интеллектуального симптома и иногда возникающих, соматических нарушений. Нельзя сказать, что Макс был склонен к ипохондрии, которую время от времени, он с недоумением начал замечать в некоторых своих сверстниках. Отнюдь. В меру бодрый и жизнерадостный в той степени, чтобы не выглядеть идиотом, он всегда старался быть объективным к собственному душевному самочувствию. Человек без проблем вызывает оправданное подозрение и это свидетельствует не столько о его жизнелюбии, сколько указывает на очевидную неполноценность. Макс прекрасно знал причину своего недуга, как впрочем и не видел путей к его преодолению.

«...Господи, как не хочется встать...»

Он вспомнил без всякого энтузиазма обо всём, что его окружает и тяжело вздохнул. Для него не было ничего хуже утренней хандры, совершенно ему прежде не свойственной. Провалившись в постели ещё немного, Макс ничего не оставалось делать, как подняться. Он всё ещё оттягивал наступление нового дня и даже старался думать о чём-то постороннем, отгоняя от себя неутешительную мысль, что деться некуда и надо готовиться опять впрягаться в свою дурацкую работу. Пожалуй, именно этим нежеланием и концентрировался весь смысл. Малоприятное и опостылевшее занятие, которое в последнее время незаметно превратилось в тяжёлую обузу. Любой другой на его месте уже давно и без ненужных колебаний, взял да и бросил, но с ним такое произойти не могло.

Человек слова, его раб, но лучше быть заложником собственных обещаний, чем их свободно генерировать в пространство.

Макс хорошо помнил о своих обязательствах, но не только они удерживали его. Существовали чужие надежды, что возлагала американская корпорация в лице двух человек на него, их русского партнёра. История началась давно, лет пять назад, но он бы с лёгкостью смог проследить все свои шаги на пути к сегодняшнему дню...

Приехав однажды в Америку, как человек, который собирается строить здесь свою жизнь, Макс подобно многим, не стал заканчивать компьютерные курсы или подтверждать свой диплом. Ни к тому, ни к другому он не испытывал ни малейшего интереса, хотя для подавляющей массы искателей заокеанского счастья, такая перспектива выглядела вовсе неплохим способом устроиться в обозримом будущем. Его тошнило только от одной невыносимой мысли, что придётся протирать штаны с восьми до пяти в каком-то скверном офисе, где вскоре станут подсиживать и ревниво следить за чужими, то есть за его успехами, другие такие же, с позволения сказать, коллеги. Не составляло никакого труда, себе их представить, в большинстве трудолюбивых и исполнительных, но бесцветных и незаметных в собственной жизни людей. То ли своих соотечественников, то ли недавних выходцев из дружественных бывшему Советскому Союзу братских стран, не по воле случая, а по собственному желанию, как и он, оказавшихся на чужбине. С их пчелинной положительностью, от которой его станет воротить уже через неделю, вперемешку с растущим желанием поскорее забыть, как жуткое наваждение, своё пребывание в этой компании.

Честно сказать, к таким он не имел ничего плохого... Вполне нормальные и даже хорошие люди, но вот только не хотелось иметь с ними ничего общего. Ну, не хочется и всё тут и бесполезно искать рациональное объяснение. Скорее всего, Макс просто не отождествляя с собой, выбранную ими дорогу, которую он скептически прослеживал в непрерывном и замкнутом движении ежедневных обязанностей. Уж очень такая жизнь напоминала ему зоологический сад в какой-нибудь благополучной стране. Красивая тюрьма, где за толстыми прутьями с тоской смотрят на волю сытые животные, ограниченные пространством тесного вольера. Ничего другого не остаётся, как только ходить бесцельно из угла в угол или беспробудно спать, переживая во сне, утраченную когда-то свободу. Макс прекрасно знал, что рано или поздно его натура не выдержит и когда это с ним произойдёт, он наверняка пожалеет, что не воспротивился раньше и бездарно потерял столько времени. Хорошо, если

будут силы встряхнуться, а не навсегда завязнуть в закодированной смертельной скуке. Под её гнёт человек попадает медленно, но неизбежно, став однажды пленником здравого смысла. То, что под ним подразумевают, это чаще всего ложные приоритеты людей, лишённых всякой фантазии. Таких большинство и это их правда. Как правило, она заключается в невзыскательных потребностях, в виде набора стандартных приобретений представителя среднего класса. К несчастью, ради них человек идёт на максимально неоправданные усилия, которые того совершенно не стоят. Впрочем, жертва неравноценного обмена потому и оказывается таковой, что счастлива в своём неведении.

«...Подобные ориентиры не для него. Он уже давно отвык от надуманной необходимости сверять по кому-то свой шаг, предпочитая поиск в свободном, пусть даже и нелёгком, плавании.»

Такой стиль Макса всегда устраивал более, чем тот, где присутствовал неизменный распорядок со своим клеточным однообразием, изнуряющий физически и выхолащивающий напрочь, любую импровизацию.

Он быстро понял, что ни один из советов, что исходили от проживших здесь не один год, его земляков или уроженцев других регионов их бывшей необъятной родины, ему никак не пригодится. Возможно искренние и не лишённые логики, они тем не менее, носили отпечаток традиций первой волны эмиграции и тянуло от них такой невообразимой затхлостью, какая могла лишь дохнуть из опорного пункта штаба гражданской обороны в подвале при домоуправлении. В этой стране работали деньги. Не соориентироваться вовремя в справедливости такого общепринятого экономического закона, означало долго и бесплодно топтаться на месте, а потому стараясь не мудрствовать лукаво, самым целесообразным было двигаться к приобретению начального капитала. Для Макса этот момент виделся ключевым и только безотлагательность сулила победу. Шаг в сторону и ты уже отброшен далеко назад. Определившись с таким беспощадным принципом, сразу позволяло не метаться впоследствии из стороны в сторону. Какое-то время планы существовали только в виде абстрактного успеха, но конкретный путь к нему, пока отсутствовал. Счёт в банке, тоже. В избытке хватало правда, честолюбивых амбиций и очень необходимого в таком случае, запаса нерастраченного ещё упорства. Всё приходилось начинать с полного нуля. Его имя стало короче, из привычно звучащего Максим, сократившись в Макса, а путь к намеченной цели оказался длиннее, чем он себе предполагал. К тому же, он не оказался лёгким, как беззаботная утренняя прогулка, в преддверии удачно складывающегося дня. Вовсе нет. Пришлось хорошо попотеть, пока на горизонте замаячили первые видимые результаты и его старания принесли свои поспевшие плоды. Теперь наконец, разобравшись немного что к чему, он нашёл тех людей, которые могли и хотели видеть в нём равного участника, ставших довольно обременительным для них самих, дела. Для обеих сторон риск сводился к самому низкому уровню. Макс вкладывал деньги и брал на себя весь менеджмент, гарантируя собственное стопроцентное участие, а его партнёрам оставалось только стричь купоны, без всякой надоевшей им, головной боли. Сделка оказалась взимовыгодной и пожав своим новым компаньёнам руки, Макс стал совладельцем сорокаквартирного дома в оживлённом городском районе. Вложенных средств хватило ровно, чтобы откупить половину, но и это было совсем неплохим заделом во вполне традиционном капиталовложении со стабильным ежемесячным доходом всем его участникам. Только им, корпорации, включающей двух членов одной семьи и Максу было известно истинное положение дел, для всех остальных и в первую очередь для квартиросъёмщиков, он оставался простым резидентом менеджером, который жил и находился постоянно в окружении своих жильцов.

Пожелание Макса находиться в тени, на время его здесь проживания, не было прихотью богатого эксцентрика, Таких немало, котрые носят рваные туфли или укорачивают сами себе джинсы с помощью ножниц и степлера. Хотя жильцы и видели в нём тёмную лошадку, но никто даже и не догадывался, что этот непонятный русский, которого они почти все с неоправданным высокомерием считали выходцем из страны третьего мира, купил солидный устоявшийся бизнес, со всеми потрохами и будет здесь, пусть даже не полновластно, но всё равно, распоряжаться. Такое не могло бы вписаться в их закостенелые представления без необратимых для психики последствий. Оно было и к лучшему. Макс по их пониманию, оставался одним из них, такой же не очень успешный человек, который не может позволить себе собственное жильё и вынужден прозябать здесь за мизерную зарплату. Он правда не должен

платить рент, поскольку это место его работы, но оговорка такого плана всё равно бы не поменяла суть, а потому и его общечеловеческий ценз в мире их примитивных реалий.

В этом доме Макс находился давно, гораздо раньше момента окончательного оформления соответствующих документов, уравнивающих его в финансовых правах с членами корпорации. Созрание всё как есть, был необходимым и удобный для него компромисс. Не испытывая ни на грош иллюзий относительно своего положения, он прекрасно осознал всю разноплановость и многоликость круга новых обязанностей. Попробовав, Макс быстро понял, что придётся освоить квалификацию не только электрика и водопроводчика, но и вероятней всего, на какое-то время стать психиатром среди часто неуравновешенных жителей, которые выбрали этот дом в качестве своего временного пристанища с надеждой на лучшие времена. В работе с людьми неизбежно возникает функция такого рода и очень плохо, если человек к ней не готов. Впрочем, для его натуры, жаждущей в профессиональной деятельности присутствие элемента психоанализа, в этом открывался неожиданный бонус.

Став полноправным совладельцем, Макс не мог не почувствовать перемену своего положения и выражалось это достаточно просто. Вместо зарплаты, он стал получать доход. Разница оказалась ощутимой. Новый статус принёс долгожданное моральное удовлетворение, но и непредсказуемую двусмысленность, о которой Макс не задумывался прежде. Она в этой ситуации немедленно выплыла наружу и выражалась теперь в противоречиях, уже давно знакомых и не раз им испытанных. Её ирония и нелепость, как эхо прошлого, заключалась в том, что он как и прежде был вынужден вести двойную жизнь. Подполье, как форма существования обеспеченного человека, настолько понятная и естественная в советском обществе, здесь обретало форму абсурда. Там так жили многие, не академики и не генералы, а те, кто просто смог устроиться и сравнительно безопасно лавировать среди многочисленных препон в условиях последней и заключительной стадии социализма. Не скрывая сильно, но и не афишируя свои, как принято было тогда говорить протокольным языком, нетрудовые доходы, и получая максимально возможные от той жизни удовольствия. Но здесь! Во имя чего? В свободной стране с неограниченным правом выбора и со свободой волеизъявления. Ответ, как и раньше, имел хорошо знакомые очертания. Увы...

Самой стране вроде нет дела. Плати налоги и купайся в шампанском. Загорай на кисельном берегу в стране молока и мёда. Но Боже упаси, если тебе повезло больше чем другим. Не зазорно сидеть в полном бездействии и быть окружённым такими же бедолагами. Но не дай Бог, не оказаться лежебокой и суметь встать на ноги. Причём, сделать это на виду у тех, кто не ожидает от других большего, чем от себя самого. Тогда, всё! Ты чужак, который живёт не по праву на их территории и должен незамедлительно уйти. Убраться подобру-поздорову и не мозолить глаза своим успехом. Опасно и незачем дразнить это стадо гусей во имя собственного же спокойствия. Уходи, иначе сначала последует злобное шипение и уж вскоре совсем недалеко от первых нападков, а там не успеешь оглянуться, как заклюют. Сопоставив лишь самое малое, для Макса становилась очевидной необходимость такой клоунады, во избежание многих ненужных осложнений. Объяви он жильцам о своей новой здесь роли и тотчас без предупреждения, посыпались бы на его голову дополнительные проблемы, как размытые стихией камни в ущелье на беспечного путника. Он даже знал, как всё это может произойти...

Половине будет вроде наплевать, хотя удовольствия от этой новости они вряд ли будут испытывать. Оставшаяся другая половина тоже разделится. Одни, как более умеренные, не захотят активно выставлять свои малообоснованные претензии, но будут в виде пятой колонны ждать своего часа и подзуживать всех остальных. Для самых непримиримых, это будет звук боевых барабанов и клич трубы, зовущей к борьбе. Без доли сомнения, можно будет сказать, что тогда уже наверняка, припомнятся все застарелые обиды по поводу ежегодного увеличения квартплаты и обветшалого ковра. Начнут выискивать блох, бессознательно отыгрываясь на нём за своё обидное неумение устроиться в жизни получше и хроническую неудачливость. Уж кто кто, а эти приложат все свои нерастроченные старания, чтобы сделать его пребывание здесь, невыносимым. Да и как такое можно простить? Где это видано, чтобы обыкновенный менеджер, ещё и русский в придачу, без году неделя в их собственной стране, со своим ломанным английским в одночасье становился хозяином? Задавит жаба только от одной мысли, что он живёт на те деньги, что они вынуждены платить за квартиру. Ужалит и оставит в душе своё

чёрное жало змея зависти и будет оно острым, как игла сидеть глубоко внутри и ныть. Пронизывать уязвлённое самолюбие и сгущать до смертельных тромбов кровь каждый раз, когда рука станет выписывать ему чек, безжалостным напоминанием собственного бессилия.

Макс вспомнил последний инцидент. Он как раз накануне купил новую машину. Это не был по-английски сдержанный, но по-дорогому элегантный «Остин Мартин» или последний сногосшибательно шикарный «Феррари». Отнюдь, нет. Серийный «Мерседес». Родстер. Обычная модель с незначительными и малозаметными усовершенствованиями, о которых знают только посвящённые. Ну может, не совсем обыкновенная, но во всяком случае, не та, которую невольно провожают глазами без всякой надежды на обладание подобной. Он купил эту машину не из желания поразить чьё-то воображение. У Макса не было комплексов по поводу ложного самоутверждения. Он давно избавился от необходимости иметь чьё-то признание собственных заслуг, как от отростка слепой кишки и чувствовал себя морально здоровым после перенесённой операции. Он честно предпочитал машину европейских производителей. К американским автомобилям Макс относился примерно с той же со снисходительностью и иронией, которую испытывает горожанин при виде сельского жителя, одетого по последней моде в самопальное шматьё из ларька на Привозе. Отчасти, это была дань своему снобизму, но оглянувшись вокруг, он заметил, что предмет его выбора пользуется заметным уважением и даже предвзятым вниманием к его владельцу. Впрочем, наблюдение это представляло собой чисто умозрительный интерес и никоим образом не могло повлиять на его намерения. Вопрос состоял лишь в том, чтобы выбрать соответствующий автомобиль по своим деньгам, но не опуститься до роскоши, которую можно себе позволить. Такой род покупок так и назывался «позволятельная роскошь», вследствие низкой цены и присутствия престижной торговой марки. Кажущийся кому-то нормальным, компромисс между желанием выглядеть человеком, который принадлежит к кругу состоятельных людей и при этом, не раскошелиться. В Америке внимательно прислушиваются к любым пожеланиям и всячески им потакают, в том числе и к потугам глупцов, которые в погоне за дешёвым блеском готовы вылезти вон из кожи, не улавливая разницу между примитивной саморекламой клерка и спокойной уверенностью джентельмена. Через неделю позвонил Фил, его партнёр.

- Макс, прими мои поздравления!

Он сначала не понял, с чем его поздравляют, но замешательство длилось недолго.

- Отличная машина. Надеюсь, ты имеешь удовольствие?

Макс не собирался делать из покупки секрета, но и кричать на каждом перекрёстке о вещах, не заслуживающих внимания, было бы несолидно.

«...Купил и купил, эка невидаль. Без машины здесь никуда...»

Услышав в голосе человека, который относился к нему с дружеской симпатией, весёлые нотки, он не мог удержаться от некоторой растерянности.

- Фил, как ты знаешь?

Тот добродушно рассмеялся.

- Ну, это совсем просто. Я сейчас отправлю факс с копией одного документа. Почитай... Думаю, тебе будет любопытно.

По факсу пришло письмо следующего неожиданного содержания.

«... Уважаемый Сэр или Мадам!

Не знаю точно Вашего имени, но считаю своим долгом обратить Ваше внимание на некоторые действия Вашего менеджера...»

Слово «Ваш» было выделено и нарочно встречалось несколько раз, будто автор этого послания хотел напомнить, кто в доме хозяин.

« ..Наверное это станет для вас сюрпризом, как и для всех нас. Не так давно он приобрёл для себя очень дорогой автомобиль. Не укладывается в голове, как на свою скромную зарплату он смог себе позволить приобретение такого ранга. Поинтересуйтесь, сколько стоит Мерседес последней модели и вам станут ясными возможные высокие счета от него в последнее время. Это тревожный сигнал и мы возмущены тем, что он обманывает доверие. Почему бы вам неожиданно здесь не появиться и устроить ему

небольшую проверку...»

Письмо было без подписи. Макс не смог сдержаться и расхохотался.

«.. Анонимка!

В самых лучших советских традициях.

Накапали...»

Он прочёл его ещё раз, никак не решаясь поверить, что такое возможно.

«...Ну и ну. Это называется, приехали. Добро пожаловать! Впрочем, как говорится, это было бы так смешно, если не было бы столь печально».

То от чего он вроде стремился прочь, опять назойливо оказалось рядом.

Макс никого не подозревал, хотя таковыми могли бы быть отнюдь, не единицы.

«... Улыбчивые и бдительные доброхоты. Непостижимо!»

Он даже слегка растерялся, как ему реагировать.

«...Да и как можно отнести к таким враждебным проявлениям? Исходя из опыта его прошлой жизни, наверное, следующим шагом по логике вещей, должно быть нацарапанное гвоздиком, неприличное слово по свежей краске на его машине?»

Макс даже не мог себе представить, что поднял руку на самое святое американского восприятия. Автомобиль, визитная карточка его хозяина и неизменный индикатор собственного успеха. ореол славы, в котором купается посредственность, самораздуваясь от своей значительности, как мыльный пузырь. Макс вдруг припомнил персональные номера на автомобилях. Он всегда с удивлением смотрел на таких людей, которые цепляли на бампер своей машины закодированные в семи знаках, надписи. Трудно было постичь мотивы и понять, что движет таким человеком. Отсутствие скромности и стремление любой ценой быть на виду или беспомощность и чувство неполноценности, взывающие к остальным, чтобы хоть как-то обратить на себя внимание? Он даже заглядывал вовнутрь, проезжающего мимо, автомобиля с таким номером, пытаясь увидеть лицо водителя с интересом и любопытством физиономиста.

Никаких соответствующих волн анонимное письмо не вызвало. Скорее наоборот, реакция была совершенно противоположной и непредвиденной. На бумагу никто не обратил внимания. Как-будто её не существовало и вовсе. Не представилось случая позлорадствовать тому, кто написал это письмо или коллективу единомышленников, сплочённых общим порывом, по поводу инспекции сюрприза, так страстно ожидаемой .

« ...Интересно. Очень интересно»

Рассуждал про себя Макс.

«...Оказывается, зависть не только порождает личную неприязнь, но и объединяет совершенно прежде чужих друг другу людей ?»

Такое открытие никак не сулило любовь и благодущие.

«... Неужели те, кому я встал, как кость поперёк горла и вправду решили, что можно быть настолько глупым, чтобы в открытую воровать?»

Макс недоумевал. Чьё-то смелое предположение о его нечистоплотности не вызывало в душе ни малейшего протеста. Такое как раз, было вполне объяснимым. Чаще всего человек примеривает на себя ситуацию и действует в ней в соответствии с нормами своей морали. Тот, кто так беспокоился о хозяйской кошине вероятно, именно так и поступил бы на его месте. Крал преспокойненько себе в карман то, что ему или быть может ей, не принадлежит.

«... Похоже, что здесь элементарная честность, это удел избранных. Хотя, сказать по правде, с этим фактом он уже давно смирился. Да и затея с письмом, не акция героя одиночки, а наверняка, плод коллективного творчества.»

Непонятным было то, что они хотели избавиться от его присутствия, даже себе во вред! В таком бизнесе необходим грамотный и даже где-то властный управитель, который умеет совмещать собственную выгоду с дивидендами квартиросъёмщиков. Вероятно, об этом они и позабыли, столь

раздосадованные злосчастной покупкой. Она, сверкающая, серебристого цвета, как бельмо на глазу выделялась на стоянке среди других скромных собратьев, вызывая праведную изжогу. По привычке Макс парковал машину лобовым стеклом вперёд к выходу, не по-американски, загоняя в тупик и её длинный вытянутый капот, заканчивающийся агрессивной мордой, с хищным выражением фар как будто огрызался всем своим злопыхателям. Появляясь там, они морщились только от одного её, вида как от застарелого хронического геморроя. Равнодушный к массовой истерии неприятия, Макс похоже, сильно всех их имел в виду и часто отправлялся неизвестно куда на своём шикарном авто. Очень скоро жильцы подметили, что его никогда не бывает в доме в выходные дни. Он исчезал на субботу и воскресенье и им оставалось только гадать, где же он проводит всё это время? Это был очередной нонсенс, соседи следили за его образом жизни, проявляя не свойственную им прежде, солидарность. Сам не ведая того, Макс словно растопил холод взаимного равнодушия этих людей и цель ему насолить их даже сдружила.

«...Стая...От желания сожрать к готовности к травле, один шаг.

Немного времени понадобилось для такого наблюдения.»

Макс скептически открывал эту новую страницу своей здесь жизни, уже без всякого любопытства..

«...И это в обществе, которое не только претендует на нравственную исключительность, но и даже пытается преподавать другим свои моральные ценности...»

Он не замечал в упор, вдруг возникших на пустом месте, оппозиционеров и игнорируя их мелкие козни, старался не замечать эту мышинную возню. Его предупредительность и подчёркнутая вежливость только подливали масла в огонь, в лишний раз доказывая, что каждая из сторон имеет полную несовместимость преследуемых интересов. Они и понимали это по разному. Если для Макса было очевидным, что те, кто мутит здесь воду, просто хотят элементарной анархии, то для противников необходимого контроля и порядка, это было явное нежелание уступать.Его противники отчаяно сопротивлялись и анонимка была неслучайной, благо представился подходящий повод. Он их раздражал. По общему сложившемуся впечатлению, этот русский не только не тяготел к обществу своих соседей, но возмутительно спокойно сторонился привычного здесь уклада жизни. Его поведение выглядело непростительно оскорбительным для этих людей с их врождённым пороком, ничем не подкреплённого высокого самомнения. На какое-то время Макс стал основной темой для разговоров и пересудов, невольно своей персоной разбавив однообразие и скуку. Его обсуждали не стесняясь и не скрывая недовольства. В последние полгода он бувально физически, спинным мозгом ощущал на себе их пристальное внимание. Такое неумело законспирированное противостояние его даже немного забавляло. Вообще, по большому счёту, Макс был благодарен судьбе за неожиданное развитие событий в своей карьере. Не вложи он деньги в покупку такого необычного для него дела и вряд ли ему бы представился случай оказаться на этой работе. Сама судьба его подтолкнула, чтобы не пришлось ещё очень долго пребывать в наивном неведении, куда он попал. Человека трудно распознать на расстоянии, а в Америке и подавно. Не подведёт никого и никогда беспроегрышная привычка улыбаться по поводу и без. Не дрогнет ни один мускул лица, приученного с детства к равнодушному стандартному оскалу и только оказавшись в ситуации, где пересекаются материальные интересы, не остаётся выбора, как только быть самим собой. Что ни говори, а деньги, это точнейший инструмент в познании своего ближнего. Трудно переоценить их великую силу в процессе открытия недр души. Словом, атмосфера, в которой он оказался, сложилась далеко непростой и отнюдь не способствовала беспечному покою от всеобщей сердечности.

Открыто пакости никто не делал. Эту выразительную особенность он подметил уже давно. Неприятности преподносились из-за угла, тайно, с явным желанием скрыть свою личную сопричастность. Даже схватив человека за руку, было непостижимо наблюдать, как тот продолжал по инерции отпираться.

«...Не знаю. Я ничего не видел. Понятия не имею, как это могло произойти...»

Это всё, что подсказывала совесть, вернее её неразвитый зародыш и вместо смиренного покаяния или хотя бы едва уловимых позывов к рассказанию, лишь вытаращенные, готовые вылезти из орбит, глаза.

«... Ну как можно относиться к такому редкостному паскудству?»

Довольно скоро Макс вычислил сочинителя анонимки. Коллаборационизм, явление не новое. Донесли свои же, изображая союзничество. Это тоже было в порядке вещей. Заложить, как высмаркаться. Автором оказалась женщина, которая никогда раньше внешне не проявляла к нему открытой антипатии. Встретив её однажды одну без свидетелей, он без обиняков, лоб в лоб спросил.

- Послушай, Лин хочу у тебя поинтересоваться...

Она никак не ожидала разговора начистоту, но уже догадывалась, что может произойти и потому тут же приготовилась к обороне. Ничуть не смутившись, она остановилась с неизменным приторно-слащавым выражением на лице. Даже её улыбка выглядела так, как-будто губы растянуты невидимой пружиной и вот вот сомкнутся обратно, стоит только ослабить усилия.

- Недавно я получил письмо, где речь идёт обо мне и о моих профессиональных качествах. Не догадываешься о его содержании?

Что-то на секунду промелькнуло в Лин глазах, но она тут же взяла себя в руки и продолжала как ни в чём не бывало простодушно хлопать ресницами. В её зрачках читалась сама невинность. Казалось, предложи ей сейчас поклясться на Библии и она с готовностью приложит к сердцу свою ладонь.

- Лин, твои товарищи донесли.

Макс не мог отказать себе в удовольствии играть в открытую.

- А я и не предполагал, что ты так печёшься о доходах корпорации.

Её лицо мгновенно переменялось и с него слетело выражение подкупающей приветливости, что ещё секунду назад буквально пропитывало каждую его морщинку.

- Я ничего не знаю.

Теперь уже Макс заулыбался.

- Конечно ничего, но прими только к сведению, что вся корреспонденция и даже такого рода, приходит ко мне. Порядочные люди не только не пишут письма без подписи, но и брезгают их читать. Тебе о чём то говорит слово порядочность?

Он сделал паузу, наблюдая за её меняющейся реакцией. Во взгляде Лин уже появилась злость, они и без того холодные, теперь смотрели с ледяным недружелюбием. Кроткая пасхальная овечка, как фильме триллере, превращалась во что-то нехорошее.

- И ещё один маленький совет. Не пренебрегай им, я уверен, что он тебе ещё не раз пригодится в будущем.

Он насмешливо делал ей внушение, как провинившейся школьнице младших классов.

- Выбирай лучше себе друзей и единомышленников.

Макс видел, как Лин становится не по себе от сожаления, что её старания прошли даром.

- В твоём возрасте уже пора бы усвоить, что предают только свои...

Она сердито фыркнула, недовольная таким поворотом дела. В её планы никоим образом не входило идти на открытый конфликт. Лин, да и они все, уже прекрасно знали, что очень многое зависит от Макса. Псиное чутьё им подсказывало, что он не совсем тот, за кого себя выдаёт. Уж слишком независимо он держится, да и все решения исходят от него. Она много перевидала за свою жизнь людей на этой позиции и все они, как один, были пешками, исполняющими свои нехитрые обязанности в лучшем случае, за бесплатную квартиру и с полным равнодушием взвешивающие на приход и расход. Чистые попугаи, без грамма собственного мнения и лишённые любой мало мальской ответственности. Такие беспечно сидели почти безвылазно на своём месте и уж точно не разъезжали на дорогих машинах с дилерскими номерами. Злосчастный автомобиль! От вида его Мерседеса у жильцов понижался гемоглобин в крови и случались нервные запоры. Макс даже не предполагал в каком шоке была вся эта компания. Наверное, новость о высадке марсиан возле ближайшего супермаркета их взволновала бы в меньшей степени. Он как ни в чём не бывало, продолжал в том же духе, вызывая в них глухое раздражение своей непонятной персоной и полной невозможностью себе что-либо объяснить.

После этой короткой беседы Макс учтиво распахнул дверь, пропуская её вперёд. При этом Лин припасла на его руке «Ролекс», которого она раньше не замечала и это окончательно испортило ей настроение на всю неделю вперёд. Для неё, матери одиночки, каждый мужчина подспудно существовал в виде объекта пристального внимания. По всему выходило, что она была в разводе. Её бывший муж

иногда навещался к ним в гости, но не надолго. Похоже, его моральный и материальный долг перед бывшей семьёй сводился к этим коротким визитам и он не нес бремени ответственности за своего отпрыска. Когда-то давно единственным поводом для их законного брака, послужила его натурализация. Именно это и было конечной целью молодого человека, женившись по договоренности на американке, обрести вожделенный легальный статус. Тут бы им и распрощаться благородно, но увы, не пришлось. То ли она продешевила со своим участием в получении им гражданства, то ли другой бес попутал. Помешала Лин беременность, которая захотела непременно оставить ребёнка.... Муж было пытался возражать, но она решила по своему. Ровесник Макса, как и он иностранец. В нём без труда угадывался шаромыга, мужчина без определённых занятий и вечный искатель. Он приезжал к ним не реже раза в месяц на потрёпанном джипе, не столько за тем, чтобы повидаться, а занять в очередной раз денег, опять оказавшись в затруднительном положении. Очевидно, Лин бессознательно потому так и возненавидела Макса, увидев в нём полную противоположность своему бывшему избраннику.

Вообще, о каждом жителе здесь можно было бы сложить отдельную легенду, но все они были бы завязаны общностью какой-то личной неустроенности каждого. Задумавшись как-то, Макс поймал себя на странном открытии. Во всём доме, за редким исключением, он не мог обнаружить ни одну полноценную семью. Матери одиночки, одиночки отцы, престарелый гей, увядающая старая дева истеричка с мамой, психопат композитор и прочие, прочие, грустные персонажи в подобном духе. По сути дела, не очень счастливые люди, зачастую со скомканной и неудавшейся жизнью. Макс ничего не сравнивал. Глупо. Единственное, в чём его не покидала уверенность, что такой дом не один на этой улице и такая улица не одна в этом городе.

«...Господи, да откуда же они берутся и в каких городах живут другие?»

Он про себя тяжело вздохнул от этих мыслей.

Обязанности Макса заключались в обслуживании дома и в ведении всех документов. Ему уже порядком поднадоело это неблагодарное занятие. Легко себе представить всю степень неудовлетворения от работы, в которой как ни старайся, всё равно не увидишь её логическое завершение. Не каждому такое испытание под силу, в особенности человеку, привыкшему доводить начатое до конца и видеть искомый результат своего труда. Каждый день повторял предыдущий с незначительными вариациями, вызывая оправданное скверное настроение. Вот и сегодняшнее утро началось с просмотра заявок на текущий мелкий ремонт. Как обычно новизной или оригинальностью они не отличались. Одно и то же. Кран, туалет. Туалет, кран, лампочка. Несложная комбинация текущих проблем из предметов первой необходимости.

Перед Максом оказалась очередная бумажка, написанная ровным каллиграфическим почерком.

«...Не работает свет в ванной комнате. Можешь зайти и исправить в моё отсутствие.

Эвелин»

Макс отложил записку в сторону, намереваясь начать именно с неё.

«... Это надо будет посмотреть в первую очередь. Не дай Бог, подскользнётся и упадёт в темноте, потом вони не оберёшься.»

Такая предосторожность не казалась ему излишней. Случись подобный инцидент и пустая безделица могла бы очень легко перерасти в историю с очень неприятными последствиями. Находилось немало тех, кто зорко следил за малейшими упущениями, готовые в любой подходящий момент оказаться жертвой несчастного случая или просто, пострадавшими по какой-либо другой причине по вине домовладельца. В итоге, не очень честная игра, где проигравшей могла быть только одна и та же сторона, способная нести финансовую ответственность. Всё как предписывается в прилагаемой инструкции, - двое играют, один из них выкидывает кубик. Только на нём, на всех его гранях, одни шестёрки. Как не кинь, удача всегда на твоей стороне. Просчёт хозяина, удобный случай для его квартиросъёмщика, отсудить немного денег в свою пользу. Прецеденты удачных дел обрастали слухами и передавались жильцами, как хрестоматийные истории из уст в уста, в качестве поучительного образца умения вовремя подсуетиться.

«... Эта дама своего шанса не упустит.»

В этом Макс был уверен, как и в том, что очень просто совершенно неожиданно оказаться втянутым

в нелепое до абсурда по своей сути, судебное разбирательство. Она жила здесь давно, наверное ещё с момента первого заселения дома после постройки. Попав первый раз в её квартиру, он был поражен. Создавалось такое впечатление, что здесь ни к чему не притрагивались не годами, а десятилетиями. Авгиевы конюшни! Повсюду в углах равномерно лежала пыль, как снежное покрывало вдоль просёлочной дороги, нетронутая даже случайным прикосновением. На кухне, некогда белый кафель, превратился в матово желтый за исключением тех мест, куда иногда попадала вода и оставивила там грязноватые разводы. Эвелин по всей видимости, не страдала навязчиво болезненной чистоплотностью и уборка собственного жилища выпадала из списка её жизненных приоритетов. Впрочем, Макс испытывал большое сомнение по поводу, существовали ли они вообще? Жизнь этой женщины скорее походила на работу хорошо отрегулированного механизма, настолько всё в ней было расписано и отлажено с хронометрической точностью. Ровно в семь утра она появлялась из дверей своей квартиры с неизменной высокой причёской, волосок к волоску. На работу Эвелин не ездила на своей машине. Всю неделю автомобиль находился на стоянке и по субботам, минута в минуту, в десять, она выходила туда с небольшим пластмассовым ведром, чтобы протереть машину от пыли. Ведёрко было куплено лет сорок назад и этот заслуженный пионер бытовой химии на протяжении всего времени извлекался и ставился обратно, на строго определённое ему место. В будни, где-то к шести вечера её рабочий день заканчивался и фигура Эвелин показывалась возле входа, на высоких каблуках шпильках. Женщиной она была уже совсем не юной и её сухопарые ноги выглядели так, что вот вот готовы подломиться, как спички. Это впечатление подчёркивала неприличная для её возраста, короткая юбка, длина которой не менялась последние лет эдак много, так и оставшись данью крутой моде времён её далёкой молодости. Она исчезала бесследно, как привидение в своей квартире до следующего утра и весь цикл повторялся снова, изо дня в день, из года в год. Эвелин когда-то была замужем. Её супруга Макс видел случайно раз или два. В один не очень прекрасный день муж умер. Приехала пожарная команда, затем скорая помощь и розовощёкие молодцы вынесли и уже навсегда увезли его синюшное бездыханное тело. Эвелин не было дома весь вечер. Наутро она, как ни в чём не бывало, ровно в семь, с непроницаемым лицом и с неиспорченной причёской, как обычно, была готова продолжить свою устоявшуюся жизнь. Смерть близкого, а может и не совсем, человека не нарушила её ритм. Она не стонала и не рыдала, сокрушаясь о своей вдовьей доле, лишь спокойно перешагнула на своих тонких, как у цапли, ногах через досадную и несвоевременную помеху.

В ванной комнате всего навсего перегорела лампочка. Вкрутив новую, Макс с брезгливостью огляделся. Здесь было очень грязно, в особенности пол, с протоптанной тропинкой на замызганном линолеуме. Никто уже давно не прикасался щёткой к белесым мыльным потёкам на дверях душа и выглядело всё так, как-будто здесь жил одинокий, махнувший на себя рукой, старый холостяк, а не женщина.

Далее в намеченном списке была квартира гомосексуальной пары. Они совсем недавно сюда вселились и Макс хорошо запомнил первую с ними встречу. Пожалуй, он их вычислил сразу и даже не от того, что эти два парня не скрывали своей сексуальной ориентации. С некоторых пор глаз стал безошибочно определять любую принадлежность в безбрежном океане человеческих слабостей и вывертов сознания. Почему-то у таких молодых людей во взгляде присутствовала открытая и порой вызывающая надменность. Однажды задумавшись над этим, Макс так и не смог прийти к однозначному выводу об её происхождении. Это вполне могло быть невольной самозащитой от осуждения и порицания их содомского греха. Такая версия подходила для места таких людей в обществе, где проповедуется христианская мораль. С другой стороны, так мог смотреть человек, игнорируя религиозные заповеди и испытывая тайное презрение к тем, кому не дано подняться до сокрытого понимания однополый любви. Других причин он не находил. Как бы там ни было, новые претенденты на жильё появившись в доме, очень придирчиво осматривали пустую квартиру, которую похоже намеревались арендовать. Один был обут во вьетнамки и ногти на пальцах его ног были покрашены бледно розовым лаком. Раньше бы Макс посчитал это вызывающим, но теперь он с полным равнодушием смотрел на этих клиентов и даже был рад, что они здесь поселятся. В нём говорил профессиональный арендатор и ему было глубоко наплевать, что они из себя представляют. По собственному опыту он уже хорошо знал, что гомосексуалисты аккуратные жильцы и будут содержать квартиру в порядке. Вот и счелчас, переступая

порог он ни на секунду не сомневался в своих ожиданиях. Его встретил корабельный порядок и пугающая чистота больничной палаты. Всё здесь было любовно обставлено и обвешано, как не смогла бы постараться даже самая ретивая хозяйка. Педантично и скрупулёзно, на тщательно продуманных местах, с выверенным до дюйма, расстоянием. В столовой занавески с рюшиками, букет сухих полевых цветов, перехваченный голубой лентой на аккуратно сервированном, обеденном столе. Тут же пара подсвечников с декоративными свечами и два прибора, готовые к романтической интимной трапезе. Макс не мог удержаться чтоб не умилиться, испытывая при этом порядочную порцию иронии.

«... Не жизнь, а именины сердца».

Взгляд его скользнул вокруг, по непревычным предметам декора этого жилища. На стенах большие постеры и чёрно-белые выразительные фотографии в строгих плоских рамах. На них сплошь полуобнажённые накаченные мужики с волевыми подбородками с нежным взглядом, устремлённым на такого же нордического вида партнёра. Кожанная фуражка с блестящей никелированной цепью вокруг околышка на прикроватной тумбочке, хорошо заметные через проём открытой двери в спальню. Рядом два бокала и початая бутылка дорогого вина. Над кроватью одна из работ Йоргенсона, признак отточенного вкуса и эстетической взыскательности.

«... Да уж, это вам не хухры мухры...»

Как говорила одна его знакомая, - «любовь-морковь...»

«...Эти парни, слава Богу, не достают. У них свой круг привязанностей и интересов.»

Макс зашёл в ванную комнату и огляделся. Всё вокруг блестело, не то что у Эвелин. На полу стояла большая плетёная корзина, со свёрнутыми в рулон и кокетливо уложенными в ней, полотенцами. Такого же цвета, свежее мыло, а не заскорузлые и истрескавшиеся от старости, обмылки. Две зубные щётки, одна розовая, как дамская принадлежность и другая синяя, мужского цвета. В помещении пахло лавандовой водой и мускусом. Он довольно скоро закончил свою работу и уже захлопывая дверь, ещё раз огляделся на прощанье, удовлетворённый тем, что подтекавший кран больше не будет смущать их эстетическое восприятие.

«... Так, что у нас дальше..?»

Номер 23. Ах, да! Проблема с кондиционером.»

Там его уже ждали. Квартиру снимали двое, вроде муж и жена. Странные на вид и в общении люди. В особенности, женщина по имени Джейн, среднего возраста жгучая брюнетка с длинными наклеенными ресницами. Вид не то ведьмы, не то бракованной куклы. Макс прекрасно был осведомлён про неё, что она днём спит и бодрствует ночью. Об этом необычном распорядке знал весь дом. И ещё о её странной способности разговаривать с животными. Впрочем, к этому Макс относился с пониманием. Когда все вокруг врут, поневоле захочется обратиться к тому, кто не умеет это делать.

Каждый раз попадая в их жилище, он испытывал нечто вроде боязни замкнутого пространства, настолько комнаты казалось тесными. Не изловчившись, невозможно было повернуться, без опасений что-то не задеть. Вся гостиная была заставлена невероятным количеством вещей, но что бросалось сразу в глаза, так это украшенные цветным бисером сотни больших и маленьких портретов непонятных святых. Макс даже не пытался определить их национальную или культурную принадлежность. Нечто среднее между индуистскими изображениями и христианскими ликами. Они смотрели отовсюду и каждый портрет был буквально испещрён мелкими цветными стеклянными шариками, уложенными то правильно в ряд, то волнообразно. Между ними, в просветах на стенах во всех направлениях бодро, но неизвестно куда, летели хрустальные и гипсовые ангелы, придерживая пухлыми ручками то веночки, то дудочки. От перманентно задёрнутых штор, здесь всегда стоял полумрак и уже через несколько минут полностью терялось ощущение времени. Муж Джейн или кто он ей приходился, придерживался какой-то восточной религии. В то время, как Макс появился на пороге, он сидел на корточках перед открытым небольшим шкафчиком на стене и молился. Его гнусавый голос иногда прерывался звоном колокольчика, в который он каждый раз звонил, очевидно завершая таким образом очередное духовное послание. Мешать было неудобно и пришлось занять место в сторонке в ожидании пока тот закончит. Он наконец, прозвонил в последний раз и закрыл свой домашний алтарь. Только тогда Макс заметил, что он одет как буддийский монах в оранжевую тогу.

«... Господи, одни сумасшедшие...»

Подумалось при виде этого зрелища. Вместе они перешагивали через какие-то ящики, пока к счастью, не оказались перед кондиционером. Макс принялся за работу. В какой то момент времени ему почудилось, что кто-то за ним наблюдает. Он инстинктивно обернулся и увидел огромного чёрного кота, который возник ниоткуда. Кот посмотрел немигающим взглядом своих желто-зелёных глаз и медленно лавируя между завалов книг, картинок и ящиков, медленно исчез за неплотно прикрытой дверью в другую комнату. Кондиционер и вправду не включался, пришлось поменять термостат и после этого раздался характерный щелчок и подул холодный воздух.

На сегодня это была последняя заявка. Уже прощаясь, Макса так и подмывало спросить у этого шизонутого, - неужели он не смог найти утешения и смысла в религии и культуре, унаследованной от своих родителей? Зачем ему рядиться в чужие одежды и звонить в колокольчик, понимая этот звон лишь, как необходимый атрибут чужих ему символов? Что он собирается передать детям, если их когда-нибудь заведёт, кроме ящика на стене и своих оранжевых обносок? Не пришлось. Новоявленный буддист уже скинул свой маскарад и оделся как ему подобает. Кроссовки, майка и бейсбольная кепка, которую он напялил на голову, на непросохшие волосы, немедленно после душа. Теперь он тяжело дыша, топтался в коридоре, поджидая выпроводить Макса. Из-за тёмной щели в дверном косяке за ним неотрывно следили взгляды двух пар напряжённых глаз, кота и его хозяйки.

Дом имел форму замкнутого четырёхугольника с бассейном посередине. С одной стороны он настолько близко примыкал к стене, что при желании не составляло никакой сложности прыгнуть вниз со второго этажа в прозрачную голубизну воды. Слава Богу, что он был последним, а на крышу никто забраться не мог. С некоторых пор Макс стал по-новому смотреть на окружающие его элементы постройки, автоматически предугадывая чьи-то, трудно объяснимые и непредсказуемые, порывы. Только теперь он понял до конца предупреждающие надписи на этикетках товаров народного потребления. Не пить средства для прочистки канализации, не трогать руками раскалённый уют. Трудно было себе представить, что нормальный человек станет это делать, если конечно же он таковой, а не полный идиот. Сколько раз Макс обжигался на своей наивности, пока в итоге не пришёл к единственно верному выводу. Он объяснял всё! Полный..! От потребителя можно ожидать всё, что угодно и в этом он убедился на собственном опыте.

Конфигурация бассейна представляла собой неправильный овал и его максимальная глубина достигала десяти футов. В нём можно было даже утонуть, впрочем и ложкой воды не трудно захлебнуться. По ночам он подсвечивался фонарём изнутри и свет струился снизу, делая поверхность воды изумрудного цвета. Наверное, этого оптического соблазна не смог избежать один из Макса квартирантов. Празднуя свой день рождения и плохо рассчитав возможность своего организма к употреблению спиртного, он прелюдно сиганул вниз с балкона, в полной уверенности своей безопасности. Беднягу подвел не столько его вес, а туша была основательной, сколько собственная неосмотрительность. Ударившись о дно, он сломал в нескольких местах ногу. При этом вода из бассейна выплеснулась по всему двору, словно море, вышедшее из берегов во время вселенского катаклизма. Макс был безмерно счастлив, что в договоре об аренде существовал параграф, предусматривающий именно такую выходку и этот горе прыгун мог теперь винить только самого себя, а не менеджмент, пытаясь отсудить компенсацию за свою глупость. Вообще, любой водоём, даже искусственный, это всегда то место, к которому никто не остаётся равнодушным. Очень вероятно, что где-то далеко в нашем подсознании всё ещё теплится неутраченная тяга к колыбели всего живого на земле и потому мы так замороженно смотрим на воду.

Бассейн занимал практически весь двор. Его размер позволял не плескаться там, как в лягушатнике, а проплыть от начала в конец, не стесняя себя в свободных движениях. У пологих ступеней, спускающихся в воду стояли стулья, предназначенные для принятия солнечных ванн. Слегка продавленные и обычно занятые праздными завсегдатаями, они никогда не пустовали. Те, кто их облюбовал находились здесь весь Божий день, словно приклеенные и покидали свой пост разве, что на ночь. Довольно неохотно, уже готовые утром пораньше опять там оказаться. Совсем, как когда-то во дворе его детства лавочка, отполированная до блеска задницами и оккупированная в основном любительницами сплетен.

«... Как всё везде одинаково.»

Стулья, как всегда, не пустовали. Сидели те же самые, что и всегда, без усталости перемыывая кости тех, кто отсутствовал. Они увидели Макса, выходящего из парадной и зашушукались. Его появление несомненно внесло оживление в их ленивую беседу. Только когда он подошёл поближе, они приняли радостный и приветливый вид, полный такого безмерного счастья, словно он был носителем благостной вести о рождении младенца Иисуса. Елейно поздоровались, сохранив про себя хорошо сдерживаемую неприязнь. Их продолжала бесить, соблюдаемая им дистанция и его нескрываемое нежелание её сокращать. Нет более лицемерного отношения, чем дешёвое панибратство, в котором за фамильярностью подчас скрывается элементарное неуважение.

- Глава 2 -

Всё время после обеда пришлось провести за письменным столом. Заваленный бог знает чем, он не вызывал никакого желания наводить порядок. Кое-как освободив себе краешек, вполне возможно было за ним разместиться и поскорее закончить эту назойливую процедуру. За прошедшую неделю накопилось полно счетов к оплате, несколько писем ждали ответа, не считая протоколирования всех даже незначительных документов. Предусмотрительность в подтверждении любой мелочи приобретала характер паранойи и в такой канцелярской возне в большей степени прослеживалось хроническое недоверие к небольшому бизнесу, чем собственный бухгалтерский учёт. Копии квитанций, копии копий, за неполный год Макс собрал килограммы бумажного мусора. На работу с документами сомнительной важности уходило достаточно много времени, словно он вёл дела в крупной жилищно-эксплуатационной конторе. Менее всего Макс предполагал увидеть себя в Америке управдомом. Имея высшее образование, человек воспитанный на богатой русской культуре и претендующий на собственную интеллектуальность, он оказался в таком прозаическом месте.

«...Грустно...»

Он почти машинально заполнял какие-то idiotские листки, размышляя о неимоверной скуке своих занятий. За этими делами день прощел незаметно.

На вечер Макс наметил мероприятие. Несколько дней назад он случайно прочёл в местной газете «Лос-Анджелес Таймс» объявление о предстоящей выставке-продаже работ довольно известного современного русского художника. К чести устроителей, её планировали в Беверли Хилз в какой-то галерее, а не как обычно, в местах, где проводились прочие культурные встречи с соотечественниками. Традиционно это могла быть публичная школа в недорогом районе города или некое похожее заведение, не требующее основательных затрат на аренду помещения.

Галерея оказалось небольшой, но очень уютной. Ещё издали Макс заметил людей, кучковавшихся возле входа. Он никого здесь не знал и с интересом разглядывал посетителей, толпившихся возле распахнутых настежь дверей. Наверняка, многие из присутствующих могли быть представителями местного бомонда. Так во всяком случае казалось, глядя на высоченных девиц в вечерних платьях с оголёнными спинами и тех, кто их сопровождал. Денди двадцать первого века. Очень стильные молодые люди, подчёркнуто небрежно одетые, которые как и положено, поддерживали свой мужественный имидж холодного мыслителя или утомлённого плейбоя с помощью ухоженной недельной щетины на пустоватых лицах.

«...Москва или Питер...»

Подумалось Максиму.

«..Уже новое поколение, унаследовавшее традиции своих родителей, не отставать от жизни и стараться не пропускать ни одно из интересных событий».

В таком городе, как Лос-Анджелес не было недостатка в подобного рода мероприятиях, но русскоговорящая публика всегда с большой охотой встречала своих представителей творческой интеллигенции. Это по праву превращалось в долгожданное мероприятие и удобный случай

потусоваться. Не всех же интересует чистое искусство. Для многих визит сюда мог стать прекрасным шансом разнообразить свой ограниченный досуг на светском уровне. Явление вполне понятное и допустимое для людей, которые преодолев непростые времена своего становления, желают наконец, спокойно пожинать лавры собственного труда.

На пороге одновременно появились две характерные пары. Только слепой их мог бы не заметить и хотя южный город предопределяет специфический вкус на крикливые наряды, эти всё равно, сумели выделиться из толпы. Они пришли вместе, связанные долготейшей привычкой проводить свой досуг вчетвером. Две крашенные блондинки, далеко не первой свежести и при них их лысоватые спутники, очевидно мужья. Впрочем, в статусе последних не приходилось сомневаться. Любовники зрелого возраста стремятся к интимному уединению, а вовсе не тяготеют к местам скопления народа. На женщинах было надето множество ювелирных украшений, предусмотренных парадным этикетом и разве, что не хватало диадем и ножных браслетов. От их обилия в сочетании с дорогими дизайнерскими костюмами и с какими-то безумными сумками, которые по всей видимости, свидетельствовали об их привелигерованном положении в обществе, безбожно рябило в глазах. Мужички выглядели попроще, но не настолько, чтобы не распознать в них бывших работников прилавка или представителей некой подобной структуры, связанной напрямую к былому доступу или распределению материальных благ. На бывшем советском человеке такая печать остаётся навсегда, как шрам или наколка. Этот след не пропадает и не растворяется бесследно в пространстве, обретенного заново благополучия и чаще всего читается во взгляде. В нём заметно сквозит так хорошо знакомая прежде, самоуверенность торговой или хозяйственной элиты минувшей эпохи и её не утраченная, значительность. Недаром, такие люди продолжают её носить вместе с золотой цепочкой и перстнем, но не с теми разрешённым к вывозу через советскую таможню, по ограниченному количеству граммов на человека, а уже с новыми, потяжелее, как свидетельство возвратившегося величия. Приметные мужички прошли вперёд и стали равнодушно глазеть по сторонам, в надежде поскорее отсюда улизнуть. Даже незаметно зевнули, оказавшись здесь случайными зрителями. Весь их нпряжённо-скучающий вид словно говорил, что они с большим удовольствием растянулись бы на диване с пультом от телевизора, вместо того, чтобы так бездарно проводить время.

Вот что случается с теми, кто не умеет предусмотрительно проявить должного сопротивления своим, скучающим по вечерам дома, жёнам.

«... Эти похоже, достигли серьёзных высот.»

Макс невольно усмехнулся от нескрываемой важности, которую они источали.

«... Медицинский офис? Адвокатская контора? Да мало ли мест, где могут себя найти и самораскрыться решительные и деловые люди... Он же нашёл. Путь достаточно и нет ничего зазорного воспользоваться той возможностью, которую увидел первый.»

Дамы с видом учёного верблюда остановились возле очередного экспоната и искоса наблюдали, какое они производят впечатление на окружающих. Уже через минуту Макс полностью потерял к ним всякий интерес, такие читались как букварь первоклассника с его простыми словами и односложными предложениями.

«...Мама мыла Машу.

Маша мыла раму...

О, Господи. Какой-то сплошной банно-прачечный комбинат »

Непонятно как возник такой ассоциативный ряд, но Макс вдруг живо себе представил двух этих блондинок с мочалками в руках в виде главных действующих лиц, изображённых на картинках учебника.

Справа от себя он внезапно отметил английскую речь. Говорили без акцента. Здесь, в основном среди русскоязычных посетителей, она звучала необычно и Макс невольно посмотрел в ту сторону. Невысокая, старше среднего возраста, брюнетка без грамма косметики на лице и с ней очень, как ему показалась, весьма миловидная спутница.

«...В ней определённо есть что-то от моей жены...»

Непроизвольно подумал Макс и тут же про себя отметил с горькой иронией.

«...Бывшей...»

Женщины что-то живо обсуждали и ему были слышны лишь фрагменты отрывочных фраз. Он украдкой стал их разглядывать, вернее ту, что привлекла его внимание. Она, в свою очередь не замечая, что за ней наблюдают, не стесняясь, всю пялилась на окружающих. Пока Макс следил за ней взглядом, в зале установили небольшую стойку и за ней появился высокий худой бармен с выразительным лицом демона. От него словно исходил дух зла, призрачно-необъяснимый и к нему тянуло. Так должно быть выглядел Мефистофель, в тот момент, когда он предлагал Фаусту подписать с собой контракт. От внимания бармена казалось не ускользал ни один из присутствующих и он видел насквозь все тайные слабости каждого. Глядя на него, создавалось впечатление, что он здесь не столько для того, чтобы разливать напитки, а затем, чтобы наметить себе очередного клиента, одурманенного жадной возвыситься над остальными в одной единственной счастливой и никому неподвластной возможности, от которой не смог когда-то отказаться несчастный доктор.

«...Позвольте! Почему несчастный? Может совсем наоборот, счастливый и сумевший правильно использовать иррациональное могущество?»

«...А ведь и я пожалуй, в этом грешен... И меня уже неоднократно посещала эта дерзкая мысль. Оказаться за той чертой, где уже нет больше черепашого движения к поиску бездействующих средств для достижения мнимых целей».

Подумал про себя Макс.

«... И этот и тот...»

Он пытливо всматривался в каждого, кто стоял рядом.

«...Как и все мы испытываем непреодолимую потребность быть властителем своей судьбы, а не гоняться впустую в потаённых мыслях за миражом не сбывающихся желаний.

А заключил ли бы он договор, как Фауст, скрепив его кровью, и если, - да, то сделал бы это сознательно, а не по собственной слабости или глупой неосмотрительности?»

Макс уже понял, что почти готов с ответом и тут же скептически сам себе и возразил.

«...Легко быть решительным, не ведая страха лишиться бессмертия души, в которое всё равно не веришь....»

Какой соблазн! Отказаться от ничего и приобрести всё! А ведь так не бывает, что пожертвовав ненужным, получаешь взамен, вожделённое. Если торг состоится, то надобно будет заплатить, господин хороший... Но чем?

А может быть бессмертие души, это и есть то самое, что движет постоянным стремлением к примерению разума и его нескончаемых фантазий с brutальным инстинктом? И без этого торжества единения наступает полное безразличие и холодный покой? И нет больше неисполнимых желаний. Может быть оно, это вечно живое торжество человеческого духа, неотделимое от плоти, вовсе не кажущаяся мелочь, которая неверно им истолкована, а нечто совсем иное?

Пожалуй, попытаться найти объяснение, это тоже самое, что вглядываться во мрак с завязанными глазами. Ответ может быть совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки, но и не исключено, что он находится бесконечно далеко.»

...Как сладко быть рабом своих исполнимых прихотей и какое горькое страдание, переживать их недоступность...

Макс вдруг понял, что кто-то пристально смотрит на него... Он знал, что не должен оборачиваться.

«...Ну это уже слишком! Если и продавать свою душу, то хотя бы женщине и непременно выторговать при этом, неземное удовольствие...»

Напряжение внутри тут же исчезло и он посмотрел в сторону стойки. Там уже образовалась небольшая очередь, человек в пять, но этот необычный бармен тотчас умело всех оприходовал и затор из желающих выпить, тут же рассосался. Теперь он одиноко возвышался в углу, в гордой позе, сакраментально скрестив на груди руки и перед ним там на подносе сиротливо стояли бокалы с красным и белым вином. Макс ещё раз посмотрел в его сторону.

«...Да, уж... Не так легко отыскать здесь подходящий товар. Для того чтобы купить душу, надо найти

того, кто её имеет...»

Он отвернулся и попытался глазами отыскать двух этих женщин, но их нигде не было. Они словно пропали, бесследно растворившись в воздухе. Он покрутил туда, сюда головой и удостоверившись в безрезультатности своего поиска, решил, что они наверное, уже ушли.

«... Значит, не судьба...»

Одна из них ему несомненно, понравилась и он с сожалением отмечал её отсутствие. Макс опять вернулся к экспонатам. Как и большинство, он не собирался ничего покупать, ему было просто интересно окунуться в атмосферу выставочной жизни. В последние годы это к сожалению, происходило редко. Посещение художественных галерей и тем более в момент вернисажа он всегда считал для себя приятным и небезинтересным времяпрепровождением. Макс вырос в интеллигентной семье, где ценить и понимать искусство носило генетический характер. Его дед был художником и скорее от него он унаследовал эту внутреннюю тягу к живописи.

Макс довольно скоро обошёл два небольших зала и прихватив предлагаемый бокал с вином, решил подняться на второй этаж. Там не оказалось ни одного человека.. Все сконцентрировались внизу и сюда лишь доносился лёгкий, едва различимый, гул. На одной из стен висели несколько цветных офортов Шагала. Они привлекли Макса внимание и он отошёл чуть чуть в сторону, выискивая точку откуда не было бы видно отражение ярких галогеновых ламп с потолка на стекле, предохраняющих работы. Незаметно он перестал замечать окружающее и не мигая, глядел перед собой, всецело погрузившись в свои мысли.

«...Что со мной...?»

Я явственно ощущаю, как жизнь держит меня на поводке. Вроде бы и нет оснований быть недовольным собой, но я вижу какую-то хорошо заметную ограниченность в вещах, что со мной происходят. Нет видимых препятствий, но постоянно чувствуется, как что-то не складывается и мои, казалось бы совсем не завышенные стремления, не воплощаются в реальность, так и оставшись бесплодной надеждой.

Я начинаю привыкать к разочарованию...

А может быть, всё это плата за то плохое, что не произошло..?»

На лестнице слышались шаги. Макс тут же очнулся. Кто-то ещё вероятно, решил поинтересоваться этой частью галереи.

- Вы любите Шагала?

К нему обратился женский голос по-английски. Макс с любопытством обернулся и невольно вздрогнул. В нескольких шагах от него стояла та самая приглянувшаяся ему незнакомка, но уже без своей подруги. Он даже на секунду растерялся от внезапности её появления...

Увидеть её здесь, рядом с собой он никак не ожидал. Она смотрела на него уверенно, не смущённая от того, что первая заговорила с незнакомым мужчиной. Взгляд ему показался знакомым. Он как-будто уже встречался с подобным в своей жизни. Макс ответил почти машинально, продолжая находиться под непонятным пока, впечатлением.

- Пытаюсь определить, кто там нарисован в левом верхнем углу, козлик или другое парнокопытное.

Она засмеялась.

- У вас всегда такое пристрастное отношение к произведениям искусства?

Макс сделал глоток из своего бокала.

- Всегда. Задний план большинства шедевров и персонажи на нём часто весьма красноречивы, впрочем как и в жизни. Они прекрасные референты, с помощью которых можно уловить единственно правильный смысл. Наверное именно поэтому, я так люблю академическую живопись. Её эстетика, тонкое напоминание о бесценной роли символов.

Он уже оправился от своих дум и от странности появления этой женщины. На какую-то секунду ему показалось, что она здесь неспроста. Так молодой, но уже опытный волк чувствует стрелков, которые стоят по номерам. С уверенностью собственной неуязвимости и проснувшимся азартом, кто кого перехитрит. Макс снова подошёл ближе и приглядевшись, уже с уверенностью проконстатировал.

- Определённо, козлик.

Ну, это ж совсем другое дело! Теперь и осмысливается всё совершенно иначе. Вы не находите? Она кинула мимолетный взгляд на картину, которую судя по всему, уже неоднократно видела прежде и тотчас перевела его на Макса.

- Вы художник?

Он внимательно посмотрел на свою случайную собеседницу и заметил.

- Мне кажется, что в мужчине всегда просыпается художник при виде женщины.

Макс принял театральную позу и продолжил.

- Именно сейчас я уже ощущаю, как во мне рождается творец. Кстати, вы не в курсе, где здесь продают краски и кисти?

Его неожиданная новая знакомая игриво улыбнулась и протянула руку.

- Речел.

Ну а как зовут вас, внезапно родившийся талант?

- Макс. Я из России и мне чрезвычайно нравится ваше библейское имя. Наверное, именно такую женщину встретил однажды Иаков возле устья колодца. Он долго туда шёл...

Добавил Макс многозначительно. Она удивлённо вскинула брови. Её взгляд проникал глубоко вовнутрь, как бы задевая его недавние мысли, но он не казался препарирующим, а напротив, был пронизан теплом и покоем.

- Спасибо за такой необычный комплимент. Признаться, никто мне таких раньше не делал. И ещё... То, что вы русский, видно невооружённым глазом.

- Неужели?

Макс притворно удивился.

- Вы заметили во мне другое существо?

- Заметила, потому и заговорила.

У Макса пропала вдруг вся откровенная ирония, которой он давно не стеснялся в общении с американцами. Вот и сейчас ему поначалу было весело её подкалывать, пока не стало понятным, что перед ним не полная дура, которая за здорово живешь, хочет заграбастать себе мужичка, а даже совсем наоборот.

- Речел, я теряюсь в догадках. Может вы поделитесь своими наблюдениями, а я вам принесу оттуда, - он взглядом покосился вниз, - вина. Белое, красное? Качество конечно не ахти, но вполне сносное для этого мероприятия.

- Спасибо Макс, мне белого пожалуйста. Вы джентельмен, как большинство из ваших соотечественников, которых я встречала и мне это нравится.

Макс быстро вернулся. Народа внизу заметно прибавилось и многие уже стояли, перекуривая на улице. Исчезла чопорность атмосферы первого получаса и люди уже всю громко переговаривались, обсуждая работы и за глаза их автора. Пространство возле импровизированного бара оказалось полупустым и он подхватив наполненные бокалы, под строгим оком виночерпия, поспешил обратно.

- Речел, скажу без ложной скромности, вы меня заинтриговали. Итак, чем же я столь не похож на жителей этой прекрасной страны, исключая ужасный акцент?

Макс, приглашая к разговору, протянул ей вино. Она приняв его благодарно, подчёркнуто грациозно присела на небольшую банкетку посредине зала.

- В вас русских есть какой-то особый шарм, я бы сказала, умение непредвиденно фантазировать. Восточная дикость с европейской утончённостью. Я почти уверена, что почти все приехали сюда на дорогих машинах, причём некоторые купили их на последние деньги. Это по вашему, пускать пыль в глаза. Но приехали именно сюда в известную галерею, где не держат работ третьестепенных авторов и прекрасно разбираетесь в том, что большинству моих соотечественников непонятно совершенно. При этом снисходительно опять пускаете пыль в глаза, делая вид, что разглядываете на картине каких-то козликов.

Для Макса такое наблюдение оказалось сюрпризом. Приятным и неожиданным. Он бы не сказал так обо всех присутствующих, это было бы непростительным преувеличением, но в целом некоторые отправные моменты в идентификации свойств лучшей части своих бывших сограждан, были

подмечены верно.

«...Откуда это у неё..?»

Впервые в Америке он говорил с человеком на одном языке, который, как видимо не ищет пока от него никакой выгоды.

«... Пока. А там Бог его знает. Все они мазаны одним миром».

За время жизни в этой стране и тем более в большом городе, он меньше всего рассчитывал на чужую искренность и бескорыстие. От непростительной наивности Макса постепенно отучил его новый родственник. Трудно сказать, как Макс к нему относился. Впрочем, какие чувства можно испытывать к тому, кого всю жизнь не знал и вдруг столкнулся с необходимостью быть с ним постоянно рядом и не замечать по возможности, сопутствующие каждому, недостатки. Звали его дядя Сэм и часто вглядываясь в портрет этого самоуверенного старикана с козлиной бородой, невозможно было отделаться от впечатления, что его требовательный взгляд, сурово направленный из под звёздно-полосатого цилиндра и указательный палец, обращённый тебе прямо в переносицу, словно говорит.

«...Запомни, что самое простое, это стать жертвой своего необдуманного доверия!»

Наверное он был безусловно прав, если его слова нашли своё подтверждение в такой короткий срок и в ощущении реальности теперь больше присутствовала подозрительность, чем уверенность в том, что тебя не надули самым бесовестным образом.

Беседуя с этой малознакомой женщиной, у Макса по непонятной причине вдруг отключился рефлекс, привитый ему не без участия всезнающего дядюшки. Он даже не успел сообразить, когда и почему это произошло. Его просто оставил на какое-то время инстинкт самозащиты, обострившийся за несколько лет и достигший пещерного уровня неандертальца.

-Речел, а вам нельзя отказать в способности видеть и анализировать. Единственное, чтобы я посоветовал, не стоит обобщать.

- Макс, это не обобщение, я долгое время жила в Вашингтоне и мне приходилось часто сталкиваться с русскими.

- Вот как? Чем же вы занимаетесь, если не секрет?

- Не секрет. Я работала в Вашингтонской национальной галерее и в мои обязанности входило курирование зарубежных культурных связей. Знаете, такая распространённая форма сотрудничества, выставки, обмен исследовательскими материалами...

Макс кивнул

- Не разу там не был, а жаль. Именно в экспозиции этого музея находится одна из моих самых любимых работ Босха «Смерть скупца». Замечательное и поучительное полотно.

Она усмехнулась.

- Ну вот, простое доказательство. Случайный русский собеседник и уже такая эрудиция. А сколько моих земляков могут похвастаться, что знают где находится тот или иной малоизвестный шедевр? Я уже не говорю о личном восприятии картины, такое, удел эстетствующих одиночек. Мы можем сейчас покинуть эту выставку и пройти всю Родео Драйв от Вилшера до Санта Моники бульвара и я могу поспорить, что ни один не скажет ничего определённого по этому поводу.

- Речел, я могу с вами тоже поспорить, что если мы проедемся в Западный Голливуд и остановимся в районе Фейрфакса, то и тогда вам никто вразумительно не ответит на ваш вопрос, хотя именно там, многие говорят по-русски. Национальные традиции здесь не причём. Мне кажется, дело совершенно в другом. Для большинства, информация такого толка, бесполезное и ненужное знание. Это не их среда обитания и ничего плохого нет, если человек игнорирует то, что его не касается. Я уважаю тех, кто не пыжится быть умнее самого себя и не старается выбирать свои увлечения вопреки собственному вкусу. Для меня уже давно не секрет, что образованность и начитанность, совсем не означают интеллектуальность или способность рассуждать. Приверженность к искусству, по моему мнению, это свойство природы, а вовсе не хороший тон или правильные жизненные ориентиры..

Вы не согласны? Кстати, я не вижу причин не принять условий пари. Мы выйдем сейчас на улицу и будем спрашивать встречных об этом полотне. Вас не смущает моя готовность?

Вижу, что нет. Ну и отлично. В случае, если никто не ответит, я приглашаю на ужин в «Вио Венетто».

Это хороший ресторан, поверьте моему слову. И ещё один нескромный вопрос, где ваша подруга?

Речел взглянула так, как могут смотреть только искушённые женщины. Такой взгляд околдовывает беспощадной пронизательностью инквизитора, который знает наперёд больше, чем ему того к сожалению, хочется. Максу она нравилась всё больше. От неё сквозила постельная притягательность. Есть такие женщины, с которыми хочется немедленно и не раздумывая, прыгнуть в койку. Они оба в какой-то момент оказались внезапно под гипнозом взаимного доверия. Так бывает. С первого взгляда понятно, что можно уже не остерегаться. Если бы в английском языке существовали обращения, дружеское, «Ты» и официально-уважительное «Вы», то несомненно с этого момента, они перешли уже на более короткой ногу.

- А от тебя ничего не скрылось. И кто же тебе понравился больше?

- Речел..

Макс как-будто не ожидал такого провокационного вопроса и в его тоне прозвучал укор.

- В любой женщине есть всегда что-то привлекательное, даже в самой некрасивой. Всё зависит от того, как и кому себя подавать. Я не сторонник завоёвывать симпатии дешёвыми комплиментами и не думаю, что мой немедленный ответ будет звучать абсолютно правдиво. Сказать не задумавшись, это шанс бессознательно солгать. Если я немедленно отдам предпочтение тебе, это будет выглядеть слишком просто и неубедительно, но в тоже время я бы не стал утверждать обратное.

Он виновато развёл руками.

- Вот как?

Ей вероятно понравилась тема и предмет обсуждения, которых они случайно коснулись.

- Человека надо узнать поближе, но и тогда довольно сложно разглядеть хотя бы малую крупицу из всего, что в нём есть, а тем более женщину..

Макс это произнёс наставительным тоном. В её лице промелькнула усмешка.

- Ах, да. Я совершенно забыла, вы ещё к тому же и тонкие дипломаты.

- Пусть будет так, хотя я не замечал за собой раньше особенного умения обходить острые углы. Мне просто хочется зажечь в тебе искру соперничества.

Речел от неожиданности даже слегка задохнулась, но уловив несерьёзность настроения своего собеседника, рассмеялась. Её даже позабавило это весёлое нахальство.

- А ты самоуверен. Хочется верить, что для этого есть основания.

- Время покажет.

Макс тоже находил несомненное удовольствие в такой словесной игре. Они подошли к лестнице и он спустившись первым, предложил ей руку. Речел безбоязненно опёрлась о его ладонь и он бережно свёл её вниз.

- Откуда начнём? Мне не терпится начать опрос общественного мнения.

Она на минуту приостановилась и посмотрела на него с невозмутимостью человека, знающего себе цену.

- Макс, но это я отстаиваю свою правоту и я несу всю ответственность. Впрочем, кто знает, может и найдётся какой-нибудь сумасшедший, хотя я не думаю, что Родео Драйв запружена искусствоведами. Ты хочешь в «Вио Венетто», что ж, я не против, но это единственный твой выбор. Ну как, условия приняты?

- Речел...

Макс с ожалением покачал головой.

- В России за счёт женщины живут и кушают только альфонсы. Тебе придётся сделать поправку на национальные особенности восприятия и воспитания. Надеюсь, против этого ничего нельзя возразить?

В замечании Макса Речел уловила признаки присутствия принципов.

- Я в тебе не ошиблась...

Он скромно потупил взор и едва поклонился.

- Я тоже...

Они весело прошлись вдоль квартала, заглядывая в ещё открытые магазины и останавливая случайных прохожих. Большинство со смехом воспринимало неожиданный вопрос, как шутку и даже старались

подыгрывать. Когда Макс с жёстким восточноевропейским акцентом произносил имя художника, на многих лицах возникало недоумение и они безуспешно пытались вспомнить расположение этой улицы. Он решил схитрить и заметив издали знакомые лица по тому месту, что они покинули не так давно, обратился к людям с коварным вопросом.

- Я извиняюсь, но у нас, - он жестом указал на себя и Речел, - возникло затруднение...

Пара, с которой он заговорил не шарахнулась в испуге от такого предисловия. Они остановились, готовые выслушать и по возможности помочь. Макс, вполне освоившись с ролью, уже уверенно излагал суть своей проблемы.

- Мы тут с дамой поспорили, где находится картина Иеронима Босха «Смерть скупца». Кстати, познакомьтесь, её зовут Речел..

Мужчина и женщина сохраняли свою полную невозмутимость и тоже представились.

- Так вот. В случае если Речел окажется права, она получает какую-нибудь милую ненужную безделушку на память, ну а если я ..

Макс вздохнул, как будущий актёр на прослушивании.

-... Ну, а если всё таки повезёт мне, она одарит меня своим поцелуем.

Пара оказалась русскими. Уже немолодые, культурного вида. Так могли выглядеть люди с консерваторным образованием или научные сотрудники со степенью кандидата.

- И ещё, если это вас не затруднит, ни слова по-русски..., я только один владею этим языком.

Мужчина улыбнулся

- По-моему справедливость не нарушена . Что ты думаешь, дорогая?

Он обратился к своей, очевидно, супруге. Потом хитровато прищурился и заговорщически произнёс.

- Ну а что лучше, поцелуй или безделушка?

У Макса радостно ёкнуло сердце, у этого человека оказалась несомненная живость ума.

«...Я не ошибся и они в настроении, а если так, то не будут недоумённо, как остальные, долго соображать.»

Он ещё раз обвёл всех глазами и с достоинством средневекового рыцаря промолвил:

- Я за честный поединок.

Мужчина на минуту задумался и вроде что-то вспомнив, медленно проговорил.

- Самый известный триптих в Прадо...

Он напрягал свою память.

-Смерть скупца...? Смерть скупца..? Лувр?

Макс посмотрел на Речел долгим взглядом.

- Ну, вот... Всё очень просто, кто-то из нас проиграл.

И не отрываясь от её лица, уже по-русски добавил в сторону.

- Я вам чрезвычайно благодарен.

Пара многозначительно переглянулась и поспешила прочь. Макс продолжал вглядываться в глаза Речел, словно хотел убедиться, что его старания не прошли даром.

- Он ошибся, но не очень. Там действительно находится ещё одно очень известное произведения Босха. Тем не менее, мне кажется, ты дважды в выигрыше. Никто даже намёком не обмолвился о Вашингтонской Национальной галерее. Что, о ней никто никогда не слышал или тебе так везёт всегда? С меня ужин и то, что я так неосмотрительно пообещал. Поехали? Моя машина в паре кварталов отсюда. Наверное нам следует поторопиться, в «Вио Венетто» всегда полно народу. Может даже придётся подождать, но это того стоит, там хорошая итальянская кухня.

Уже в машине Речел, удобно устроившись на сиденье, ненавязчиво поинтересовалась

- Скажи Макс, как долго ты Америке?

Он оторвал свой взгляд от дороги и вопросительно посмотрел на Речел.

- Давно. Почему ты об этом спрашиваешь?

-Так. Хочу понять, сколько времени нужно человеку, чтобы начать ходить по галереям и после непродолжительного знакомства приглашать женщин ужинать в дорогих ресторанах.

- Ты считаешь это большим достижением?

- А ты так не думаешь? Между прочим, многие, кто родился в этой стране могут только мечтать о подобном. Прекрасное можно воспринимать полнокровно, освободившись полностью от гнёта каждодневных обязательств. Я американка и воспринимаю жизнь возможно несколько радикально, но поверь, для меня, если человек интересуется по-настоящему искусством, значит у него на это хватает времени и средств.

- Это вид на общество изнутри? Я полагал, что в Америке нет разграничений к потреблению.

- Не путай сложную работу души с пустой развлекаловкой. Уж чего чего, а этого у нас в избытке и доступно каждому.

- Значит, чем больше денег, тем тоньше душа?

Макс от души рассмеялся. Он прекрасно понимал куда она клонит, но хотел её раззадорить и поглубже втянуть в провокационную беседу.

«.. Ей Богу, такое впервые. За столько лет он ни разу не выслушивал ни от кого подобные суждения. А может, просто не с теми общался?»

- Речел, мне кажется любое восприятие очень индивидуально. Я понимаю, что когда голова забита финансовыми выкладками в объёме теста на выживание, совсем не до изысканности линий и волшебства слияния красок, но в итоге манера и стиль жизни, это собственный выбор и его никто не навязывает.

Она посмотрела на него, как взрослые смотрят на наивного ребёнка.

- Макс, запомни, у нас в стране выбор существует, если есть деньги, ну и естественно отсутствует, пока их нет. Степень свободы определяется размером счёта в банке. Ты поставлен в такие условия и должен играть в эту игру, где на финише финансовая кабала во имя достижения эталона жизни. Американская мечта, свой дом с лужайкой перед ним, это свет в конце туннеля. Предмет вождения и лакмусовая бумажка собственного успеха.. Альтернативы для большинства не существует и вся система построена так, чтобы поощрять участие каждого в гонках с препятствиями. Хочу заметить, система работает и как показывает опыт, очень хорошо. А для того, чтобы человек не скучал и не дай бог, не разуверился в предлагаемых ценностях, к его услугам массовая культура под любым соусом. Беспроигрышный бизнес, как кино, например и знаешь почему?

Макс не желая спугнуть этот неожиданный поток красноречия, промолчал.

- Только там, в зрительном зале, заплатив недорого за билет, человек погружается в другую жизнь и забывает о своих собственных проблемах. Ты когда-нибудь видел американский фильм с плохим концом?

- Я не хожу в кино.

Речел изумлённо взглянула на Макса.

- Что, вообще?

- Вообще. Мне это в последнее время не интересно. Практически не смотрю телевизор за исключением новостей.

Добавил Макс, предвосхищая вопросы в этом направлении. Она усмехнулась.

- Ах, да... Я забыла, европейский снобизм. У вас у русских он развит особенно приметно. Вы всё умеете проигрывать по-своему, может не так изящно, но зато изощрённей.

Максу стало приятно. Её замечание звучало, как признание достоинств.

- Спасибо на добром слове, а я и не догадывался о такой осведомлённости. И всё таки Речел, я не совсем согласен. Как ты уже успела заметить, я противник обобщений и в данном случае ты упускаешь из вида тех, кто живёт не по правилам.

Вероятно слова Макса её как-то задел.

- Ты много встречал таких? Я не часто, если не сказать более.

- Я тоже, но всегда прислушиваюсь к тем, кто не ожидает историй со счастливым концом.

Какое-то время они ехали молча, Макс поставил компакт диск с записью лучших, по его мнению, композиций Фаусто Папетти. Проникновенно и нежно пел саксофон и эти звуки словно отражались в мягких летних сумерках южного города. Речел о чём-то задумалась, но вдруг опять прервала молчание.

- Можно ещё один вопрос, если он не покажется тебе вторжением в твою личную жизнь?

Макс со смехом парировал.

- Речел, столько людей хотели бы знать обо мне побольше, что я привык к вниманию к своей персоне. И потом вопрос, вовсе не означает обязательно желание другой стороны незамедлительно отреагировать должным образом и выложить всю свою подноготную. Справедливо?

- Справедливо. И всё таки я отважусь и попытаюсь узнать, почему ты был на этой выставке один? Мне кажется, такие как ты, недолго задерживаются в холостяках или находятся в перманентном поиске спутницы своей жизни. Мужчины твоего возраста одиноки, только в двух случаях. Или их не интересует женщина, или что-то с ними не в порядке.

Она по-видимому несколько не смущалась своей откровенности.

- Я наблюдала за тобой в галерее и в какой-то момент времени мне покзалось, что ты кого-то искал.

Признание Речел его несколько не удивило.

- Я ошиблась?

Она осторожно, но настойчиво хотела его признаний.

- Судя по тому, как ты смотришь и твоим замечаниям, ты ни тот и не другой. Только не говори, что у вас с ней разные вкусы.

Макс стал серьёзным.

- Я не думаю, что смогу удовлетворить тебя своим ответом и поэтому просто промолчу.

Он не хотел продолжать эту болезную тему.

- Ну вот, мы уже приехали.

Как он и предполагал, они не были единственными посетителями, кто захотел скоротать здесь свой пятничный вечер. Относительно небольшой зал оказался забит битком. Только после минут сорока, проведенных за стойкой бара, их пригласили за столик. Они уже успели выпить по бокалу кьянти и ожидание не показалось им утомительным. Макс раскланялся с официантом, потом ещё с кем-то, похоже, его здесь знали. Столик оказался возле самого окна и за стеклом радовала глаз картина, ярко освещённой и очень оживлённой улицы. Равиоли из кролика в качестве лёгкой закуски в сочетании с бутылкой Тигнанелло произвело впечатление непринуждённой изысканности. Речел хорошо пила, без жеманства и без глупой боязни показаться приверженной к алкоголю. Она ничего не говорила по поводу его выбора, но по всему чувствовалось, что ей по вкусу это полнотелый тосканский шедевр. Она как-то особенно поджимала губы, всякий раз поднося к ним бокал. Макс невольно отметил эту её манеру. Как и подобает в таких местах, они сидели в полумраке. Приглушённый свет настенных светильников и едва мерцающая высоко под потолком люстра, по сути дела ничего толком не освещали. Неизменная в этом случае свеча, как дань ресторанной традиции, делала обстановку здесь камерной и располагала к уюту. Отблеск её пламени тонул в тёмно бордовом цвете вина, окрашивая его почти в чёрный. Речел не была скованной и прежде, но теперь она оживилась больше и они участвовали на равных, развлекая друг друга. Её замечания поначалу показались Максиму не совсем женскими, но он вскоре привык к их язвительности и с любопытством следил за ходом её мыслей.

-Речел, что тебя привело на эту выставку? Не думаю, что тебя привлекли там только экспонаты.

Он скользнул глазами по её лицу, потом спустился в район яремной впадины, притягивающей к себе своей гладкой кожей, которую хотелось коснуться губами и недвусмысленно уставился на открытом разрезе её платья в районе груди. Благо неяркий свет мог скрыть эту нескромную цель заглянуть вовнутрь, но не настолько, чтобы она осталась полностью незамеченной. Так мог смотреть человек абсолютно уверенный в своих желаниях, не сомневающийся в том, что только таким образом можно обозреть эту часть женского тела.

«...А как ещё? Кажется моё плохое настроение в последнее время повышает чувственность, но это не так уж и плохо...

Лучше быть заложником своей сексуальности, чем топить своё настроение в пустой меланхолии.»

Макс какое-то время, позабыв все приличия, почти машинально предавался своим мыслям, но не терял при этом нить разговора. Наконец, он нашёл в себе силы оторваться и продолжал.

- И ещё...

Я больше чем уверен, что твои интересы простираются дальше, чем ты хочешь это показать. По

крайней мере, мне так показалось. Тебе было любопытно взглянуть на публику. Не так ли? Даже после непродолжительного знакомства с тобой, ты не кажешься безучастной к тому, что тебя окружает. Я подозреваю, что в тебе погиб естествоиспытатель и даже возможно, патологоанатом.

Речел немного помолчав, как бы желая удостовериться в искренности этих слов, наконец отреагировала.

- Ты опасно наблюдателен. Что ещё ты заметил и какие сделал выводы?

Максу стало на минуту неловко.

«...Такой палец в рот не клади».

Он постарался увильнуть от её прямоты.

- Речел, я и сам не против понаблюдать за окружающими, иногда это увлекательное и занимательное зрелище.

Она дружелюбно рассмеялась.

- Значит, нас таких там оказалось двое.

Вскоре подали основное блюдо и свежее испечённый хлеб. За неспешным разговором время пролетело совсем незаметно. От десерта Речел отказалась и вскоре они покинули ресторан. Машину подали к самому входу. Мексиканец в бордовой униформе хотел было, как полагается, посадить водителя и его пассажира, но Макс, сунув в его протянутую руку обязательные чаевые, поблагодарил и забрал ключи. Он сам распахнул дверцу, приглашая галантно вовнутрь. Ужин прошёл превосходно. Макс чувствовал, что интуиция его не повела и он не напрасно выбрал это место. Он хотел произвести впечатление и как кажется, это ему удалось. Они медленно отъехали и он вполне невинно обратился к Речел.

- Где мы проводим остаток вечера?

Он пытался прозондировать её настроение и вообще понять, куда дует ветер.

- Спасибо, Макс.

Я немного подустала. Наверное на сегодня самое лучшее, это домой.

- Домой, так домой. Кстати, где наш дом и где ты оставила свою машину?

Речел простодушно посмотрела в его сторону.

- Я пришла пешком. Там недалеко.

Теперь уже Макс почувствовал себя немного сконфуженным.

- Значит, вы девушка из местных?

Она засмеялась.

- Не совсем. Я в гостях у своей подруги.

- У той, с которой я видел тебя раньше?

- Именно. Нас связывают долгие годы знакомства.

- И она знает, где ты?

- Конечно. Неужели ты сомневался, что я отправлюсь куда-то с малознакомым мне мужчиной, не поставив в известность человека, которому доверяю?

Макс хмыкнул.

«...Всё под контролем. Интересно, она делится с ней только такими подробностями или вообще всем, включая свою интимную жизнь?»

Дорога заняла не более получаса. Макс включил музыку и про себя рассуждал, как ему поступить дальше. Речел его опередила.

- Макс, не ломай себе голову. Мы увидимся. Ведь ты же подумал об этом? Не так ли? Следующая неделя у меня занята, а потом я свободна. Можешь позвонить мне в любое время. Я буду ждать.

Макс даже опешил. Она как-будто прочла его мысли.

«.. Впрочем, что там читать?»

О чём может думать мужчина после ужина в ресторане с дамой. Не нужно быть особенно проницательным, чтобы предугадать ход его мыслей. Не приглашает же он её туда, чтобы поделиться своими гастрономическими пристрастиями или обсудить разнообразие меню и карту вин. Вполне предсказуемое поведение, мотивированное расположением друг к другу и как логический результат, закономерное развитие сюжета.»

- Речел, от тебя трудно что-либо скрыть. Ты всегда руководишь ситуацией?

Она положила руку ему на плечо.

- Макс, я уже давно предпочитаю быть откровенной сама с собой. Я бы не подошла к тебе там в галерее, если бы не была уверена, что мне хочется подойти.

Тебя не смущает моя прямота? Многие меня побаиваются.

Она засмеялась.

- Ну, вот мы уже и приехали.

Спасибо за приятную компанию и великолепное вино.

Она протянула свою визитную карточку.

- Здесь мой телефон.

До свидания, мой русский друг!

Речел легко выскочила из машины и ещё раз помахав на прощание, скрылась за воротами, утопающими в зелени.

Максу было о чем задуматься. Судя по всему, его новая приятельница действительно была в курсе того, чего ей хочется и не блуждала впустую в запутанном лабиринте своих желаний, мучительно разыскивая выход. Она не только не скрывала свою инициативу в этом неожиданном знакомстве, но и даже как будто испытывала Макса. Он был откровенно рад этой встрече, хотя бы потому, что Речел оказалась достойной собеседницей, не говоря уже о том, что она несомненно привлекала его, как женщина.

«...И всё же...? Только скуки ради заговорила с первым встречным?»

Вопросов было хоть отбавляй. Он машинально взглянул на визитную карточку, которую продолжал держать в руке. При свете уличного фонаря Макс смог разобрать надпись под её именем.

„Magister„

«...Магистр...? Звучит загадочно...»

Он вдруг припомнил листок, вырванный из какого-то журнала, что увидел однажды у одной из своих квартиросъёмщиц...

В квартире жила особа, давно перешагнувшая критический и следующий за ним возраст для обустройства своей личной жизни по первому разу. Она не была старой девой и время от времени заселяла к себе очередного потенциального жениха. Правда, по какой-то причине мужчины скоростно исчезали, так и не успев дойти до венца, чтобы объявить себе окончательный приговор и уже на некоторое время, если не навсегда, пожертвовать собой во имя уз Гименея. Нельзя было сказать, что Керен, так звали эту ревностную сторонницу брачного союза, была уродиной. Всё на месте, природа не обделила её ни лицом, ни фигурой, но при всех своих внешних данных, она просто отпугивала кавалеров, будучи чересчур рьяной в желании достижения своей цели. Может она и не требовала любви до гробовой доски и клятвенных заверений в верности, но довольно скоро подводила потенциального клиента к мысли о браке, как о безальтернативном способе сожительства. О её навязчивом стремлении заполучить мужа любой ценой, все прекрасно знали, Керен не скрывала своих планов и не считала зазорным поделиться о ходе очередной брачной кампании. Обычно не любопытный, Макс оказавшись там по необходимости какого-то ремонта, случайно обратил внимание на этот перечень советов, прижатых магнитом к двери холодильника и оторваться уже не мог.

« Где и как познакомиться с приличным мужчиной»

В заголовке было что-то похожее на рубрику «Сделай сам» из журнала по домоводству.

«...Надо же..! Ну и как?»

Он про себя удивился, что кто-то знает досконально такой деликатный предмет.

« ...Вот только жалко, что некому расшифровывать слово, приличный...»

Сказать к слову, всегда находятся всякого рода специалисты в подобных областях. Они не стесняются передавать свой накопленный годами опыт, предполагая и не без основания, что кому-то он сможет пригодиться. Чаще всего и как правило, такие люди обыкновенные проходимцы или обманщики, но это не мешает им находить великое множество олухов и собирать большие аудитории, пользуясь своим природным умением убеждать.

Человечеству часто не доставало гениев, но оно никогда не испытывало дефицит в шарлатанах.

Макса всегда поражала эта маниакальная зависимость некоторых людей от простого проявления чужой воли и неспособность ей противиться, даже казалось бы, себе во вред. Как у детей, что последовали за дудкой Гамельнского крысолова.

Вот и эта памятка была практическим руководством одного из таких экспертов, предназначенная для настойчивых и неутомимых искательниц. По всей видимости, оно внушало должное доверие, если для него нашлось место быть всегда перед глазами. Благо, Макс в квартире оказался один и мог позволить себе такую нескромность, чтобы дочитать до конца этот прелюбопытнейший документ.

«...Место для проведения скачек „Дерби„ Там у мужчины может быть не только спортивный интерес, но и собственная лошадь.»

Затем следовали советы, что лучше на себя надеть в зависимости от сезона. Фразы и замечания, для того чтобы произвести необходимое впечатление.

«Марина. Человек, прогуливающийся вдоль причалов, не только склонен к неторопливым размышлениям, он может быть и одним из владельцев яхт и совершает свой моцион.»

Тут же небольшой словарь морских терминов.

«...Художественные галереи. Посещение подобного заведения предполагает тонкий вкус у мужчины и возможно наличие средств, для приобретения предметов искусства.»

И так далее, и в подобном духе, как путеводитель для бюджетных туристов. Читая такое, Макс почувствовал себя полным дураком.

«...Бред!»

Список был аргументирован и снабжён дельными предписаниями на каждый конкретный случай. Без сомнения, под словом «приличный» подразумевался человек с деньгами. То есть, конкретно автор не ссылаясь на эту фундаментальную особенность, но из всего сказанного вытекал именно такой вывод. Как в предсказаниях, столь популярных здесь прорицательниц.

«...Пустой кошелёк - напрасные хлопоты.»

Макса огорчило отсутствие в списке театра. Наверное, любители сценического мастерства не входили в разряд возможных семейных кандидатов и не становились жертвами целеустремлённых самок. Ему даже стало как-то обидно за эту группу. Он вдруг подумал о хозяйке квартиры. Она наверняка следовала этим рекомендациям и он частенько видел её расфуфыренную, отбывающую в неизвестном направлении. Вероятно, ей так пока не удалось захомутать богатого придурка, а может так никто и не клонул на её увядающие прелести. Самое смешное заключалось в том, что такой инструктаж действовал. Не в том смысле, что приносил желаемый результат, а в том плане, что его читали одинокие, и не склонные уже к избирательности, женщины, которые свято верили, что именно так возможно и произойдёт. Не беда, что они не переносили запаха лошадиного пота и не отличали племенную трёхлетку от битюга или их укачивало только при одном упоминании морского путешествия. Разуверившись и испытывая иногда приступы отчаяния, они были готовы жертвовать всем ради главного, соединить свою жизнь с материально обеспеченным владельцем пениса. Какая разница, кому отдаваться, если можно жить за его счёт или обрести законный статус счастливой супруги.

Максу вдруг отчётливо припоминалось это чтиво. Невольно сравнивая вот таких охотниц с Речел, он не находил в ней хищницу, даже хорошо замаскированную. Она была другой.

«... Её взгляд! Ну конечно, как это сразу не пришло в голову?. Он не был пристрастно оценивающим». Так обычно не смотрели дамы, с далеко идущими планами. Оказавшись опять свободным, Макс мгновенно их вычислял. Он спинным мозгом ощущал этот холодный расчёт в глазах и мог безошибочно определить одинокую женщину, которая глядела так, словно приценивалась к товару со знанием дела приёмщика комиссионного магазина. Бесцеремонно и уверенно примеривая чужую вещь к собственным нуждам. Сидела ли она, окружённая своими подругами, в баре с полупустым бокалом мартини или бесцельно бродила в местах скопления мужской публики, неважно, Макс знал этот стреляющий по сторонам, придиричивый и в то же время полный надежды, взгляд.

«... Нет. Она не из этих».

Он чувствовал, что у Речел другие интересы, но не мог соориентироваться, что именно они собой представляют.

«...В её возрасте у женщины не могут не существовать определённые намерения, если она по каким-то обстоятельствам одна. По понятным причинам ей следует побыстрее обустроить свою жизнь, а не экспериментировать, попусту теряя драгоценное время.»

Макс призадумался.

«...Не видит ли она в нём достойного претендента для своего будущего? Навряд ли, хотя тактика преследования может быть достаточно хитроумной. Она не пыталась понравиться, а такие желания не могут пройти незамеченными. Да и не вела себя так, как-будто ставила целью кого-то заполучить. Тем более, русского. Это уж точно, был бы вариант с непредсказуемыми последствиями. Для американки, при всей её любви к экстриму, но непременно прогнозируемому и запланированному, связать свою судьбу с человеком другой культуры, который смотрит на жизнь с непривычных позиций, вполне может оказаться перебором. Тогда, что? Впрочем, кто сказал, что она не замужем? Адюльтер, как поиск новых впечатлений?»

Макс терялся в догадках. Женщина в этой стране провоцирует мужчину только в одном случае, если питает к нему прямой потребительский интерес, причём делает это совершенно открыто и не скрывает своих намерений. В противном случае возникает непреступная стена холодного равнодушия. В таком поведении кстати, прослеживается вполне закономерный эгоизм, но лишённый своего негативного смысла. Думая только о себе, она целенаправленно преследует конкретные цели и попусту не морочит голову. Жизнь полная стресса, вырабатывает жёсткие правила игры. Сплошной натуральный обмен. Примитивный и честный, но беспредельно скучный.

«... Наверное в нём говорит не расставший до сих пор, романтизм. Увы... Это свойство уже давно не в моде. Пожалуй, разгадать её так скоро не удастся, если конечно, она сама не захочет подсказать. Он ей зачем-то нужен...»

Следующее утро принесло печальную новость. Внезапно ночью скончался один из жильцов от инфаркта. Макс слышал сквозь сон какой-то посторонний шум за окном, но придавал ему значения. Это была скорая, которая доставила его в госпиталь, где он умер через несколько часов. Относительно не старый, а как по американским понятиям, так почти совсем молодой человек. Смерть всегда выбирает наиболее достойных. Как видно и на том свете нехватка хороших людей. Он не дожил неполный год до своего шестидесятилетия. Макс симпатизировал этому бывшему байкеру. Он был один из немногих, от кого веяло прямоотой и добродушием. На месте его парковки всегда стоял занятый хлам. Поначалу это был трёхколёсный мотоцикл, дань традиции американскому дорожному вольнолюбию. Затем избавившись от абсолютно мёртвого механизма, он купил выдавший виды «Фольксваген» легендарный и бессмертный «Жук» и начал перекраивать автомобиль в соответствии со своим вкусом. Спиллил полностью крышу, перекрасил кузов в матовый чёрный цвет и вынес передние колёса далеко вперёд. Двери вокруг украсил символикой с крестами и черепами. Машина приобрела диковатый вид, но продолжала быть не на ходу. Вращаясь среди своих приятелей, таких же немолодых энтузиастов, он планировал рано или поздно довести начатое до конца. Человек он был безобидный. Несмотря на его внешность, длинная борода, татуировки, стоило только взглянуть в его глаза, чтобы стало сразу понятно, что такой муху не обидит. Чем-то он был похож на одного из солистов известной в прошлом музыкальной поп группы «Зизи Топ» Наверное, когда-то те стали его кумирами и он им подражал. Теперь он мёртв. Макс встретил во дворе его заплаканную подругу и постарался её утешить.

- Кетти, я не могу поверить.

Та уткнулась в плечо Макса и разрыдалась. По возрасту она была намного младше своего бойфренда и как любая молодая женщина, с трудом могла поверить в случившееся.

- Кетти, это большое горе для всех. Таких, как он людей, можно посчитать по пальцам.

Человека от души было жаль. На следующий день приехал его кузен с женой из Аризоны. Выглядели они, как опустившиеся привокзальные алкаши, в особенности женщина, с мешками под бесцветными глазами и яркими бордовыми прожилками на носу. Какие-то засмоктанные, неряшливые. Жизнь, полная

непреодолимой скуки и тоски в маленьком городишке, затерянном где-то в глубинке штата без всякого сомнения, наложила различимый отпечаток на их внешность. После похорон они куда-то исчезли и... О, Боже! Появились вскоре опять, притарабанив весь свой нехитрый скарб. Небольшой крытый фургон, загруженный под самую крышу, вмещал всё нажитое вместе и самое ценное, чем они обросли за долгие годы. Крашенная под дуб, обстановка, традиционно громоздкая и неудобная, да гора картонных ящиков, заполненных непонятно чем. Ножки стола и стульев были нещадно погрызаны, вероятно, давно сдохшей собакой, но это не остановило их перевезти свой облезлый гарнитур почти за тысячу миль. За сумму, уплаченную за аренду грузовика, они вполне могли бы приобрести здесь, значительно лучшего качества, мебель. Впрочем, этой паре было не до соображений практичности и они думали о другом. Солнечная Калифорния, этот «Золотой штат» очевидно, им пришёлся по душе и они решили здесь обосноваться. Благо, на то представился случай и повод. Не взирая на траур, они деловито разгружались, как-будто ничего не произошло и даже Кетти им помогала. Ни одного из них не смущали, не остывшие ещё от прикосновения усопшего, стены комнат и ещё такое живое, но уже незримое присутствие его духа.

Странное отношение к смерти... Макс не раз наблюдал эту особенность, легко и быстро отходить от потери близкого человека и такая бесчувственность поражала. Люди воспринимали горе очень сдержанно, как неизбежную неприятность и продолжали жить, не меняя свой ритм. Он отметил это давно, с потерей Эвелин мужа, но отнёс реакцию той женщины на счёт её вопиющей чёрствости и каменного равнодушия. Казалось, о чём можно думать в это страшное и роковое мгновение? Как пережить даже не рану и даже не боль, а тот рубеж, что делает жизнь расколотой на две неравноценные половины до и после этой трагической минуты? Макс недоумевал от такого бессердечия.

Все трое, включая безутешную вдову, ощущали себя довольно бодро. Их лица не опухли от слёз, напротив, отдав последнюю дань покойнику, их жизнь немедленно вернулась в обычное русло. Так сошедшую с рельсов дрезину, быстро ставят обратно и продолжают свой путь по намеченной колее, позабыв вскоре о небольшом происшествии.

Сюрпризы на этом не кончились. Дней через десять жена кузена одним прекрасным утром, выкурив напоследок сигарету, демонстративно собралась и укатила обратно, доживать свой век в жаркой глухомани среди колючих кактусов и американских колхозников. То ли не прижилась под пальмами, то ли по другой тайной причине, неизвестно, но не прошло и недели после её скоропостижного отъезда, как Макс встретил Кетти в обнимку с кузеном, её отошедшего в мир иной, друга. Они вместе выходили из дверей квартиры и как ни в чём не бывало, безмятежно улыбались. Тот с уверенным видом ухажёра, который уже успел стать любовником, нежно держал её за талию, а она томно потупившись, запустила пальцы за пояс его джинсов куда-то пониже талии. Макс едва не остолбенел в шоке от их счастливого вида. По всей видимости, она нашла себе способного утешителя. Как в том анекдоте, - только медленно и печально...

«... Господи, помоги такое не видеть и если не в твоих силах предостеречь, то убереги хоть память несчастного...»

Как раз накануне, он Максусу приснился. С измождённым, безумно усталым и постаревшим лицом, он как-будто уже навсегда прощался с этим миром.

Это был незабываемый урок. Уже много позже, перегорев от первого горького чувства, Макс так и не смог по-прежнему приветливо здороваться с Кетти.

После посещения выставки прошло чуть больше недели. Время это пролетело незаметно быстро и Макс на удивление, чувствовал себя намного бодрее, чем обычно. Оставила утренняя хандра, сопутствовавшая ежедневному пробуждению и даже настроение заметно изменилось в лучшую сторону. Внезапно появившийся объект его мужского внимания, определённо сыграл свою положительную роль. Макс не изнывал от нетерпения позвонить, но тем не менее, не переставая, думал о Речел и был совсем не прочь продолжить, случайно завязавшееся, знакомство. Она оказалась первой женщиной за все эти годы, после общения с которой, хотелось увидеть её вновь и в душу впервые закрался смутный отголосок, набирающей силу уверенности, что они не расстанутся так скоро. Все его предыдущие связи были очень кратковременные. Как правило, они заканчивались по прошествии месяца, от силы двух и будучи инициатором разрыва, он каждый раз переживал, испытывая угрызения совести, но всё равно ничего не мог с собой поделать. В своих действиях, вернее в качестве их причины, Макс видел одно и то же. Он считал себя не вправе обнадёживать женщину, сталкиваясь с полной предсказуемостью намерений другой стороны и с тем постоянством, что в нём искали. Вполне понятные стремления к стабильности отношений, но их откровенная открытость во всех случаях одинаково беспокоила его нежеланием повторить свой довольно грустный опыт.

Макс был женат и остался один в результате стечения в общем то, довольно тривиальных обстоятельств. Благополучный и устоявшийся брак не предвещал никаких потрясений и когда вдруг на него свалились перемены, никак им не ожидаемые, его собственный выбор сводился к минимуму. Случилось это через несколько лет после приезда в Лос-Анджелес и история, происшедшая с ним, если бы её кому-то рассказать, звучала бы до неприличия банальной. Его оставила жена, встретив свою первую любовь. Это было невероятным, но к несчастью, очень реальным фактом. Поехала погостить к подруге в Сан-Франциско и это путешествие круто изменило её жизнь. Так во всяком случае, она сама представляла себе всю эту картину. Её слова звучали неубедительно, но что уж тут поделаешь? Легкомыслие, первый шаг к самообману и вступив на эту дорогу, уже трудно повернуть обратно.

В свои тридцать девять, она осталась всё той же избалованной и не очень преданной особой, не говоря уже о том, что это неблагоприятное решение было принято скорее всего из побуждений близоручного эгоизма. По сути дела, идея перебраться за океан принадлежала ей, она была начинателем и вдохновителем этой затеи, ощутив в своём настроении оправданное стремление к разнообразию, которое не может не возникнуть у ничем не занятой, женщины. Тем более, что всё её окружение, такие же праздные бездельницы только и говорили об эмиграции, предвкушая лёгкие и беззаботные будни, похожие на нескончаемые праздники, среди небоскрёбов Манхэттена или под пальмами на берегу Тихого океана. Никто тогда особо не задумывался, что жизнь может оказаться несколько иной, а даже возможно диаметрально противоположной той, которую они привыкли вести за спинами своих обеспеченных мужей. Что, собственно говоря и произошло...

Реальность оказалась не столь радужной, как виделось с необозримой дистанции и въехав в небольшую квартирку, в ужасном, как ей показалось районе, его жена проплакала всю ночь. Напрасно Макс пытался её успокоить, из всех ошибок, что она совершала в своей жизни, эта ей представлялась самой непоправимой. Для Макса новые условия вовсе не были трагичными и он, привыкший надеяться только на себя, тут же начал искать пути к возрождению своего независимого статуса. Он прекрасно понимал, что надо набраться терпения и что пройдёт не один год, пока они смогут начать, как прежде, ездить и путешествовать и вообще вести жизнь в соответствии своих понятий. Наверное нелёгкое и полное нервотрёпки, время становления её и надломило. Именно с этих позиций Макс воспринимал её поступок, стараясь найти причины и их сравнительно объяснимые оправдания. То, что произошло, отнюдь, не было случайностью. Внутренне она была уже готова бросить всё, что её так раздражало. А на нервы действовало всё! Ненавистная халупа в доме, заселённом больше чем на три четверти русскими эмигрантами, с которой она не могла дождаться съехать. Из этого вонючего клоповника, где в парадных стоял устойчивый запах кислого борща и жареного лука. Не видеть и не слышать больше шумных соседей, израильтян, которые бесперестанно курили на своём балконе и сутками

перекрикивались друг с другом на непонятном гортанном наречии. Наконец, выбраться с этой поганой улицы, похожей на провинциальный променад районного центра с магазинами, напоминающими зачуханные лавчонки и просто напросто вспомнить, что существует другой нормальный мир, пусть даже пожертвовав своим замужеством. Если бы она решилась на этот шаг, охваченная роковой страстью, всё виделось бы совершенно под другим углом. Скорее всего Макс её бы простил, не желая в мучительных пытках удерживать возле себя сердце, которое ему больше не принадлежит. В действительности, к всеобщему разочарованию, всё обстояло далеко не так. Предпочтение она отдала мужчине малоинтересному, но уже с устроенным бытом. Стабильная работа, свой дом, что ещё нужно..., тем более что у Макса с возрастом начали проявляться неожиданные и трудно понятные для неё порывы. Это выражалось в его высказываниях и иногда в экстремальных выходках. Да он и сам замечал за собой, что не был таким в молодости и сейчас его словно прорвало.

От общих знакомых Макс вскоре узнал, что тот дантист и имеет двух детей от первого брака. Впрочем, его это уже не интересовало. Он не испытывал мук оскорблённого самолюбия и не чувствовал себя брошенным. Наоборот, как в непогоду захотелось застегнуться на все пуговицы и шагать против ветра, назло стихии. Если его бывшая жена посчитала, что ей так будет лучше, он мог только её пожалеть. Не всем дано преодолевать трудности и далеко не каждый готов поступиться своими удобствами. Он просто ещё раз принял к сведению, что не любая женщина достойна его мужского внимания.

Тогда в машине Речел ненароком затронула эту тему, но как бы он мог ей ответить? Что ещё долго переживал и до сих пор не зажила окончательно причинённая ему, рана? Он любил эту женщину и продолжал иногда с тоской вспоминать их лучшее время.

С малознакомыми людьми такое не обсуждают, а с теми кто близко, тем более. Макс по характеру был скрытным и не любил без нужды делиться ни плохим ни хорошим и уж тем более не переносил, когда у него что-то выпытывали.

«...Хочется верить, что у Речел хватит такта не ворошить больше его прошлое...

Судя по всему, она достаточно неглупа и сумеет распознать то, что ему совершенно не хочется ни с кем обсуждать...»

Он не раз возвращался в своих мыслях к вроде бы ничего не предвещающей встрече, пытаюсь опять безуспешно разгадать мотивы, подтолкнувшие её к разговору с ним.

«...По-моему, я стараюсь отыскать несуществующее. Ну может же у одного человека появиться потребность заговорить с другим, тем более, если предмет их внимания, живопись и они в одинаковой степени ею интересуются?»

Макс не находил объяснений. В сознании вспыхивал мимолетный образ его новой знакомой.

«...Вот она спускается по лестнице в галерею и он чувствует в своей руке её мягкую и тёплую ладонь.»

То вдруг в зрительной памяти появлялось лицо Речел, едва различимое в полумраке зала «Виа Венетто» с бокалом вина, через стекло которого, он замечает её манеру поджимать губы. Видения носили отрывочный характер, но он чувствовал, что думает об этой женщине, как не только о желанном, но и вполне возможном, постельном партнёре.

«...Лёгкий флирт и ни к чему не обязывающий, секс. Она явно подала повод и нужно было быть абсолютно слепым, чтобы не заметить её приглашение к необременительной для них обоих связи.»

Эти мысли крутились уже созревшим решением не только не противостоять, но и приложить все усилия, чтобы стать участником пикантного физического диалога. Во всём был виноват ферромон. Его невидимое, но так легко угадываемое присутствие, безжалостно подкосило волю, не оставляя никакого видимого шанса к отступлению. Речел была достойным партнёром. Это Макс почти мгновенно ощутил в тот вечер. Как бы Речел себя не повела в дальнейшем, в ней угадывалось сразу, что она видит в мужчине нечто большее, чем проводника к сытой и вольготной жизни. Именно таким человеком на поверку, оказалась его бывшая супруга.

Без грамма колебаний он набрал номер...

Речел казалось ожидала его звонка и они договорились встретиться во второй половине дня в

том месте, куда он её доставил после ужина в ресторане. Он хорошо запомнил улицу и номер дома. Определённых планов на вечер Макс не строил. Не хотелось без нужды задумываться заранее о сценарии ожидающегося свидания, а просто положиться вслепую на волю случая. Эта женщина была не из тех, кого непременно надо чем-то развлекать и что бы не произойдёт, это не заставит их скучать рядом друг с другом. За время, прошедшее с того вечера, он даже успел подзабыть, как Речел выглядит. То есть, конечно он её узнает, но она уже покажется ему другой.

Макс решил преподнести коробку конфет. Так интеллигентные кавалеры, в хорошо отутюженных брюках с острыми стрелками, как корабельный форштевень и начищенных до поросычьего визга ботинках, обычно появлялись на пороге дома своих дам во времена его далёкого детства.

«...Правда, теперь это выглядит немного старомодным, но не придет же он с пустыми руками..? Цветы слишком вызывающе откровенны и выглядят, как заверение в своём восхищении.»

Макс ещё раз подумал и всё таки остановился на конфетах.

«... Соблюдена необходимая вежливость и не к чему не обязывает.»

Он на минуту представил со стороны, как бы он мог тогда выглядеть. Непременно, аккуратно причёсанный, в рубашке с отложным воротником и в велюровом пиджаке. На ногах светло коричневые штиблеты, а в руках плоская коробка, перетянутая золотым шнурком.

«... Вид на море и обратно... Добавить к этому ещё трепетное выражение лица и картинка будет законченной. Полный придурок...».

Он отогнал от себя эту идиотскую фантазию и остановился взглядом на реальной коробке с конфетами.

«... Пожалуй, не так уж и плохо. Просто и со вкусом...»

Существовал ещё один момент, который его не то, чтобы смущал, но представлялся каким-то уж очень обыденным и лишённым всякого романтического благородства. Он сунул в карман пару призервативов и про себя подумал.

«... Иду, как на случайку».

Макс не был ханжой, но ему было немного неловко отправляться в гости к даме с противозачаточными средствами в кармане, вместо букета. Самая обыкновенная предусмотрительность словно лишала его ощущения таинства и восторга первой близости.

«... Что ж, время и обстановка диктует свои законы. С другой стороны, появиться неподготовленным и в подходящий момент не иметь всё необходимое под рукой, будет совершенно по-мальчишески».

Речел встретила его очень приветливо. Они обнялись, как добрые знакомые и она пригласила его вовнутрь. Переступив порог, Макс незаметно огляделся. Чаще всего, убранство жилища, это в какой-то степени зеркало, в котором отражается соотношение индивидуальности его хозяина с внешним миром. Спокойная и простая обстановка, свидетельство внутреннего баланса и наоборот нагромождение предметов говорит о предопределённости к рассеиванию внимания и неспособности к его концентрации. Здесь, судя по ультрасовременному дизайну, предпочитали незакомплексованность и открытость мировоззрения, без ограничений и даже без слабо обозначенных, контуров признанных, но обветшалых канонов. В просторном холле было пусто, за исключением мраморного куба, на котором красовалась копия античного торса. Наверх вела пологая лестница из нержавеющей стали. Её лаконичный стиль как-бы расчленил пространство и подчёркивал воздушность помещения. С окна в потолке вокруг струился равномерный дневной свет, расширяя и увеличивая арку второго этажа. Абсолютно белые стены и декоративные балки перекрытия усиливали это впечатление открытости и свободы. В целом решение интерьера выглядело неплохо, но Макс не мог избавиться от ощущения некоторого мавзолейного холода.

Из холла они прошли в просторную гостиную и Речел жестом пригласила его присесть на бесформенный кожаный диван, который оказался чрезвычайно удобным и комфортабельным.

- Ты знаешь Макс, этому дому везёт на твоих земляков.

Он с неумением посмотрел на Речел.

- Моя подруга вселилась сюда два года назад. Бывший владелец сдавал дом внаём и его последние жильцы оказались русские. У них здесь в Америке была какая-то фирма. Закончив все свои дела, они

съехали, договорившись с прежним хозяином, что используют свой денежный залог в качестве оплаты за последний месяц. Люди они были спокойные, респектабельные и не доставляли ему никаких хлопот. Он согласился и это было его упущение. Он даже осмотрел дом накануне и не обнаружил материального ущерба. Лишь одна комната осталась непроинспектированной. Она была запертой и они сказали, что не могут отыскать ключи. Собственно, там и проверять было нечего. Длинное и неудобное помещение, которое они использовали в качестве подсобки. Оно внизу в подвале, теперь там библиотека и одна из стен была изрешечена пулями.

Макс усмехнулся.

- Мне кажется, что твоя подруга преувеличивает. После истерии в газетах о русской мафии, многим кажутся дырки от гвоздей пулевыми отверстиями.

Речел назидательно посмотрело в его сторону.

- К сожалению, мой друг, это не так. Дом был приобретён без ремонта, «как есть» и я собственными глазами видела это место. Чтоб тебе было легче поверить, добавлю, что на одной из стен висели силуэты-мишени, а на полу валялись стреляные гильзы. Они использовали это помещение как тир.

- Речел, уж не подозреваешь ли ты, что эти люди были представителями криминальных структур и прямо на дому оттачивали своё мастерство убирать ненужных свидетелей?

- Как знать? На всякий случай, она всё сфотографировала и сообщила в ФБР.

- Ну и чем эта история закончилась, её наградили за мужество шоколадной медалью?

Рейчел почувствовала в его словах скептицизм.

- Тебе действительно смешно?

- Прости, Речел. Мне трудно избавиться от привычки иронизировать, но я бы с удовольствием взглянул на эту комнату. Думаю, она не имеет соответствующей звукоизоляции и при первом же выстреле, соседи моментально бы сообщили в полицию.

Это тебе.

Макс протянул ей коробку, завернутую в лощёную бумагу.

- О, Макс! Это очень любезно с твоей стороны. Что это?

- Ничего особенного, коробка конфет. Так было принято ухаживать в России. Я выбирал их на свой вкус, прости, если это не то, что обычно ты предпочитаешь. Мне они нравятся и именно такие я любил в детстве. Они романтично назывались «Южная ночь».

Речел перевела взгляд на него и в её глазах блеснули искорки.

- Красивое название. Так значит, ты ухаживаешь?

- Стараюсь, насколько мне позволяют это делать.

Он попытался осторожно выяснить, каковы его шансы. Желание уже настойчиво стучало в висках картинами одна соблазнительнее другой и соображениями о возможности оказаться с ней наедине.

- Кстати, твоя подруга дома? Если да, ты могла бы меня ей представить. Надеюсь, я заслужил симпатию и теперь уже, вне всякого сомнения, смогу рассчитывать на лояльное к себе отношение.

В ответе Речел прозвучало досадное и неудобное препятствие.

- Ону спуститься позже. Ей тоже небезинтересно взглянуть на человека, которого я пригласила в гости.

Такой вариант был далеко не самый лучший и наламывал его, далеко идущие, планы.

«..А вот это, совершенно некстати...»

Макс где-то в глубине души слегка приуныл, но не показал вида.

- Это не происходит часто?

Он пристально посмотрел ей в глаза.

- Реже, чем хотелось бы. Я очень избирательна.

Да и моя подруга тоже.

Добавила она, чуть помедлив.

- Для меня это звучит, как комплимент. Теперь в особенности мне хочется не разочаровать тебя, простите вас, в оказанном мне, доверии.

Речел подошла к нему поближе и очень тихо значительно проговорила.

- Всё зависит от тебя и только от тебя.

Макс поднялся ей навстречу. Ему очень захотелось привлечь её к себе, единственное в чём он не был уверен, не окажется ли такой переход в их отношениях слишком поспешным. В нём присутствовали всегда эти сомнения. Кажущаяся другим условность, она имела для него очень отчётливый смысл соблюдения необходимых приличий. По своему твёрдому убеждению, он знал, что ни одной женщине, наверное, не хочется показаться легко доступной, даже самой уверенной в себе и в своих прихотях. Это не было данью этикету и он больше полагался на свои собственные соображения, чем на чьи-то прописные истины. Пока где-то в глубине прокручивалась эта мысль, руки сами собой легли на её талию.

- Речел, я не буду стрелять по мишеням.

Лицо её вдруг оказалось очень близко и Макс невольно смутился. Прямо перед собой он увидел её полуприкрытые глаза и влажные губы. Это выглядело молчаливым поощрением его осторожного намерения. Он ощутил их вкус, едва коснувшись и почувствовал ответный поцелуй.

Где-то стукнула дверь. Они сразу отпрыгнули друг от друга. Вверху на лестнице показалось подруга Речел. Спустившись, она подошла к Максиму и протянула руку.

- Трейси. А вас кажется зовут Макс. Речел сказала, что у вас неплохой вкус. Если это действительно так, то примите мои поздравления. Сегодня не просто иметь и сохранить такое качество.

Макс слегка поклонился. Насколько можно было судить по их репликам, две эти дамы пребывали в конфликте со своим окружением или с состоянием современной культуры.

- Речел, почему бы тебе не предложить гостю чегонибудь выпить? Как насчёт небольшой дозы спиртного, Макс? Я надеюсь, вы не пуританин и у вас здоровая печень?

Трейси направилась в смежную комнату, жестом приглашая их за собой. Здесь вдоль стены тянулась барная стойка, со множеством бутылок, на полках, расположенных над ней.

- Нам с тобой как обычно. А что предпочитает Макс?

Она плеснула на дно двух бокалов джин. Потом добавив лёд и дольку лимона, наполнила их на две трети тоником. Макс автоматически проследил какую марку они предпочитают и увидев, что это «Де Купейр» в керамической бутылке, понял, что здесь знают толк в алкогольной продукции.

- Я думаю, такой напиток слишком женский и мужчине лучше что-нибудь посерьёзней. Водка, текила, скотч?

Макс долго не раздумывал и согласился на водку. Трейси уже было хотела и туда швырнуть пару кубиков льда, но была вовремя остановлена Речел.

- Ты что не знаешь, что русские пьют водку без всяких добавок, предпочитая чистый продукт. Не так ли, Макс?

- Спасибо, Речел. Я действительно не люблю мешать и если можно, мне водку в рюмку и до краёв.

Подруги переглянулись. По всей видимости, они уже успели достаточно обсудить его персону. Трейси подняла свой бокал.

- Чирс! Или как вы говорите?

- На здоровье!

Макс осушил залпом напиток. Водка оказалась неохлаждённой и невкусной. С этим напитком у Трейси явно вышел прокол. Как компонент к коктейлю, её можно было бы использовать, но не более того. Речел весело наблюдала за ним. Ей imponировали его манеры и естественная непринуждённость.

- Чем вы занимаетесь, Макс?

Ненавязчиво поинтересовалась Трейси. Такой вопрос не был в новинку. Если раньше он звучал для него несколько странно и казался не совсем скромным, то теперь привыкнув, Макс уже знал, что это обычная американская манера бесцеремонно совать везде свой нос, без всякого стеснения.

- Я работаю менеджером в многоквартирном доме.

Не смутившись от такой скромно звучащей должности, ответил он. Трейси отпила ещё глоток и язвительно уточнила.

- Менеджер на такой машине? Для этого надо подрабатывать врачём или адвокатом или вы делаете всех дураками.

Макс улыбнулся.

«...Значит и эта деталь не осталась без внимания».

- Нет схема значительно проще. Я совладелец на равных паях и мне принадлежит половина пакета. Могу добавить, что я не новый русский богачей и приехал в Америку без копейки денег. Так что, по вашим определениям, я человек, который сам себя сделал. Можно ещё водки?

Он уже вполне освоился и понял, что им может и небезразлична сфера его деятельности, но абсолютно наплевать на такую мелочь, как материальное положение их гостя. Капкан здесь ставить на него никто не собирается. Дом в престижном районе и судя по тому, как он обставлен, занимает как видно, состоятельная женщина. Макс продолжал иногда разглядывать обстановку. Такой бар и его ассортимент вполне мог удовлетворить небольшое питейное заведение.

Характер Трейси оказался весьма открытым. Ей безусловно, нельзя было отказать в широте взглядов, если она согласилась принять под крышей своего дома едва знакомого ей человека, тем более русского. А ещё эта история со стрелками. Макс внутренне поморщился.

«...Звучит неправдоподобно, но чаще всего именно так выглядят реальные факты.»

- Ну девушки, ваше здоровье!

Он подмигнул Речел и опять выпил до дна. Трейси, глядя на такое, невольно зажмурилась. Какое-то время они поговорили ещё. Беседа была ни о чём. Болтали. Смеялись. Подруги успели пропустить по второй порции джина и чувствовали себя слегка захмелевшими. У Трейси заметно порозовели щёки и она даже похорошела. Макс, почти похоронив надежду, провести с Речел время, как он на то рассчитывал, более не концентрировался на этой неувязке и всецело отдавался, воцарившейся между ними легкой обстановке. Женщины продолжали иногда переглядываться, но он уже не обращал на это внимание. Трейси не отмалчивалась и даже направляла иногда разговор в неожиданном направлении. Впрочем, они обе были занятыми и остроумными собеседницами с довольно интересными мыслями. Дело двигалось к ужину и Трейси решила взять на себя хлопоты по его приготовлению.

- Я вас оставлю ненадолго.

Сказала она, направляясь к выходу из комнаты.

- Мы встречаемся в столовой минут через двадцать, тридцать, если никто не возражает. Бар у вашим услугам. Расповайтесь.

Трейси вышла и прикрыла за собой дверь. Оставшись наедине с Речел, Макс почувствовал некоторую неловкость. Он не то чтобы оробел, но и не испытывал в себе полной уверенности. Внезапная близость принесла смущение и даже пару рюмок водки не сделали его более решительным. Речел заметив его невольные колебания, присела с ним рядом так, что их тела соприкоснулись. Положив локоть на спинку дивана, она глубоко заглянула ему в глаза.

- Расскажи мне о себе. Я тебя совершенно не знаю. Ты мне так и не ответил в прошлый раз, почему ты был на этой выставке один. Впрочем, я не настаиваю. Если не хочешь, не говори. Я уважаю чужие секреты.

Макс взял её руку в свою.

- Речел, по-моему мы уже знаем друг о друге предостаточно, зачем заглядывать за кулисы?

Она было хотела что-то сказать, но уже не успела, оказавшись в его объятиях и Макс не отпустил её, пока на лестнице не послышался голос Трейси.

- Все к столу! У меня всё готово!

Она вошла и посмотрев на них, подозрительно заметила.

- Что здесь происходит? У вас вид подростков, которых внезапно застали родители. Так что же?

Речел засмеялась

- Ты недалеко от истины. Мы целовались. Такие же ощущения, как и много лет назад. Я думала, что совсем их забыла, а как оказалось, всё очень свежо.

Трейси подхватила с барной стойки винные бокалы.

- Значит время было проведено не без пользы. А теперь мы сможем подкрепиться. Я припасла на этот случай пару бутылок хорошего «Монтраше».

Она действительно справилась успешно с тем, что обещала, если успела так быстро приготовить угощение. Стол был накрыт по-английски, без скатерти. Вообще, в столовой присутствовал дух

Туманного Альбиона. После других помещений со скупой лаконичностью линий, интерьер этого выглядел непревратно традиционным и был выдержан в стиле позднего английского рококо. Гарнитур Чепендейл не казался громоздким в этой не особенно большой комнате. Он был изготовлен, судя по всему, в начале века и был и был не из дешёвых. Размер стульев скрадывался высоким посудным шкафом с ажурной деревянной решёткой в виде ромбовидной сетки. Напротив находился небольшой поставец, дверцы которого украшала великолепная фанеровка красного дерева. Над ним большой гобелен, современная реплика, но хорошего качества. Такие обычно производят в Брюгге. По всей видимости, Трейси питала слабость к изысканным вещам и понимала как выдержать стиль. Даже люстра на двенадцать рожков из Веджвудского фарфора.

Макс по непонятной причине подумал, что наверное, они сидят обычно напротив друг друга, как подобает английским леди во время обеденной церемонии и отодвинул для Речел стул. Усадив её, он тут же перешёл на другую сторону стола и помог Трейси. Его предупредительность не осталась без внимания. Подруги явно следили пристально и небезразлично за его манерами и удостоверившись очередной раз в том, что он не забывает ни об одной из них, с удовольствием принимали его ухаживания. Макс занял место за столом посередине, оказавшись на равном удалении от женщин и мог поочередно наблюдать за ними. Нельзя было не заметить, что они проводят много времени вместе. Эти признаки проявлялись незаметно, но каждый раз всё отчётливей. Если одна начинала говорить, другая уже знала ход рассуждений и они словно дополняя друг друга, могли отстаивать общую точку зрения. Макса забавляло это их единство. Иногда ему казалось, что перед ним сёстры близнецы, непохожие друг на друга.

Трапеза протекала весьма оживлённо и они втроем с лёгкостью уговорили белое Бургундское. Оно действительно было великолепного качества и от него просыпались самые неукротимые желания. Уже за десертом Речел, допив свой коньяк и многозначительно посмотрев в сторону Трейси, решила посвятить Макса в то, что ей казалось самой очень важным и исключительным. Она взяла его за руку и потянула за собой.

- Идём, Макс. Я хочу что-то тебе показать.

Они поднялись вверх. Звук шагов тонул в белом ковровом покрытии, которым был устлан весь дом. Она одним махом распахнула двустворчатую дверь и он оказался на пороге спальни.

- Хочешь угадать автора?

Мне любопытно, что тебе подскажет твоя интуиция или знание живописи.

Речел остановилась возле небольшого рисунка, обрамлённого в узкую рамку. На нём была изображена молодая девушка за туалетом. Она как будто привсталала и повернулась лицом к зрителю, так, что хорошо просматривались его проработанные черты.

«...Уж не хочется ли Речел меня испытать?»

Макс автоматически уже изучал работу. Подписи было не различить с такого расстояния, единственное, что сразу бросалось в глаза, это отточенная деликатность наброска и зрелое мастерство, что делали его сразу, заслуживающим внимания.

«...Вполне в духе импрессионистов...»

В манере письма прослеживалась даже некоторая тяга к академизму, без той характерной изломанной фактуры, так любимой многими представителями этого течения. Макс смело мог бы датировать работу последней четвертью девятнадцатого века, ближе к его концу и отнести её к французской школе. Круг постепенно сужался и если отталкиваться от того, что акцент в ней приходился больше на пластику, а не на игру света, можно было предположить авторство Эдгара Дега, в момент его увлечения техникой пастели.

Работа была настоящей. В этом не приходилось сомневаться. Уж слишком неказистой была рамка, да и Речел вела себя так, как будто она открыла сундук с несметным сокровищем. Макс какую-то минуту сомневался, но не долго. Гадать было бессмысленно и приходилось надеяться только на своё чутьё. Он немного призадумался.

«...Ничего лишнего, только изгиб тела, подчёркивающий грацию движения модели.»

Он ещё раз взглянул мимолётно и выбрал то, что ему показалось наиболее достоверным.

- Дега?

Речел щёлкнула пальцами.

- Ну, надо же! Все, кто видел эту работу, тут же приписывают её именно ему.

Она повернулась и задумчиво взглянув, на тысячу раз виденный рисунок, проговорила про себя.

- А может в этом что-то есть. Настроение? Одно и то же видение мира женской чувствительности? Нежное прикосновение к этому хрупкому цветку...?

Речел вдруг нашла в совпадении стольких мнений, новый для себя смысл.

- Я давно подозревала, что трепетность и глубина мужской души вполне может неопознанной... Сделав такое открытие, становится больно за свои заблуждения.

Она посмотрела немного рассеяно в сторону.

- Макс, это рисунок принадлежит Берте Моризо. Одна из подготовительных работ в поздний период её творчества. Его видели много специалистов, но все как один, имели ту же реакцию, что и ты. Вы как будто все сговорились, хотя как я теперь понимаю, здесь дело в другом.

Работа и вправду производила впечатление. Небольшая, выполненная в мягких тонах, она словно сохранила в себе то великолепное время открытого любования красками в отображении повседневной жизни. Макс подошёл поближе и уже различил едва заметную подпись и год.

- Речел, ты знаешь её историю?

Она с гордостью усмехнулась.

- Макс, мне бы не знать историю моей семьи? Здесь изображена моя бабушка. Ей там не более шестнадцати лет. Её Берта встретила в парижском салоне художественного общества Шамп де Марс и очарованная свежестью юного создания, предложила ей позировать. Кстати, с этим известным салоном у моей бабушки были связаны воспоминания, которые, как и я думаю, тебе будут небезинтересны. Прошло некоторое время и она, тогда уже молодая поклонница новаторских идей в искусстве, встретила среди этого круга художников одного странного русского, но случилось это много позже. По её словам, он окончил школу живописи Ашбе в Мюнхене и пришёл пешком в Париж. Бедный, но безумно талантливый рисовальщик. Ты можешь поверить? Он был два месяца в пути! Его приютил скульптор Аронсон и он поначалу помогал ему переводить в мрамор гипсовые слепки. Потом этому молодому человеку улыбнулась судьба и он выставлялся сам. Сначала в «Салоне независимых», потом в «Осеннем». С Аронсоном он продолжал поддерживать тесные отношения. Именно у него в мастерской моя бабушка с ним познакомилась и они посвятили друг другу год или два. Аронсон был членом Шамп де Марс. Всё мне это рассказывала моя мать. В молодости она была безумно похожа на мою бабушку. Её фотографии в этом возрасте, вылитый рисунок, что ты сейчас видишь перед собой. Вообще, в нашем роду женщины очень сильно повторяют внешность своих предшественниц, значит и я должна иметь некоторое сходство с ними. Ты не находишь?

Макс с нескрываемым интересом слушал. Когда она упомянула о фактах биографии незнакомого русского художника, он весь аж встрепенулся.

- Речел, мне кажется, что мне известно о ком ты говоришь! Имя? Ты не помнишь имя этого человека?

Речел пыталась напрячь память, но её усилия выглядели тщетными.

- Моя мать его называла, но убей Бог, не могу вспомнить. Забыла. Столько лет прошло... Удивительно вообще, что в голове остались все эти подробности.

- Может быть Тео?

Макс осторожно пытался подсказать.

Теофил Флейман?

- Ты знаешь, очень похоже... Тебе знакома эта фамилия?

Он рассмеялся.

- Немного. Я пока не знаю, как всё это преподнести, уж слишком невероятное совпадение. У него с твоей бабушкой был роман?

- Да, кажется. Мне доводилось слышать об этом её увлечении. Я не в курсе всего, но знаю, что они как-то непонятно расстались. Что с ним случилось потом, мне не ведомо.

Во всё услышанное, Макс утерлось с большим трудом.

«...Та жизнь прошла, безвозвратно и навсегда, но как оказалось, не совсем. Выходит, она оставила очень ощутимый след. Случай нежданно столкнул его с совершенно чужим человеком и в этой встрече загадочным образом нашлось место истории, давно минувших дней, которая касалась их обоих. Сегодняшний день, это её непредсказуемое продолжение и никто не знает, как всё повернётся.»

- Речел, ты ничего не напутала...?

Прости за такой бестактный вопрос,- Макс слегка смутился, - но для меня чрезвычайно важно быть уверенным в хронологии тех событий. Дело в том, что у меня есть картины одного художника с очень похожей судьбой. Согласись, она необычна и потому твой рассказ и в особенности некоторые его детали, вызывают у меня живейший интерес.

Картин не много и не о них сейчас речь. Среди них две акварели. Обе были написаны примерно в начале века. Где, не берусь утверждать, знаю только, кем. На одной из них сцена в синематографе. Что-то мне кажется знакомым в этом лице, - Макс кивнул головой на набросок,- когда я вспоминаю работу, которая у меня хранится.

Он ещё раз приблизился к рисунку и пристально стал вглядываться в черты изображённой там, молодой девушки.

- По-моему, мы стоим на пороге открытия.

Речел выглядела немного ошеломлённой. Макс говорил загадками и она никак не могла соединить обрывки своих далёких воспоминаний с тем, что она сейчас услышала от него. В молодости она была мечтательной девушкой. Полученное хорошее образование и собственное воображение рисовало ей начало двадцатого века, как некую нервно-утончённую эпоху. От неё веяло стихами Гийома Апполинера и она ещё очень долго продолжала идеализировать то время, по её мнению, полное поэзии духа и изысканных манер. Восхищение Серебряным веком европейской культуры определило её дальнейшие увлечения и профессию. В Америку её привезли совсем маленькой девочкой и она всегда, сначала втайне, а потом уже не скрывая этого, гордилась своим европейским происхождением.

С годами что-то поменялось. Теперь все эти ощущения давно уже покоились почти забытым пластом её прошлой жизни. Она всё реже и реже к ним возвращалась, затерянных где-то в дальних закоулках души и Макс вдруг их всколыхнул, внезапно и неожиданно.

- Макс, ты действительно думаешь, что мы говорим об одном и том же человеке?

- Я не только думаю, в моей душе с каждой минутой растёт уверенность. Удачные совпадения, это удел счастливых или дураков и мне ничего другого не остаётся, как оперировать фактами. То, что ты рассказала, не происходило с каждым вторым. Из Мюнхена в Париж не пролегла тропа паломников и если кто-то ещё покрывал это расстояние пешком, то только участником ранних крестовых походов. Так что, прими как должное, перст судьбы.

Он ещё раз подошёл к портрету, словно желая себя проверить и сравнить его с внешностью Речел. Не оборачиваясь, он негромко заметил.

- Пожалуй, это ваше фамильное.

- Что ты имеешь в виду?

- Вас хочется писать.

Макс решительно шагнул к двери легонько её притворил, пока не услышал, как щёлкнула собачка замка. Потом медленно подошёл к Речел и порывисто прижал её к себе.

- Ах, Речел... Я кажется, теряю голову...

Он поцеловал её, потом ещё и уже начал расстёгивать на ней блузку. Она не сопротивлялась. Напротив, будто ожидая такую его реакцию, пристально смотрела на Макса руки, помогая сама снимать бюстгалтер.

Так долго у него до сих пор не получалось. Речел вела себя немного странно. Макса не оставляло впечатление, что она какое-то время не имела мужчину. Наверное долго. Возможно что-то ещё... Во всяком случае, с такими женщинами ему не приходилось иметь дело. С этим ощущением было трудно совладать и он не желая Речел разочаровать, пытался изо всех сил прислушаться к её телу. В какой-то момент ему показалось, что она реагирует ненатурально и возможно даже немного подыгрывает. Продолжалось это недолго и он решил не беспокоить себя пустыми сомнениями. Наконец, уверенный,

что он смог её удовлетворить, Макс в изнеможении упал рядом. Подсознательно он продолжал быть под впечатлением её непонятого волнения.

Речел, посмотрев на него благодарно, произнесла.

- Моя проницательность меня не подвела.

Они теперь лежали, прижавшись к друг другу и Макс, успокоенный, почти забыл о показавшихся ему странностях, в её поведении. Прошло минут десять. Речел поглаживала его тело и иногда касалась губами, как будто что-то выжидая. Вдруг приподнявшись, она взглянула на него очень испытывающе и сказала.

- Мы не можем быть такими эгоистами. Бессовестно оставить Трейси одну...

Подожди, я скоро.

Она накинула халат и тихо вышла из комнаты. Макс машинально упёрся глазами в рисунок, который висел на противоположной стене. Сейчас, после всего того, чем поделилась с ним Речел, он имел уже совершенно другое значение. Её слова словно продолжали звучать в его памяти, слабым эхом, где-то очень глубоко и вне всяких понятных границ.

«...Вот это номер!

Просто невероятно.... А ведь, всего этого могло и не произойти...»

Он нежился в мягкой постели, сохранившей едва уловимый запах духов и мечтательно предвкушал продолжение. О том, что они не одни в доме Макс как-то не думал. Речел отсутствовала недолго. Почти незлышно отворилась дверь и оттуда показалась её фигура. Напрасно Макс не придал никакого значения её словам, даже не предполагая, какой скрытый смысл был в них заложен.

Речел стояла на пороге не одна!

Рядом была Трейси!

Та успела переодеться и теперь на ней была лишь только лёгкая туника. В руках она держали бутылку шампанского и три бокала. Выглядели женщины вполне спокойно и без малейшей доли смущения на лице. Речел, пропустив Трейси вперёд, извиняющимся тоном произнесла.

- Макс, я не могу не поделиться с подругой...

Потом подхватив у неё бокалы и поставив их на прикроватную тумбочку, отошла, уступив ей место.

- Ты не возражаешь?

Трейси присела рядом на постель и медленно начало разливать шампанское. То, что они все изрядно выпили, пожалуй разряжало обстановку и делало более доступным пониманию многое, что вероятно, не случилось бы без воздействия алкоголя. Ему даже на минуту показалось, как она в полухмельном трансе искоса с интересом за ним наблюдает. Быть подопытным кроликом вовсе не входило в Макса планы. Он ещё не до конца сообразил, что происходит и лежал с идиотским видом, едва укрытый. Первой мыслью было, что его заманили.

«... В этой стране это бывает, как здрастье. Непонятно зачем тогда шампанское..? Ну, не будут же они праздновать прямо сейчас, чётко проведенную операцию. Да и Трейси одета, вернее раздета как-то подозрительно.

Чёрт возьми... Непонятка...»

Понемногу он начинал приходить в себя от первого шока и соображать. В такое было трудно поверить, но здесь в этом доме похоже, всё происходило так, чтобы поразить воображение. Его, так точно. Макс молчаливо продолжал лежать, прикидывая как ему себя вести. Он понял, что обратного пути нет.

«...А собственно, зачем отступать?»

Его оставило первое смущение и теперь только волновало единственное обстоятельство, до которого ему никогда раньше не было дела. Всю свою энергию он неосмотрительно уже потратил на Речел. По понятной причине Макс хотел произвести впечатление. Теперь же оказаться недееспособным, было неловко и стеснительно. Никто никуда не спешил. Трейси подняла свой бокал и обращаясь к нему, со смехом произнесла

- Твоё здоровье, Макс!

Ты выглядишь немного растерянным... Или слухи о вашей русской манере жить страстями, преувеличение?

Она качнулась немного в сторону и едва не потеряла баланс, чуть расплескав вино на постель. Всё ещё пребывая в некотором заторможенном состоянии, Макс вовремя подхватил из рук Трейси шампанское и посмотрел на Речел, пытаясь отыскать в её лице подсказку. Она перехватила его взгляд и лишь молча приблизившись к Макс, поцеловала его в губы. Он машинально едва ответил.

«...Что ж? Подобное ему в новинку. Он конечно слышал о таком способе борьбы с сексуальной скукой, но чтобы быть непосредственным участником, такая мысль его право, пока не посещала.»

Холодное вино немного проиободрило и он вскоре почувствовал смену настроения.

- Ну, вы девушки, даёте...

Он вздохнул, уже немного освоившись с этой новой для себя ролью. Кровать была просторной для того, чтобы вместить их троих. Речел допила и вальяжно скинув халат, нырнула в постель. Макс почувствовал её ягодички и мягкое прикосновение бёдер. Трейси как-будто нерешалась к ним присоединиться. Но вот наконец, она стянув через голову свою тунику, осталась совершенно обнажённой. У неё оказалась неплохая фигура. Выглядела она немного старше Речел. Это тут же было заметно по её немного дряблой коже в области живота, которая даже образовала небольшую складку. Впрочем, её округлые формы не только вдохновляли, но и невольно притягивали к себе внимание. Чем-то она Макс напомнила Дюреровскую Еву из Прадо, если бы та достигла Трейсиного возраста. Такие же немного покатые плечи, груди-яблоки, вообще, типичная немецкая готическая мадонна начала шестнадцатого века. Даже в изгибе бедёр Макс заметил ту же грацию, с которой на картине Ева держала самый желанный в мире плод. Тогда в галерее, она выглядела никакой и даже бесцветной. На таких мужчины не особенно падки, но в них часто проявляется внутренняя симпатичность, которая делает потом общение с ними весьма запоминающимся. Макс протянул ей руку и попытался с ней встретиться взглядом. Это была бы интересная психологическая сцена и он не хотел отказываться от удовольствия такого контакта. Трейси увернулась от его глаз как-будто специально и с весёлым возгласом плюхнулась рядом, оказавшись на свободной стороне кровати. Речел встретила её восклицание хохотом и они довольно активно принялись потираться о Макса боками. По всей вероятности, это их несомненно забавляло. Макс не решался пошевеливаться, настолько необычным было для него ощущать рядом с собою двух раздетых женщин. Одно дело, невинно представлять всё это. Возможно даже поставить себе целью такое приключение и постараться привести в исполнение свои необузданные фантазии и совершенно другое, неожиданно быть втянутым в центр события.

Эротика отсутствовала начисто, лишь громкая возня под одеялом. Ему вдруг показалось, что он во власти многорукого шивы. Не было участка на его теле, к которому бы не прикоснулись их нежные ладони. Они существовали везде и он плохо соображал, кому именно он обязан тем или иным прикосновением. Речел и Трейси не стеснялись и даже ласкали друг друга. При этом Макс чувствовал свою полную для них ненужность. Такие изощрённые ласки он вряд ли мог себе вообразить и невольно думал, насколько он примитивен со своим целенаправленным действием. Глядя на них, Макс растерялся кому и как уделить внимание. Для начала он обнял обеих, но они выскользнули и продолжая хохотать, окончательно превратили постель в кубло. Выручила Речел.

- Трейси твоя. Не забывай, она хозяйка этого дома и ты как гость, должен хорошенько отблагодарить её за гостепреимство.

Речел сказала это шутливо-серьёзно, но в приказной форме, настойчиво давая ему понять о полной ответственности за то дело, что она ему поручает. Трейси тут же громко подхватила и как показалось Макс, пытаясь скрыть своё смущение.

- Рейчел абсолютно права. Ты должен постараться!

Похоже, они были совершенно пьяны. Это обстоятельство оказалось, как нельзя более подходящим. Макс ощущал себя неестественно и даже скованно. С одной стороны, присутствие новой женщины его безусловно возбуждало, с другой, он как бы прослеживал себя со стороны. Макс чувствовал каждым сантиметром кожи, как Речел смотрит на них и это его невольно тормозило. Весь хмель мгновенно пропал и он теперь только втайне переживал о том, как со всем этим справится. Всё произошло проще, чем он себе предполагал. Удовлетворить Трейси оказалось значительно легче, чем её подругу. Макс даже не ожидал от неё такой готовности. Трейсина эмоциональность и темперамент были сейчас, как

нельзя более, на руку. Как и тогда с Речел, Макс понял, что она испытывает затруднение, словно ей чего-то недостаёт, но отнёс это на перебор с выпитым. Ему и самому было крайне сложно сосредоточиться, впервые кто-то находился рядом в такую минуту кроме него и партнёрши. Этот привкус публичности невольно отвлекал его и не давал полностью посвятить себя процессу. Какие-то мновения Макс не решался отдаться порыву, но вскоре потерял над собой контроль и уже совершенно не реагируя ни на кого, крепко стиснул Треси под собой. Она тоже впила руками в его плечи и не отпускала до тех пор, пока не прекратились его конвульсии. Через сенкунду, уже вконец измочаленный, он опять занял своё место между двумя тёплыми телами.

Трейси продолжала лежать на спине, по-видимому всё ещё не остыв от любовной утех. Речел выглядела необычно возбуждённой. Что-то новое появилось у неё лице. Ноздри её раздувались и она порывисто дышала. Сцена секса с подругой у неё на глазах несомненно раззадорила Речел, но к сожалению, это уже был конец спектакля. При всём своём желании, Макс даже не мог подумать ни о чём подобном. Поймав её взгляд он не мог отделаться от настойчивого впечатления, что он ему странно знаком. Несомненно, когда-то он видел точно такой же, но не мог вспомнить где. Он врезался ему в память давно и невозможно было забыть его, отсутствующий и погружённый внутрь себя.

Они провели в постели ещё около получаса. За окном успело давно стемнеть и лишь неяркий торшер освещал комнату, которая стала от этого ещё уютней. Трейси приподнялась и долила всем остаток из бутылки, разделив его поровну.

- Макс, сегодня ты не только наш гость, ты ещё присутствуешь на годовшине.

Её язык немного заплетался, но все они были в примерно одинаковой кондиции.

- Точно так же, тридцать лет назад мы обе вступили во взрослую жизнь. Можно ему рассказать?

Трейси взглянула в сторону Речел. Та весело кивнула, сама не без удовольствия, припоминая тот день.

- Наше первое самостоятельное лето! Его невозможно забыть и мне до сих пор кажется, что я могу описать каждый день, до самых неприметных мелочей...

Она мечтательно задумалась, словно переживая опять те мгновения.

- Где, как не в Париже ощутить свою полную свободу и отдаться ей со всем трепетом. Две юные особы, немного наивные и совершенно неопытные. Наверное, чего было предостаточно в тот момент, так это ветра в голове и жажды впечатлений. Если бы Речел не владела французским, то не знаю, как бы мы ориентировались. Её французское происхождение нам очень помогло и двери везде были гостепреимно для нас распахнуты. Да, как звали нашего гида?

Жюль!

Ну да... Как можно забыть этого приятного молодого человека, который вызвался показать нам Париж? С ним мы случайно оказались в одном недорогом отеле. Он любезно угостил шампанским и мы уже не выходили из номера весь остаток дня. Жюль стал для нас обоих первым мужчиной.

- Речел, ты помнишь, у меня даже сохранилась твоя фотография, где ты закрываешь от стыда лицо руками. Я снимала всё подряд.

- Неужели ты продолжаешь её хранить?

- Ещё бы!

Кстати, Речел нашла некоторое сходство в тебе, Макс с нашим Жюльеном, но я думаю, ты другой.

Подруги делились с Максом этими воспоминаниями невинных забав своего далёкого прошлого и он невольно был рад такому совершенно необыкновенному выражению в его жизни. Он слушал, пытаясь прикинуть их возраст.

«...Если они празднуют свою тридцатилетнюю годовщину, то им уже хорошо за сорок. Вряд ли их родители могли отпустить двух девчонок самостоятельно в Европу до окончания школы. Так оно скорей всего и было. Судя по его несложной арифметике, сорок шесть? Сорок семь?

Хотя, они на столько и выглядят, Трейси так точно. Не думаю, что они одногодки, хотя что это меняет? Обе, ухоженные, не обрюзгшие, в прекрасной постельной форме. Именно такие хотят и умеют. Замечательно, когда люди сохраняют в себе в этом возрасте способность к неординарным выходкам и не бояться свои причуды претворять в жизнь. А может быть это и есть то самое время, когда человек освобождается от груза бесполезных предубеждений? Это ли не второе рождение? Понять не заново,

а единственно верно, то о чём едва догадывался всю жизнь. Ведь дело не только в удовольствиях и их разнообразии, а в собственном к ним отношении.»

Они ещё какое-то время предавались своим сладостным воспоминаниям, поглаживая Макса. Прикосновения женских пальцев заставляли его, как котика жмуриться от внезапно свалившегося счастья. Ему даже захотелось заурчать в благодарность за внимание и ласку. В приоткрытое окно, струился запах цветущего лимонного дерева. Вечерняя прохлада усиливала его концентрацию и он незаметно, но плотно заполнил всё пространство комнаты. Как любой тропический аромат, этот был немного резкий, но не настолько, чтобы не испытывать необыкновенное наслаждение, вдыхая напоенный им воздух. Наконец, Трейси поднялась и предложила им спуститься к чаю, когда они захотят ей составить компанию. Она вышла. Речел положила Максу голову на грудь и очень робко спросила.

- Ты шокирован?

Он нежно обнял её за плечи и прижав к себе, проговорил очень тихо, почти прошептал.

- Нисколько. Только так может себя вести внучка парижанки, свободная и не опасаящаяся пересудов.

Немного погодя, он перевернул её на спину и заглянув прямо в глаза, сказал уже с полной уверенностью.

- Ты помнишь, о чём ты спросила меня тогда в галерее? Теперь я знаю точно, что тебе ответить.

Ты лучше... Много лучше, но разница познаётся только в сравнении и я признателен за предоставленный шанс, это осознать полностью.

Речел непонятно улыбнулась. Что-то рысье промелькнуло в её глазах.

- Тебе понравилось сравнивать?

В её тоне он не услышал ревности. Напротив, вопрос звучал, как поощрение, словно Речел хотелось его незаметно похвалить. Макс оказался в секундном замешательстве. Она продолжала ставить его в тупик своей внезапной прямоотой и Макс выкручиваясь, полусолгал.

- Это было настолько неожиданным, что я ещё как-то не определился.

Он действительно не знал, что ответить. Даже попытавшись быть откровенным с собой, Макс не мог тотчас признаться, чему бы он отдал предпочтение.

Речел молча с интересом посмотрела на него. Похоже и она не была склонна обсуждать их любовь втроём, так и не пролив свет на своё собственное отношение к тому, что произошло. Выдержав паузу, она без труда перевела тему.

- Макс, что ты имел в виду про открытие? Ну, с этим русским художником?

Ты меня заинтриговал.

Макс почувствовал облегчение. Обсуждать это постельное приключение было бы излишним, тем более, как ему стало казаться, оно не было стихийным.

- Речел, это замечательно. Теперь у тебя будет повод меня ещё раз увидеть. Ведь ты же хочешь узнать, что знаю я? Кстати, как насчёт вечернего чая? Мне кажется Трейси нас заждалась.

Он бодро выскользнул из под мешанины простыней и начал одеваться. Когда они спустились, Трейси находилась в столовой. Она сидела на небольшом диванчике в виде двух спаренных кресел и слушала, негромко звучащую музыку. Бутылка коньяка, которую они начали вместе, теперь была пуста. Без сомнения, они закончили её без него.

«...Два Монтраше, бутылку коньяка и еще отполировались шампанским, Это не считая аперетива». Макс мысленно подсчитывал количество выпитого.

«...Ну, ну... Похоже, они не состоят в обществе трезвости и умеренность, это совершенно не их стихия».

Трейсину тунику уже сменили светло салатовые бриджи и такого же цвета кофта. На её лице застыло спокойное умиротворение и по его выражению даже нельзя было догадаться об их недавней близости. Макс узнав мелодию, спросил.

- Карлос Жобим?

- Да. Я люблю его композиции. А какую музыку ты предпочитаешь? Ту, что слушаешь у себя в машине или что-то ещё?

Теперь он понял окончательно, что у Речел действительно не было от неё секретов.

- Классику. Хотя, многое зависит от настроения.

- Вот как? И какое же у тебя чаще?

Макс без промедления соориентировался.

- То, которое я испытываю в спальне.

Трейси улыбнулась. Она была в очередной раз приятно удивлена его находчивостью. Пока они говорили, он случайно заметил небольшую изящную сумочку из плетеного серебра, которую она держала на коленях. С такими в начале века благородные дамы посещали оперу. Нелепо было видеть такой аксессуар в эту минуту, который она нервно перебирала пальцами. Сейчас он смотрелся примерно так же, как лайковые перчатки на руках у купальщицы. Выглядела Трейси несколько необычно, но понять природу этого её состояния Макс не мог. Речел подошла к ней сзади и незаметно начала массировать её плечи и даже почёсывать ей спину, вкладывая в движение своих рук больше, чем заботу об уставшей подруге. Визит в этом месте и в эту минуту подходил к концу. Он скорее почувствовал их настроение и воспользовавшись моментом, решил распрощаться. Никто не возражал. Трейси поблагодарила за приятно проведенное время, как благодарят за катание на карусели и купленное мороженое. Она обняла Макса на прощание и даже коснулась сухими губами его щеки. Речел вызвалась его проводить. Уже возле машины она неожиданно решила ему признаться.

- Послушай, Макс, то что я тебе скажу не должно прозвучать для тебя странным. Я хочу, чтобы ты правильно всё понял.

Она не оправдывалась и не выглядела растерянной.

- Мы так никогда не проводим время. Это была идея Трейси. Знаешь, когда всё есть и ни в чём не испытываешь недостатка, в голову могут прийти самые неподконтрольные желания, тем более, что её рассказ, чистая правда. У нас действительно сегодня такая необычная годовщина и мы захотели именно таким образом её отметить. Конечно, выглядит немного экстравагантно, но зато по- моему, всё удалось как нельзя лучше. Мы очень тебе благодарны.

Макс не мог уловить к чему это предисловие.

«...То, что они практикуют групповой секс? Это его не касается. Если они скучают, то это поправимо и он с удовольствием откликнется, чтобы им помочь, правда хорошо бы об этом оповестить заранее и иметь в запасе побольше времени.»

Речел продолжала.

- Мы не знали кого можно привлечь...

Она на минуту замялась, подбирая правильные слова.

- Вообще, видишь ли... Мы оказались тогда в галерее с этой целью.

Макс с весёлой иронией поинтересовался.

- У вас нет подходящих друзей?

Речел взяла его за руку.

- Макс, это не те люди. С ними ничего бы не получилось. Понимаешь, как бы это сказать помягче, человек должен был быть не нашего круга и в то же время достаточно интеллигентный и не без чувства юмора.

Он не мог удержаться, чтобы по-доброму не съязвить.

- Ну, я полагаю не только не обделённый, этими качествами...

Речел пропустила колкость мимо ушей. Она не выпускала его руку из своей и Макс почувствовал её плохо скрытое волнение. Для него в таком признании сквозило, то что его использовали.

«...Выходит, что так. Впрочем, он ни в коей мере не пострадал, даже наоборот, оказался героем любовником сразу двух.»

Речел, словно заглаживая свою вину, хотела объяснить.

- Это случилось и навсегда останется между нами. Окажись на твоём месте любой другой и ему бы в вежливой форме дали понять, что продолжения не последует.

- Речел, ты хочешь сказать, что мне не отказали от дома?

Он не воспринимал всё это всерьёз.

- Понимай как хочешь, но ты действительно был на высоте. Я очень тебе благодарна.

Она выговорилась, облегчившись, что теперь не возникнет никакой недосказанности. Макс решил не усложнять. Они интуитивно сделали правильный выбор и он был откровенно рад, что этим человеком оказался именно он. В конце концов, тогда в зале было предостаточно молодых и красивых жеребцов, но по какой-то неизвестной ему причине, они обратили внимание на него.

«...Почему...?»

Он приложил палец к губам и переводя тему, предложил поужинать где-нибудь на следующей неделе. Макс подумал о том, с какой наверное, нерешительностью они пустились на такую авантюру и даже всё спланировав, наверняка, переживали до самого последнего момента. Мысль эта была секундной, он будто их оправдывал. Уверенности в правильности своих выводов он не почувствовал, но это было единственное, что хоть как-то объясняло их поведение. Макс на прощание поцеловал Речел, заметив в качестве шутки весело и иронично.

- У меня остались незабываемые впечатления. Вы можете на меня рассчитывать и в дальнейшем. Запомни это и если захочешь, можешь передать Трейси.

Назад он не спешил и двигался очень медленно. Хотя, быстрее всё равно бы не получилось. Обычно еле себя сдерживая от здешней изматывающей нервы, манеры езды, сейчас Макс плюнул и занятый своими мыслями, телепался как все. Это означало рулить в заторможенном состоянии, создавая на проезжей части шахматный порядок и не давая никому оказаться впереди. Так и не привыкший к этому не поддающемуся объяснению, поведению на дороге, он всё же умудрялся обгонять медитирующих за рулём, водителей и уезжать восвояси, однако после выпитого, это было делать рискованно. Того и гляди наткнёшься на полицейского, внимание которого может привлечь машина, не вписывающаяся в размеренный ритм всеобщей похоронной процессии.

Неторопливая крейсерская скорость в пределах двадцати пяти миль в час и точно так же проплывающие мимо по улице, автомобили с полумёртвыми фигурами внутри, прояснили немного его мозги и последние винные пары почти растворились в ночной прохладе. Макс открыл крышу и ехал теперь словно под тёмным звёздным куполом. Как в планетарии. Неожиданно пришла в голову первая строчка четверостишия, которую сейчас он механически про себя повторял, без всякой на то причины.

« Ночной эфир струит зефир...

Ночной эфир...

Ночной зефир....»

Вернувшись домой, Макс тут же поспешил внимательно рассмотреть акварель, о которой ещё несколько часов назад рассказывал Речел. Несмотря, на уже поздний час, сна не было ни в одном глазу. Обычно он отправлялся спать не позже одиннадцати, привыкнув таким образом, к редко нарушаемому распорядку, но не сегодня. Стрелка часов на циферблате давно перевалила за полночь, но это ровным счётом не значило ничего. Все события этого вечера настолько перевозбудили нервную систему, что он всё равно бы не уснул. Ощущение чего-то нового и неизведанного до сих пор, что вот-вот должно ворваться в его жизнь, стремительно поднимало тонус и даже появился интерес к происходящим событиям, совершенно утраченный в последнее время. Но это действительно были события!

Акварель находилась перед его взором в родительском доме с того самого момента, как Макс начал сознательно различать окружающее. Она и другие картины существовали среди множества прочих предметов и это постоянство в какой-то мере, сделало их незаметными. Макс настолько привык к ним, висевшим долгие годы на одном и том же месте, что даже уже и не обращал внимание. Работы его деда были просто неотъемлемой принадлежностью обстановки, как резные диван и кресла с бархатной обивкой, как высокий буфет, упирающийся своей изогнутой верхушкой почти под самый потолок и как вообще, всё, что никто годами никогда не переставлял и не двигал. Они потом украсили стены в его собственной гостиной, став точно такой же неотделимой от всего остального, частью интерьера и вот теперь оказались здесь, далеко за океаном. Макс хорошо их знал, наверное слишком, но пожалуй никогда не вглядывался в одну из них с большим любопытством, чем сейчас.

«... Ах, Речел, Речел.. Если бы тебе могло такое прийти в голову...»

Он скупулёзно изучал, тысячу раз им виденную, небольшую картинку со сценой в синематографе. На ней, прописанной пером с тушью, хорошо были заметны все мельчайшие детали, как-будто он стоял снаружи, возле открытого окна и наблюдал за тем, что происходит там, внутри...

Его взгляд неспеша скользил по залу с двумя тусклыми бра, которые на общем тёмном фоне выглядели даже яркими. Их оранжевые плафоны немедленно привлекали внимание, тем что хорошо выделялись среди полумрака помещения.

Макс присмотрелся ещё раз и только теперь с удивлением обнаружил, что они словно и вправду излучали неяркое свечение газового рожка, от которого возникали сероватые нестойкие тени по бокам.

«...Господи, как он сумел смешать такую краску...?»

На заднем плане угадывалось белое пятно афиши с продолговатым контуром. Оно было почти непроработано. Там, едва различимое имя «Жорж Мельес», наискосок листа. Рядом мужчина во фраке, вопросительно в полуоборота, повернувшийся в сторону женщины. Её фигура занимала весь передний план, так, что трудно уже было определить, то ли это жанровая сцена, то ли портрет. Лицо модели очень сильно напоминало внешность Речел!!!

«...Наваждение какое-то...»

Макс жадно вгляделся в черты этой неизвестной женщины и последние сомнения постепенно начали таять, пока не улетучились совсем. Такое переплетение судеб было фантастическим.

«...Ну и ну...»

Интересно, как она к этому отнесётся? Вот уж действительно, сюрприз...»

Он позвонил Речел утром. Дождаться, как они договорились, следующей недели Макс не хотел. Ему нетерпелось поделиться с ней подтверждением своих предположений и хотя его переполняли эмоции, он решил не спешить. Голос Речел в трубке звучал ровно и никак не выдавал неловкость, которая могла бы вполне закономерно у неё возникнуть. Означало ли это признак её незаконспирированного равнодушия или она проявила завидное самообладание? Макс не знал. Эту женщину было не с кем сравнивать, чтобы позволить себе право даже на поверхностные выводы, да и обстоятельства их последней встречи не укладывались в рамки тех отношений, к которым он привык.

«...В итоге, мы все вчера выпили на славу и теперь на трезвую голову будет нелегко взглянуть друг другу в глаза. Наверное, их действия ей и самой могли показаться чересчур раскованными...»

Как и вчера, при неожиданном появлении Трейси, Макс непроизвольно смутился.

«... Хотя, кто знает, что у них на уме...?»

Любое желание мужчины посмотреть на мир с дамских позиций, сродни попытке догнать ветер. В любом случае, или окажешься далеко впереди, или безнадежно отстанешь.

Речел была рада его слышать. Она охотно согласилась увидеться и не стала вдаваться в подробности причин, вдруг изменившихся планов. Макс выбрал небольшой ресторан, где они могли бы спокойно провести время. Вчерашние события воспринимались им как сон, как и атмосфера того места, где они произошли. Хотелось ущипнуть себя, чтобы окончательно удостовериться, что это не игра воображения. Даже Речел выглядела не совсем такой, какой она была день назад. Напрасно Макс искал в её взгляде смущение, она его не отводила, а наоборот смотрела с уверенностью человека, которому нечего стесняться. Это плохо объяснимое обстоятельство даже как-то задевало его мужскую потребность быть покровителем. Чутьё подсказывало Макс, что ни под каким видом не следует что-либо говорить или касаться даже намёком темы их вчерашнего развлечения, если он хочет сохранить свои с ней отношения. Так нельзя преступить наложенное табу, чтобы не вызвать недовольство духов, охраняющих запретные пределы от бесцеремонного вторжения. Не из-за боязни последующего наказания, а из смирения перед величием непонятной силы, недоступной его разумению. Макс даже не проявил светскую вежливость и не спросил о Трейси и вообще, вёл себя так, как-будто они несколько дней как расстались после ужина в «Виа Венетто»

Зал ресторана оказался полупустым, несмотря на вечерние часы. Середина недели, как видно отличалась для этого заведения слабым наплывом посетителей. Они выбрали место возле окна. Пока Речел читала меню, Макс заметил на хорошо освещённой противоположной стороне превеселенькую группу. Расстояние было небольшим и он прекрасно видел всё, там происходящее. Возле похожего на бродягу субъекта, который сидел на пошарпанной циновке в позе цветка лотоса стояла довольно крупная собака. Будь она немного пошерстистей, её вполне можно было принять за лабрадора. Такая же добрая и готовая безропотно исполнять волю хозяина. На её спине стоял облезлый кот. Судя по его свалывшейся шерсти и тонкому хвосту, ему наверное, перевалило далеко за шестьдесят по человеческим меркам. Выглядел он довольно безучастно и с равнодушием воспринимал своё место в настоящей жизни. Но самое прикольное было то, что на спине этого престарелого бедняги копошилась белая мышь. Пирамида довольно мирно уживалась друг с другом и их хозяин собирал под этот аттракцион деньги. Тут же находилось пластмассовая банка из под мороженого, объёмом по меньшей мере в пол галлона, куда стекались пожертвования для домашнего цирка. Это был уже хорошо отработанный не одним представлением, номер с непонятной продолжительностью трюка. Для Макса увидеть такую забаву не стало новинкой, подобные картины он наблюдал уже неоднократно. Здесь на этой улице, которую городские власти превратили в пешеходную зону, кто только не выступал и под что только не просили. Казалось, все самодеятельные артисты, которым пока не подфартило на сцене, стекаются именно сюда в поисках заработка. В принципе, всех этих бездельников объединяло одно общее интернациональное и безрасовое стремление. Поиск лёгкого хлеба. Та же древнейшая психология, бессмертная, как человеческие пороки и желание жить за чужой счёт. У любого убеждённого лодыря всегда найдутся оправдания своей лени. Неопровержимые и объективные. С разной степенью творческого подхода, но связанные одним мировоззрением и отношением к труду. Как у тех, их изобретательных советских коллег в вагоне трамвая, голосивших, что отстали от поезда.

Макс обратил внимание Речел на эту четвёрку. Как раз очередной прохожий кинул долларовую бумажку в приготовленную тару, вероятно посочувствовав про себя нелёгкой доле участников этого номера.

- Тебе их не жалко?

- Кого именно?

Поинтересовалась Речел.

- Всех. Дрессировщика и его животных.

- Зверей жалко, а их хозяина нет.

- Почему? Он мог бы вести более достойный образ жизни.

- Не мог. Это его планка и находится он должен внизу, под собакой, как самая крупная особь, в

качестве недостающего звена.

- Рейчел, а ты жестока.

Он взглянул на неё, как будто увидев её впервые, оторвавшись на минуту от меховых акробатов.

- Нет Макс.

Лицо Речел тронула печальная гримаса.

- Дело вовсе не во мне и моё отношение, это элементарный социальный дарвинизм, лишённый ярма ложной жалости.

- Неужели, ты не испытываешь ни капли сострадания к бедности?

- Боюсь опять тебя разочаровать. В моём понимании, бедный, значит ленивый.

Она усмехнулась.

- Если бы только в моём...

Ты то сам, как относишься к бедности? Только не пытайся меня убедить, что ты вносишь арендную плату за своих жильцов, если они испытывают денежные затруднения. Наверняка нет, хотя именно это бы и был акт сострадания с твоей стороны. Они именно те люди, о которых ты говоришь, но не бедные, а ленивые, упустившие сознательно свой шанс занять достойное место в обществе.

Поверь мне, никто бы из них не отказался от собственного дома вместо того, чтобы снимать у тебя квартиру и не оттого, что они испытывают необходимость жить отдельно от других, испытывая дискомфорт чувствовать соседа за стеной, а потому, что их воспитали к такому стремлению. В этой стране квартиросъёмщик, это самая низкая форма человеческого развития и так к сожалению, думает большинство.

Это была прежняя Речел, которую он помнил по их прошлому разговору в машине. Жёсткая в выводах и не скрывающая это. Макс право, не ожидал такого выпада, уж слишком бескомпромиссным это утверждение звучало из её уст. Он понял, что она предельно откровенна и ожидает от него того же.

- Ты тоже придерживаешься такого мнения?

- Я, не большинство и мне нет никакого дела ни до кого, а к тому что я думаю, ты рано или поздно, придёшь сам.

Речел открывала перед ним мир других представлений, о которых он откровенно говоря, здесь прежде не задумывался.

- Ну, а если допустим, кто-то не хочет себе морочить голову заботами о собственном доме,- белить, красить, стричь траву, да мало ли текущих проблем и предпочитает, снимая квартиру, быть на всём готовом?

- Не может, не значит не хочет.

Её было трудно склонить на свою сторону и Макс даже немного растерялся от такой безжалостной оценки своих сограждан.

- Да... Своеобразное отношение к окружающим и их нуждам.. Ну а как же социальная помощь, благотворительность, пожертвования в помощь неимущим? Выходит, это поощрение всех тех, за исключением калек и инвалидов, кто всю жизнь провалял дурака?

Он осторожно затронул эту щекотливую тему, на что Рейчел отреагировала без промедления.

- Да, к такому выводу приходят многие, но вопрос в том, что за всем за этим стоит? Прежде всего, таким образом прикармливая, определённая часть общества откупается за свою относительную безопасность. Голод вызывает агрессию.

Вторая причина, попроще. Мне не хочется быть излишне циничной, но постарайся понять, какие мотивы у тех, кто занимается благотворительностью и зачем они это делают?

Она не видела ничего зазорного, высказывая свою принципиальную точку зрения.

- Не думаю, что для тебя будет секретом, что помогая бедным, ты помогаешь себе. Не кажется ли такой способ следования христианским канонам, совершенно теряющим свой изначальный смысл? Говоря проще, пожертвовав какую-то сумму, человек уменьшает свои налоги. Убери эту лазейку и я уверена, что количество благодетелей резко пойдёт на убыль. Даже сдав в «Армию Спасения» ненужное барахло, типа неисправного допотопного телевизора или старых трусов, человек получает справку, которую использует потом при заполнении своей налоговой декларации. Зачем он туда едет

и везёт случайные и ненужные ему вещи, затрачивая при этом, значительно подорожавший, бензин и своё драгоценное время? С мыслью о бедных сиротах и вдовах? Я бы даже прослезилась от такой апостольской жертвенности, имей она место.

В глазах Речел Макс заметил к себе снисходительность за свою святую наивность.

- Макс, неужели ты серьёзно веришь в бескорыстие?

Он, желая возразить, пожал плечами.

- Я не вижу ничего плохого, если кто-то помогает своему ближнему.

- Я тоже, но я за анонимность благодеяний и без ожидаемого материального поощрения. Во имя собственной совести и уж конечно же, без отсутствия в них меркантильных интересов.

«..Не творите милостыни напоказ».

Об этом не просто забыли, а переиначили библейский смысл в угоду своим нуждам. Вообще, как-то неловко увязывать очищение души с опустошением кошелька. Это мне напоминает покупку индulgенций, но в более бессовестной форме. Впрочем, можно трактовать всё как угодно, свобода даёт неограниченные возможности.

Макс усмехнулся.

- Свобода...

Всё зависит от того, что понимать под этим словом.

Его замечание вызвало в Речел недоумение.

- Макс, ты думаешь, что по этому поводу можно дискутировать?

- А ты полагаешь, что нет?

Он кивнул в сторону бродяги с животными.

- Свобода быть принцем и быть нищим? Личный выбор, голодать или объедаться?

Рейчел рассмеялась.

- Тебе никогда не приходило в голову, что ваш социалистический лозунг от каждого по способностям и каждому по потребностям, это отражение нашей американской жизни. Иными словами, чем выше способности, тем шире возможности и соответственно способность удовлетворять свои потребности. А они в итоге у всех одинаковы, побольше и послаще.

- Ну, а как насчёт такого простого постулата, как «бедность не порок» ?

- Не уверена, что это верное определение. Может оно подходило для периода раннего христианства, но не сейчас и не здесь. В Америке бедность, это чаще всего результат нежелания заставить себя быть продуктивным и достичь чего-нибудь. Не заметить такое безумное количество возможностей может только незрячий. Скажешь, нет?

С её доводом нельзя было не согласиться Факт широко распахнутых дверей для собственных способностей получил мировое признание и эта страна может им по праву гордиться. Макс улыбнувшись, тихо произнёс

- Я лично, как никто, могу засвидетельствовать и подтвердить всё сказанное, но мы о тех, кто по какой-то причине не желает воспользоваться всеми щедро предоставленными преимуществами.

Речел посмотрела на него недоверчиво.

- В отсутствии амбиций, я вижу удел отшельников мудрецов, как одну их форм собственной независимости. Для всех остальных, стремление к успеху и богатству носит характер выработочного инстинкта и бороться с таким чувством, только себе во вред. Бедность, это вынужденное состояние и зло, от которого хочется поскорей избавиться, как от кандалов. Кстати, именно бедность порождает множество социальных пороков и толкает на преступления. Берёт чужое тот, кому не хватает своего. Вор. Не уважает чужую собственность тот, кто не имеет своей. Вандал. Продажа тела, как способ заработать! Не подскажешь часом, определение такого способа борьбы с отсутствием денег? Я могу продолжать до бесконечности.

Подошедший офицант, прервал их беседу и приняв заказ, удалился. Речел положив руки на стол, приблизилась к Макс и проговорила.

- Макс, я бы очень хотела узнать побольше о том русском художнике. Меня не оставляют непонятные предчувствия. Расскажи мне, что ты знаешь.

- Речел, мы здесь, собственно говоря, и встретились для этого разговора. Не знаю, сможем ли мы уложиться во времени и кроме того, я бы хотел показать тебе одну работу.

- Ты меня приглашаешь к себе домой?

- Пусть это звучит таким образом, но это единственная возможность на неё взглянуть.

Она томно посмотрела ему в глаза.

- Ну вот, я уже как птица в силках.

Макс, отвечая ей в тон, посочувствовал.

- Это не плен на милость победителя, которому как общеизвестно, женщины предпочитают власть героя. Однако, ближе к нашей истории.

Он подвинулся поближе, готовый перейти к повествованию, что так нетерпеливо ожидала Речел.

- Итак. Художник...

С чего же начать?

Едва помедлив, словно подыскивая правильные и нужные ему слова, Макс медленно приступил к своему рассказу...

- Как и подобает большинству из талантов, он родился в бедной семье. Я не хочу, чтобы моё вступление хоть как-то перекликалось с предыдущей темой. Не всегда бедность, прямой путь к падению и чаще всего, по моему глубокому убеждению, трудности такого характера, наилучший стимулятор на первых порах. Это я к слову, чтобы ты не сомневалась в моём отношении к такому факту. Но не хочу отвлекаться. Его родители не то, чтобы едва сводили концы с концами, но считали каждую копейку. От отца он унаследовал работоспособность и чувство ответственности. Тот, полностью лишённый от природы деловой жилки, мог только рассчитывать на своё скромное жалованье и никогда не чурался дополнительного заработка.

Я иногда думаю, что лучше, - быть выходцем из нищеты и проложить самому себе дорогу или не испытывая ни в чём лишений, никогда не познать вкус победы над обстоятельствами? А..? Не сравнивая, невозможно убедиться в превосходстве.

Макс не мог удержаться, от внезапно пришедшей в его голову аналогии и виновато, но в тоже время интригуяюще, посмотрел Речел прямо в глаза.

- Не правда, ли...

Она, как ему показалось, не отреагировала, лишь слабый отблеск какого-то дикого огня мелькнул в её зрачках.

- Прости Речел за это невольное отступление. Я до сих пор остался под сильным впечатлением...

Макс на секунду умолк и невинно закончил фразу.

- От нашего разговора...

Мальчику, лишённому изначально всех возможностей, было нечего ожидать в своей жизни. В провинциальном городе для него вряд ли нашлись привлекательные альтернативы, кроме одной, повторить незаметный и скромный путь своих предков и народить следующих продолжателей рода для такого же безрадостного и тусклого существования. Пример его собственных родителей и соседей, это всё что он видел. Все их радости замыкались нечастыми праздниками, которые едва разбавляя повседневную серую скуку, лишь ещё раз напоминали о безысходности настоящего и полному отсутствию другого будущего. К счастью, его отец заметил у него явную тягу к рисованию и отдал учиться в малярную мастерскую. Подмастерьем, а там гляди, на что-то путнее может и выучиться. Малевать жестяные вывески оказалось делом не хитрым, тем более под присмотром человека, который этим занимался всю жизнь. В свои тринадцать лет наш герой стал уже вполне самостоятельным. Это проявлялось во всём, но самое главное в образе мыслей и поступков. Работать и помогать семье в этом возрасте, явление вполне нормальное для того времени. Всё раньше, чем сегодня. Условия, которые выглядят суровыми с позиций современного человека, на самом деле, как мне кажется, вовремя открывали личность и уже к двадцати годам формировали вполне зрелое сознание.

В учениках он пробыл недолго и проявив способности, уже довольно скоро сам выводил замысловатые изгибы букв, попутно овладевая грамотой. Забегая вперёд, скажу к слову, что по-французски он писал до конца своей жизни грамотней, чем по-русски.

Тяга к прекрасному всегда найдёт выход. В городе существовала рисовальная школа общества изящных искусств и узнав случайно о действующих там бесплатных воскресных курсах, он стал их активным слушателем.

Речел, для тебя может быть это станет откровением в познании славянской души, но есть такое понятие, как бессребреник. Объяснить такое слово, как в толковом словаре, получится сухо и необъёмно. Его значение относится к нравственной категории. Мне трудно отыскать подобное явление в американской истории подвижничества. Скорее всего, оно отсутствует. Замечу только, что если уже зрелые мастера, члены Южно-Русского товарищества художников передвижников находили время для ведения этих бесплатных уроков, то они без сомнения приносили туда не только свой талант, но и частицу своей души. Ты не слышала о таком обществе?

Речел отрицательно покачала головой.

-Об этих художниках мало известно, вернее они несправедливо остаются в тени, но поверь, многие из них заслуживают самое пристальное внимание. Я имею в виду более широкое признание их творчества. Но не будем перескакивать на другую тему. В четырнадцать лет его зачислили на стационар этой рисовальной школы и там он проучился четыре года. Его окружал взрослый мир людей, у которых было, что почерпнуть. Не хлестать водку и говорить грязно о бабах, а видеть жизнь в её чистоте и великолепии. Это очень важно тянуться к совершенству и красоте самому и эта тяга у него проявилась намного раньше, чем у большинства его сверстников.

Кстати, в шестнадцать лет у него появилась его первая женщина. Для склада ума художника, это просто необходимо. Такого рода ощущения могут быть началом или продолжением духовности, воплощением собственных юношеских фантазий, которые перемещаются уже потом в зрелое творчество. Знаешь, кто она была?

Макс сделал паузу и посмотрев серьёзно на Речел, уважительно закончил.

- Мать его товарища.

- Как ты знаешь такие пикантные подробности?

Макс усмехнулся.

- Ну должен же хоть кто-нибудь помнить о том, что художника, как человека связывает с обыкновенным миром. Лишь единственная встреча и наверное, он надолго остался благодарен той женщине. Я думаю, ему с ней очень повезло. Для подавляющего большинства молодых людей их первый сексуальный опыт, чаще всего, это не самые лучшие впечатления и хорошая наставница в таком деле может стать залогом будущей мужской состоятельности. Не знаю, завоевал ли он её сам или она его совратила, как бы то ни было, он на всю свою жизнь остался дамским обожателем. Заметь, обожателем! Это значит, что он был тем человеком, который видит в женщине прежде всего непостижимую тайну и источник райского наслаждения и никогда не воспринимает её, как кухарку и постельную принадлежность. Такое качество несомненно характеризовало его, как полноценную и развитую натуру и уже навсегда определило его вкус и привязанности.

Макс откинулся на спинку стула и посмотрел куда-то вдаль, вверх головы Речел.

- Что произошло дальше? Он успешно закончил школу?

Макс, словно возвратился откуда-то в своих мыслях.

-Да. Курс обучения незаметно подошёл к концу и с ним появилась непоколебимая уверенность, что для успеха и признания этого недостаточно. В столицу он ехать не рискнул и решил, что это будет сделать легче за границей. В России уже давно существовала своя живописная школа, выработанные традиции и признанные авторитеты, но знакомство с сокровищницей мирового искусства признавалось, как необходимый шаг на пути к мастерству. Такое не было модным поветрием и практиковалось начинающими художниками вовсе не из отсутствия патриотизма. Очень часто в Европе молодые дарования могли совмещать своё обучение с постижением классических канонов на примере лучших художественных коллекций. Впрочем не только это. Столичная жизнь ему была явно не по карману. Подзаработав немного денег, в поношенном костюме, который ему перелицевали из старого отцовского и единственной парой белья, распрощавшись с близкими, он отбыл в Германию. Дальше ты знаешь.

Речел кивнула.

- Школа Ашбе?

- Да. Мюнхен. В то время столица Баварии по праву считалась центром современного искусства. Возникший в 1892 году Сецессион, привлекал даровитых и смелых в своих исканиях художников и оказался в такой насыщенной талантами атмосфере, стало для него открытием новой эры своей жизни. У Ашбе он проучился некоторое время и эти несколько лет сыграли большую роль в становлении его, как живописца. Очень демократичное и прогрессивное заведение. Особенностью методики преподавания в этой школе было развитие индивидуальности, собственного видения предмета, поиска своей манеры. Я кое-что читал об Антоне Ашбе и знаю, что он очень серьезно относился к рисунку. В нём он видел фундамент профессионализма. Наверное тот период дал несомненный толчок, видоизменил знания и навыки, полученные ранее. Замечу, тогда же там находился его будущий друг Анри Матисс, но они встретились и сблизились позднее в Париже.

- Матисс?

- Я об этом не знала. Их связывала дружба?

- О, да. Причём довольно тесная, настолько, что они часто потом навевались вместе на родину Анри на севере Франции, в небольшой городок Ле-Като-Камбреси. Оттуда В Эперне, где в предместьях этого городка когда-то в семнадцатом веке в аббатстве Сен-Пьер Д'Овилле один проникательный монах открыл основы шампанизации вина... Эти короткие путешествия были полны впечатлений и надолго потом подпитывали его натуру, желанием отобразить увиденное.

Макс мечтательно посмотрел в сторону, как-будто представляя себя в этой удивительной провинции, где воздух напоен ароматами виноградной лозы и земля родит такой полный искристой жажды жизни плод, под щедрым солнцем и небом Шампаньи.

- Во многих вещах они с Анри сходились во мнениях и потому ощущали себя в обществе друг друга легко и комфортно. Кстати, их дни рождения почти совпадали. Разница, чуть больше недели и иногда они отмечали их вместе, сначала один, потом второй. Именно с лёгкой руки своего друга он приобщился к местным традициям и кухне, в сочетании с молодым вином последнего урожая. Очень коварный напиток. Пьётся как вода, особенно в жаркий полдень и последствия самые непредсказуемые.

Услыхав, как Макс со знанием дела красочно описывает свойства этого сорта вина, Речел насмешливо его поддела.

- Уж не случилось ли с тобой когда-нибудь подобной оказии?

Макс улыбнулся.

- Кто не был молод, тот не был глуп. Я бы даже сказал, молодость, это счастливое время быть неосторожным. Было и не раз, но я не рассказываю и с удовольствием бы повторил это алкогольное приключение при первом удобном случае. Но речь не обо мне...

...Однажды он переусердствовал и долго не мог вспомнить, как оказался утром в постели хозяйки одного питейного заведения. Впрочем, он без всякого сожаления провёл там ещё пол дня, откися в объятиях пышногрудой матроны, пока оттуда не вытащил его друг. Его залитая вином рубашка так до конца и не отстиралась, но он любил всё равно её надевать, вспоминая эту свою забавную мимолетную связь.

Как видишь, молодой художник был вовсе не чужд житейским радостям и без колебаний погружался в мир простых удовольствий, предпочитая свой собственный, пусть даже несовершенный опыт, другому, сухому и ничего для него не значащему, который мог быть почерпнут из книг или рассказов друзей.

В Ле-Като, в доме родителей Матисса они останавливались обычно на неделю. Ему отводили отдельную комнатку наверху и перед тем, как уснуть, он долго сидел у открытого окна с мыслями о своём доме и своей семье.

- Макс, откуда тебе известны эти подробности?

Речел с недоумением слушала его рассказ.

- Речел, ты знаешь, Матисс очень серьезно относился к мусульманскому искусству. На него оказала большое влияние экспозиция в Мюнхене. Так вот, они часто говорили по этому поводу. Оба были абсолютно уверены, что любая другая культура позволяет по-новому взглянуть, на ставший давно привычным, мир. О выставках Осеннего Салона я рассказывать не стану, об этом написано тысячи книг

и посвящено немало статей в течение долгого периода, но я уверен, что твоя бабушка знала эти места не понаслышке.

Он посмотрел на часы. За разговором они и не заметили, как закончили ужин.

-Я думаю, теперь самое время отправиться смотреть то, что я для тебя приготовил.

Речел была обескуражена. Макс отодвинул границу привычного. Она словно путешествовала с ним по времени. Он не манипулировал датами и событиями, связывая их с хорошо известными именами для того, чтобы воссоздать атмосферу тех дней. Достоверность в том и заключалось, что его сведения касались вполне обыденных вещей, обычно никем не описываемых. Точно так же её мать рассказывала о бабушке, как о родном человеке, без приукрас и вымысла. По неизвестной причине жизнь этого русского художника была ему не просто знакомой. Макс ей нравился всё больше. Речел импонировала его деликатность, от которой веяло давно забытым детством. Так вели себя друзья её родителей, что уже потом она не находила в других мужчинах. Казалось бы такой как все, только с той разницей, что он принадлежит к другому миру. Она не могла понять до конца в чём причина его притягательности. Её просто очаровало его обаяние.

Они успели досточно проторчать в автомобильных пробках, пока не оказались на нужной улице. Возле входа им встретилась Лин. С плохо скрытой неприязнью её глаза остановились на Речел сумке и отметили что «Луи Витон» настоящий, а не подделка из даунтауна. Макс перехватил её взгляд и она неловко скособочившись, поспешила ретироваться и уже оттуда с дистанции бессовестно глазела в их сторону, пока они не скрылись за дверью.

«...Наверное Речел права, - подумалось Макс, - здесь уже другие формы человеческой эволюции.»

Уже в квартире, усадив её в кресло, он налил ей и себе немного вина.

- Речел, ты когда-нибудь слышала о звёздных часах человечества?

Она, в ожидании подняла голову.

- Минуты, к которым люди идут всю свою жизнь и оказавшись на самой вершине понимают, что только одно это мгновение стоит многих других лет. Не бойся, мы ещё не там, но то что я тебе сейчас скажу, будет безусловно, запоминающейся страницей в твоей и моей жизни.

Макс поднял бокал и пригласив её присоединиться, осушил его до дна.

Акварель находилась в соседней комнате. Он бережно принёс её и поставил на стул, прямо напротив Речел.

- Ну , что ты скажешь по этому поводу?

На неё с небольшой дистанции, почти в упор смотрела женщина, черты лица которой невозможно было не узнать. Только потом она обратила внимание на хорошо различимые детали. Речел внимательно прошлась по ним взглядом, посмотрела вопросительно на Макса, потом опять вернулась к работе и уже в полном оцепенении застыла в кресле.

- Макс это невероятно...

Он рассмеялся.

-Нет, это как раз вполне допустимо. Но я хочу кое-что добавить. Та помнишь фамилию того русского художника? Если забыла, его подпись в нижнем левом углу. Та ли это фамилия, которую упоминала твоя мать?

Речел вдруг вспомнила. У бабушки хранился перевязанный лентой пакет с письмами. Мама ей говорила, что они от Флеймана. Это была одна из семейных реликвий.

«...Флейман! Ну конечно же, Флейман! Как она могла забыть?»

Речел поднесла работу ближе к свету и и уже без всякого напряжения разобрала кто автор.

- Макс, ты полагаешь, что та, кто здесь изображена это моя бабушка?

Он подошёл поближе и уже в который раз посмотрел на тщательно проработанное лицо женщины.

- Похоже, что так.

Работа опять заняла своё место на стуле и они уже теперь вдвоём любовались ей издали. Макс налил ещё вина и и спокойно спросил у Речел.

- Как ты думаешь, какая девичья фамилия моей матери?

Его голос прозвучал настолько невозмутимо, что Речел поняла, что он ничего не утверждает и ничего не

опровергает. С ним это было, есть и будет. Навсегда.

Она выдохнула.

- Флейман?

Макс молча выпил и выразительно на ней посмотрел.

- Вот такая судьба. Твоя бабушка и мой дедушка любили друг друга. Потом их пути разошлись. Так бывает.

Речел не могла прийти в себя. Во рту пересохло. Она машинально поднесла свой бокал к губам и сделала пару глотков. Макс о чём-то подумав, замолчал. Ему вдруг пришла в голову совершенно неожиданная и дикая мысль, которую он тут же от себя отогнал...

- Теперь у нас с тобой общее прошлое..

- Что с ним случилось потом?

Он вздохнул.

- То же, что и со многими, кому было суждено жить в это полное счастливых и трагических одновременно, событий время. Перед Первой мировой войной он вернулся обратно в Россию, в свой родной город. Потом грянула революция, хаос и он уже никогда больше не бывал в Париже. Сначала он не мог уехать по причине болезни матери, потом оказался в ловушке. Не всегда легко объяснить власть имущим, что художник это человек без границ.

- Ты его помнишь?

- Нет. Он умер, когда мне был всего лишь год.

Речел подошла к Максy и нежно его обняла. Теперь она видела его другим. Её бабушка прожила бурную жизнь и наверное присутствие в ней в какой-то момент этого русского художника не прошло незамеченным. Прошёл целый век и вот уже не в памяти, а наяву опять продолжается связь двух совершенно разных ветвей человеческого рода.

- В это невозможно поверить.

Она про себя рассуждала, что предчувствия её не обманули, как редко подводили и прежде.

- У тебя есть его фотография? Я бы очень хотела взглянуть.

Макс на минуту вышел из комнаты и вернулся с пухлым альбомом.

- Мой дед не был большим любителем фотографироваться, но всё же иногда случалось.

Он перелистал пару страниц, пока не нашёл, что искал.

- Эта самая примечательная.

Он протянул Речел плотную, наклееную на картон, карточку. По поблекшему тону сепии, нетрудно было сделать вывод о её солидном возрасте. Речел с нескрываемым любопытством посмотрела на двух запечатлённых там мужчин, одетых по тогдашней моде, у входа в какой-то особняк.

- Мой дед слева, а рядом с ним его друг.

- Уж не Матисс ли?

- Он самый. На обратной стороне его подпись. Эту фотографию они сделали во время выставки Осеннего салона, где оба участвовали, совсем незадолго до поездки Матисса в Россию.

- Матисс был в России?

Речел удивилась.

- Да. Он посетил Москву, всвязи с установкой декоративных панно в доме у Щукина, которые тот у него заказал. По тем временам они поражали своей смелостью и привлекали всеобщее пристальное внимание. Причём не только к художнику, но и тому человеку, который собирался их держать на виду. Это сейчас публика всеядна и мало кого можно хоть как-то удивить, но тогда, эпатажирующая обнажённость натуры, находила у зрителей самые противоречивые отклики.

Речел пристально вглядывалась в лица тех, кто был запечатлён на фото.

- Вот ещё одна. Здесь мой дед в окружении своих учеников. По стечению обстоятельств, он преподавал в том же училище живописи, что окончил сам. Потом во времена Сталина его обвинили в формализме и отстранили. Теперь взгляни на сюда. Здесь он со своей женой...

Она внимательно посмотрела на пожелтевший снимок.. На нём Речел увидела молодую привлекательную брюнетку, внешними чертами чем-то отдалённо напоминающую её род по женской

линии. Это был безусловно его тип женщины и он не изменил своему вкусу. Макс открыл следующую страницу.

- А вот с моей матерью, когда ей шесть лет. Он очень любил свою маленькую девочку. Вообще, он ко всему относился со страстью, но не расплёскивал её. Дочка была особой привязанностью и он баловал её, как мог.

- Эта по-моему, одна из его последних.

Он протянул её Речел и уже потом складывая на место и продолжая о чём-то размышлять, произнёс.

- Я думаю, он любил твою бабушку. Не знаю, почему они расстались, только я никак не могу отделаться от ощущения, что всё, что случилось, причинило ему душевную боль. Эта акварель, по сути дела, автопортрет. Посмотри, его лицо в тени, но очень хорошо заметно недоумение, вопрос. Он словно адресуется к стремительно покидающей его спутнице, но остаётся на своём месте и не следует за ней. Чисто декадентское видение ситуации.

- Ты его осуждаешь?

- И да и нет. Как я могу делать какие-то выводы, основываясь на собственных предположениях? Да, наверное, потому-что постарался предотвратить разрыв, если он имел место и нет, потому-как не через всё можно переступить. Намерения и обстоятельства, не всегда спутники.

- В вас, русских очень много ненужных сложностей.

Речел произнесла это с видимым сожалением.

- Там, где другие просто проходят равнодушно мимо, вы ищете свою сопричастность или вину. Я тоже не знаю, что произошло между ними и скорее всего, моя бабушка не сумела подчинить себя его натуре. В любом случае, в союзе мужчины и женщины кто-то обязательно теряет свою индивидуальность и живёт жизнью другого. Такая закономерность обязательна, если разговор идёт о неординарной личности и как мне кажется, они такими были оба.

Она на какое-то время замолчала и уже почти уверенно добавила.

- Я думаю, что я могу пролить свет на их взаимоотношения. У мамы в доме хранятся его письма.

Для Макса это прозвучало полной неожиданностью. Сюрпризы сыпались один за другим и он уже начал опасаться такой пугающей последовательности фейерверка событий, которые чаще всего вспыхивают яркими, но быстро сгорающими звёздами скорого разочарования.

- Как далеко живёт твоя мать?

- В Вашингтоне, но сейчас она гостит у своих родственников во Франции. Она должна вернуться меньше чем через неделю и я собираюсь к ней ненадолго. Кстати, ты знаешь его почерк?

- Ты продолжаешь сомневаться?

- Нет, я просто хочу быть уверенной, что это письма принадлежат твоему деду.

- Речел, а что тебе подсказывает сердце?

- Ах. Макс... Сердце плохой советчик. В особенности в таких делах. Я больше живу головой. Эмоции и страдания это ваш удел. Покажи-ка мне лучше его фотографии.

В альбоме их нашлось не более десятка, не считая двух-трёх маленьких с белым уголком для паспорта или удостоверения. Речел с интересом рассматривала немые свидетельства чужой ей жизни, в которую когда-то краешком вплелась история и её семьи. Макс сидел рядом и давал неторопливые объяснения. Она украдкой посмотрела на него и ей захотелось быть благодарной. От него сквозило такой надёжной уверенностью, что ей самой никуда не хотелось отсюда уходить. Речел знала уже совершенно точно, что проведёт здесь ночь. Ощущение оказалось внезапным, но требовательным и с ним не хотелось попусту спорить. Она приняла решение без труда и колебаний, со свойственной ей способностью не обманываться и ничего от себя не скрывать.

«...Трейси накануне уехала в Палм Спрингс и вернётся только завтра к вечеру.

Ничего не значащее, но удобное обстоятельство.

«...Впрочем и так никто не ограничивает её свободу и она всегда вправе выбирать, как и с кем проводить время. К тому же, это будет необыкновенной и долгожданной для себя возможностью отвлечься. Тем более, рядом с этим человеком, засыпая в его объятиях, как когда-то её бабушка находила счастливое успокоение в руках его прародителя.»

Мужчина, переживший уход женщины, которую он любил, легко забудет её оказавшись в постели вечером с другой, но всё равно вспомнит о ней на следующее утро.

Макс не без удивления рассматривал предметы дамского гардероба в своей комнате, от которых он понемногу отвык. Взгляд его механически скользил по вещам Речел, небрежно брошенных на стул рядом, вызывая в памяти отблески его прежней жизни...

Будучи женатым, он никогда не искал развлечений на стороне. Они как-то были не в голове. Это не означало, что он мог равнодушно пройти мимо и не обратить внимание на красноречивый взгляд или как болван туго соображать по поводу игривого намёка, но в целом в нём проявлялась больше сексуальная сдержанность, чем агрессивная неразборчивость. Макс всегда безошибочно определял к себе интерес и только после этого мог предпринять некоторые шаги к сближению. Связи такого рода были нечастыми, но очень содержательными. Он не считал для себя возможным ими пренебрегать, усматривая в своём отказе неуважение к проявленной симпатии во-первых, а во-вторых, элементарную неосмотрительность. Отвергая женщину, мужчина как правило теряет не только возможного друга, но гораздо с большей вероятностью, приобретает себе потенциального врага в виде, чутко спящей, собаки.

Для Макса эта сторона его жизни никак не пересекалась с другой, семейной. Если что-то и происходило, то каждая из атмосфер существовала сама по себе, без всякой диффузии, совершенно не отравляя их супружество и то, что он питал к своей жене. Она никогда ничего не выпытывала и не выспрашивала, и он платил ей тем же, не терзаясь попусту от того, что к то-то с ней пофлиртовал на вечеринке или она тепло обняла старого знакомого при встрече. Установившееся к всеобщему удовольствию равновесие, служило залогом взаимного доверия и уважения, тем более, что у его жены не было ни малейшего повода упрекнуть Макса в недостатке внимания. Ей вполне хватало его страстности и она, не проявляя инициативу, тем не менее не отказывала ему, даже в неурочное время.

«..Nooner...»

Макс мысленно усмехнулся. Так в Америке называется муж, который не упускает возможность отметить в постели во время ланча. Для этого он специально приезжает домой, с одной единственной целью и заодно что-то перехватывает. У Макса так складывось и не раз. При этом он находил необычайно привлекательной свою жену, сдабривая их дневные утехы хорошей порцией собственной фантазии. Как ему кажется теперь, она не видела в этом ничего плохого, но и не испытывала особенного восторга, позволяя ему себя любить...

«...А не ищет ли он в новых отношениях, повторение тех прежних?»

Он почувствовал этой ночью хорошо уловимую похожесть Речел и своей бывшей жены.

«...Или хотел почувствовать..?»

Наступивший день не принёс ничего нового. Он начался как обычно, словно строгое напоминание, что не стоит беспричинно испытывать эйфорию и судя по всему, обещал быть продолжением рутины, не меняющихся будней. Ранним утром раздался настойчивый телефонный звонок. Макс сразу понял, что это по его душу и кому-то не терпится доложить о какой-нибудь ерунде. Трубку он не поднимал и прослушивал через автоответчик сообщение, в котором конечно же не оказалось ничего экстренного и отсутствовала всякая необходимость морочить голову в данный момент. С таким же успехом обеспокоенный жилец мог поделиться своими проблемами попозже, а не трезвонить ни свет ни заря. Бесцеремонность его соседей была вполне обычным явлением и собственные проблемы, вне зависимости от степени безотлагательности, виделись некоторым делом первостепенной важности.

«...Непонятно, как они все здесь жили до сих пор?»

К любому на его месте, жильцы наверное бы относились равнодушно, но не к Максусу. Лин разнесла по околотку новость, что менеджер не один и естественно он сразу же всем понадобился. Из принципа. По вполне объяснимому зловредному и мстительному желанию видеть человека, который разезжает на шикарной машине, у себя в услужении.

«...Как они должно быть меня не любят?»

Где-то в глубине души он понимал, что за этим стоит. Его жильцы отчаянно нуждались в объяснимых вещах, как в противовесе. Потребность любить, сродни такой же ненавидеть. Оба чувства, две равноценные стороны одной и той же разменной монеты и без них немыслима ни одна живая душа, а тот, кто утверждает, что лишён одного из этих них, либо плохо себя знает, или просто бессовестно врёт. Любят ни за что, но не ищут причины. Ненавидят, потому что другой, а уж потом находят для себя сравнительно резонные доводы. Будь Макс для них человеком, который изначально владеет всем этим бизнесом, появляясь здесь раз в год, как ясно солнышко и выглядело бы всё совершенно иначе. Глаз режет только то, что находится в непосредственной близости. Такую закономерность Макс уже хорошо усвоил, как и понял то, что перед деньгами люди кроме того, что пасуют и заискивают, но и ещё невольно испытывают уважение, додумывая про себя, их количество. К мысли о гипотетическом владельце дома вся эта братия относилась совершенно легко и приписывая ему несметные богатства, даже не подозревала, что безбожно перевирает какие-то пыльные факты. Неизвестно откуда почерпнутые сведения, удивительным образом напоминали информацию, которую имели работники Засранской суконной фабрики имени Клары Цеткин о калифорнийском магнате Поле Гетти. Такие же подлинные и не требующие доказательств, знания, когда одним нет дела, кто это такой, а другому наплевать, кто подсчитывает его деньги.

Макс оказался на стыке двух миров. Он, как человек, который вёл себя явно как хозяин, но жил рядом, вызывал глухую неприязнь. Это был ещё один нонсенс. Впрочем не только. Одно цепляло другое...

Не нравился тот факт, что у него дорогой автомобиль и что он единолично принимает решения на месте. При этом, обходится без туманных ссылок на кого-то ещё, в которые всё равно никто не верит. Раздражала его подпись абсолютно на всех документах и даже в ответах на письма, адресованные хозяину. Всё это вместе взятое, ставило в тупик бывших хиппи и битломанов, которые только помолодости и неопытности думали о себе, как о поколении со свободно выраженными взглядами. Так и хотелось подойти к кому-нибудь из них сзади и тихонько похлопать по плечу.

-Эй, дядя... Проснись! Ты уже давно проехал свою остановку...

Перебесившись и чуть повзрослев, они моментально остепенелись. Волосатые и бородатые юноши в расклёшенных джинсах поменяли одежду, постриглись и побрились. Девушки привели в порядок ногти и причёску, смыли с предплечья фальшивую татуировку и в одночасье стали теми, кем родились, скучными и недалёкими обывателями. Тот мир своих родителей, что они втайне ещё совсем недавно презирали, вдруг стал их собственным и оказавшись уже в нём окончательно, они так и не поняли, что с ними произошло. Даже если кто-то из них на секунду задумывался, что маловероятно, то всё равно уже ничего не мог изменить. Слишком поздно было бы что-то лепить из души и разума, которые, как застывшая глина затвердели навсегда и оставили человека в плену своих убогих представлений. А тут ещё Макс со своими непонятными штучками...

- Ну если ты такой богатый, чтобы позволять себе такие покупки, то почему живёшь здесь и занимаешь чужое место?

Это уже в открытую сказала ему однажды одна из не в меру раздраженных, его квартиросъёмщиц.

«... Ну вот, докатился. Попрекают чуть ли не куском хлеба. Интересно, кого она бы хотела видеть на этом месте, уж не себя ли?»

Макс как раз выезжал из ворот и пропускал перед собой эту старую козу. Он сделал вид, что не расслышал.

- С добрым утром, мэ.

Дама чуть ли не поперхнулась своим леденцом, сосать который вошло в привычку ещё с первых концертов «Ролинг Стоунз».

«... Сказать ей такое. Какая она, мем? Она, что, в пожилом возрасте?»

В своём традиционном полупляжном наряде, едва скрывающим отвисшую до пупа грудь и тонкую, хорошо заметную сетку морщин на жёлтых дряблых ляжках, его соседка продолжала считать себя молодой и неотразимой.

«... Вот она, Америка. Престарелая, но полная непрошибаемого самомнения...»

Макс даже не вздохнул от сожаления. Нажал на газ и укатил прочь.

Для него такое огромное количество условностей здешних обитателей оставалось загадочным феноменом. Ему было бы трудно даже предположить об этой тяжёлой кабале, что они несли всем миром, не оказавшись он нос к носу с этим малопонятным для себя явлением. Причём, под этим гнѐтом находились практически все, не замечая своего добровольного рабства или просто не отдавая себе отчёт, что скованы по рукам и ногам таким отношением к жизни. Как эта облезлая обезьяна, которая не могла сдержаться от невыносимого больше, праведного гнева к другому мировоззрению...

Теперь, прослушав на автоответчике всё сообщение от начала до конца, Макс всё же не смог проигнорировать чьё-то беспокойство, пусть даже и несвоевременное. Он тут же немедленно перезвонил и спокойно дал понять, что занят. Пускаться в объяснения было излишним и он предложил подождать.

К полудню Макс отвѣз Речел к тому месту, где подобрал её вчера. Они распрощались, не остыв до конца от вчерашней беседы и от всех своих открытий. Вероятно, Трейси не оказалось дома. Массивная калитка была заперта и Речел воспользовалась своим ключѐм, предварительно опорожнив почтовый ящик. Уже отъезжая, Макс заметил из окна машины, как она мимоходом рассматривает корреспонденцию. Судя по всему, они действительно были очень близки и не держали друг от друга никаких секретов. Не приходилось сомневаться, что Речел считала это жилище надёжным пристанищем и он в лишней раз смог с том убедиться.

Дружба между двумя женщинами очерчена совершенно иной канвой взаимоотношений, чем между мужчинами. Более доверительная и откровенная, даже в мелочах. Макс был просто уверен, что Речел непременно поделится во всех подробностях с подругой всем этим нагромождением удивительных событий. Он ничего не имел против, прекрасно понимая их привычку жить сообща.

«...Непонятно, где их мужья или хотя бы один из них. По крайней мере, бойфренд или проходящий друг, на худой конец?»

По давно укоренившейся привычке никогда не спрашивать, он мог только догадываться, но предпочёл обойтись от пустых предположений. Все наружные свидетельства мужского присутствия в доме напрочь отсутствовали. Ни одной фотографии, которые как правило, в большом количестве в каждой американской семье. Ими обычно утыканы все возможные уголки, но тогда в своё прошлое и единственное посещение, он так и не заметил ни одной, как и вообще намѐка на ещё чьё-то присутствие. Строить свою версию не имело смысла, традиционная схема счастливой семьи, муж, жена, трое детей и собака здесь явно не прослеживалась. Скорее наблюдался другой сценарий, где всё ради и с помощью женщины. С этим предположением он мог бы пожалуй и согласиться, если бы не одно, но...

«... Коли так, тогда какого его предназначение? Не оказавшись он с Речел в постели, всё бы выглядело куда проще. Две лесбиянки, их в этом городе предостаточно.»

Да, зачем далеко ходить, у Макса буквально под носом свила себе гнездо такая сладкая парочка. Правда, там декларация принципов шла открытым текстом и никто из двух женщин и не пытался скрывать свою привязанность к друг другу...

Дженифер, её подруга Сюзан и при них дворняга кобель, по кличке Гейбл. Заселял их Макс и увидев в первый раз крепкую блондинку с короткой стрижкой и хрипловатым голосом, а за её спиной невзрачную коротышку в полинялой майке, сразу понял, как с ними надо себя вести. Дженифер с видом красного комиссара протянула руку для пожатия и Макс почувствовал, что перед ним мужик.

«...Ей бы кожанку и маузер в деревянной кобуре.»

Если бы она вытащила кيسет и заправски смастерила самокрутку он бы тоже не удивился. Сделать такому существу комплимент, как даме, повинувшись врождённой галантности, значило бы унижить её достоинство и Макс вовремя прикусил язык.

«...Властная должно быть тѣтя...»

Он с жалостью посмотрел на Сюзан. Впрочем, та не выглядела неуверенной в себе или подавленной. Она принимала самое активное участие в обсуждении условий контракта и не было совершенно никаких оснований за неё беспокоиться. Более того, Сюзан задавала большинство вопросов и уже к исходу их встречи, Макс окончательно определился, что главенствующая роль в доме принадлежит ей..

У Макса никогда не было предубеждений по поводу сексменьшинств. Он не считал их хуже или лучше

себя, ему было просто наплевать, как тому калифорнийскому миллионеру на работников суконной фабрики. За время жизни в этой стране его точка зрения не только не изменилась, но даже окрепла и теперь своё отношение он выражал предельно ясно и коротко.

«... Whatever...» (всё равно, без разницы, всё что вам будет угодно. Амер. разг.)

Это не был либерализм или проявление толерантности, такие оговорки тоже не имели никакого для него значения.

«... Whatever...»

Ни в Сюзан, ни в Дженифер он не находил ничего женственного, но и это отсутствие у обеих внутренней притягательности противоположного пола, его не волновало. Он был равнодушен, воспринимая одну и вторую некими бесполовыми персонажами кукольного театра.

Сравнивая невольно теперь этих двух и своих новых знакомых, он чувствовал сконфуженность от такого несоответствия своим прежним представлениям.

«...Что-то здесь не то. Или Речел и Трейси беззастенчиво придуриваются, либо его собственный опыт не настолько богат, чтобы сделать правильные выводы.

Впрочем, какая разница? Не всё ли равно как они живут?»?

Он поймал себя на мысли, что от того будет он знать это или нет, ровным счётом ничего не изменится.

«..Они обе не нуждаются в его советах и могут строить свои взаимоотношения так, как находят нужным.»

Прощаясь, Речел обещала сообщить ему о результатах своих поисков сразу по возвращении. Прошло уже несколько дней, как она улетела в Вашингтон, где собиралась провести какое-то время. По её словам, она даже не представляла где искать то, что их с Максом так теперь интересовало. Они с матерью не почти, а наверняка забыли об этом небольшом пакете с письмами и вероятней всего, он лежал где-нибудь среди ненужных квитанций и старых поздравительных открыток. Семейный архив вещь сложная и к нему чаще всего обращаются в спешке, пытаясь разыскать порой незначительную бумагу, имеющую сиюминутную важность.

Письма.... Это не сертификат о рождении или выплаченная закладная. Их в лучшем случае хранит одно поколение, для которого они зеркало прошедших дней. Вообще, было удивительным, что они попали сюда, на другой континент, пережив, как и их хозяева, неудобства перемещения. Такой факт кое-что значил. Он наталкивал на мысль и ещё раз подтверждал, что коль скоро женщина, с которой его дед был когда-то близок, сохранила переписку, значит у них была не просто мимолетная связь.

Макс хорошо помнил всё, что рассказывала о нём его мать. Для неё самой её отец надолго остался почти мистической фигурой, полный необъяснимой притягательности. Она всегда восхищалась им, его легкостью общения, как с домашними, так и с совершенно незнакомыми людьми. По её воспоминаниям, Макс представлял себе его вполне импозантным мужчиной, уверенным в себе, способным очаровать женщин разного круга. При всяком удобном случае она старалась подчеркнуть, что такие натуры большая редкость и те, кто однажды с ним столкнулся, уже всю жизнь оставались под влиянием его редкой духовной силы. Наверное, та бескомпромиссная независимость, что чаще всего исходит от богатого внутреннего содержания человека, резко выделяла его из общего окружения. Он мог и любил нравиться людям, не прилагая к этому совершенно никаких усилий. Это было его естество, наживать себе только друзей, а не врагов. Обладая от природы жизнерадостным настроением, его дед заражал оптимизмом, даже если обстоятельства складывались не в его пользу. На людях он редко впадал в меланхолию и таким его запомнили многие, кому довелось быть с ним рядом. Скорее всего, под всегда ровным настроением он тщательно скрывал своё истинное состояние духа и в этом проявлялось его нежелание посвящать каждого в личные переживания.

Тот лоск, что он привёз из Парижа, оставался уже с ним навсегда. Даже на фотографиях он редко расставался с франтоватой тросточкой и вообще в его внешности и манере себя держать всегда присутствовал нездешний шарм. При всём при этом, все отлично знали о его избирательности в общении, которая не выглядела холодным снобизмом, а была лишь уважением к собственной персоне. Навряд ли,

такой человек стал писать лишь бы кому...

Речел объявилась раньше, чем он её ожидал. Уже к исходу недели после их расставания, она позвонила и взволнованно сообщила, что привезла письма. Их оказалось только два, написанных по-французски, одно пространное и другое, совсем короткое. Без дат и без конвертов. Она их не читала, не чувствуя себя вправе приоткрыть покров этой тайны одной. Впрочем, была и другая причина. Ей хотелось это сделать с Максом вдвоём. Унаследованный романтизм подсказывал Речел всю трепетность этого момента. Они не стали откладывать, то что ждали оба с нетерпением и уже вечером Речел была у него дома. Он встретил её немного утомлённую шестичасовым перелётом, но необыкновенно счастливую от выполненной миссии.

- Макс, это оказалось нелёгким делом. Я буквально перерыла весь дом. Моя мать о них начисто забыла и даже не могла предположить, где их можно искать. В последний раз она видела их очень давно, ещё при жизни бабушки. Вот они.

Она достала из сумки несколько сложенных листов, перетянутых голубой лентой. На ней виднелись уже изрядно поблекшие буквы, выведенные когда-то чернильным карандашом.

«Луизе –Флейман»

-Луиза, имя моей бабушки.

Пояснила Речел.

- Даже трудно себе представить, сколько времени они так пролежали. Если бы не ты, то наверное о них никто так никогда бы и не вспомнил.

Она аккуратно развязала ленту. Писем действительно было два, написанных круглым почерком без наклона. Макс не мог не заметить в нём что-то очень знакомое. Он знал манеру письма своих родителей, но никогда не видел ничего, написанное его дедом. Почерк поразительно напоминал его собственный, как две капли воды, каким он писал, используя чернильную авторучку. Он взял их в руки и невольно поднёс к лицу, вдыхая аромат давно забытого времени. К запаху пересохшей бумаги примешивался другой, пудры и духов. Такими пользовалась его мама и он хорошо запомнил его с раннего детства. «Красная Москва» был любимый и традиционный подарок для многих женщин Советского Союза. Речел заметив, как он погружается в воспоминания, заметила.

- Они лежали в бабушкиной сумке, которая пропахла от разлитого в ней когда-то флакона духов. Она не отличалась оригинальностью, но имела безупречный вкус. Теперь улавливая в воздухе «Шанель № 5», я тут же представляю её, иронично взирающую на американские усилия удивить мир высокой моды.

- У тебя много от бабушки.

Макс не мог не пропустить мимо ушей её замечание. Речел тут же парировала.

- Как и у тебя, от твоего дедушки...

Это прозвучало как сигнал и Макс с нежностью поцеловал Речел в губы.

- Не знаю как ты, но я волнуюсь. Ты будешь их переводить и это будет точно так же, как будто они были только получены и та, которой они были адресованы, читает их про себя.

Речел кокетливо улыбнулась, ей без сомнения доставляла удовольствие та роль, что Макс ей отводил. Они устроились рядом, тесно прижавшись друг к другу, связанные уже другой неразрывной нитью, которая пролегла через многие годы.

* * *

«...Здравствуй, моя волшебница! Только так я могу тебя называть, вспоминая неповторимое время, что мы провели вместе. Я готов бросить всё ради одной долгожданной минуты оказаться опять рядом и осыпать в безумстве поцелуями твои руки и плечи, сгорая как спичка от нетерпения. Мне не стыдно признаться в такой зависимости, именно она делает меня избранным быть посвящённым в это страстное блаженство. Чары таинства безумных и безвучных часов, что ты когда-то мне подарила, преследуют меня в моменты одиночества и я схожу с ума, не в силах совладать со своим желанием. Им занят мой воспалённый мозг, я погружаюсь в эти чудесные видения, с ними усыпаю и боюсь очнуться в страхе,

что тебя не увижу поблизости.

Ты спрашиваешь, как мне работается? Ну что тебе сказать, моя царица? Я смотрю на холст и мне видится твоя обворожительная улыбка. Твои черты везде, их трудно не заметить и не узнать. Анри подшучивает постоянно надо мной, но я не обижаюсь, как избраннейший из смертных, кому выпало счастье познать весь восторг служить Эросу с такой изумительной жрицей.

Луиза, любовь моя, я считаю минуты...

Мне так жаль, что ты не могла присутствовать на последнем Осеннем салоне. На этот раз я выставил две своих работы. Одна из них, «Продавец каштанов» имела несомненный успех, но несравнимый со скандальным фурором, что произвела картина Анри «Женщина в зелёной шляпе». Она здорово поддела публику. Уже потом, несколько дней спустя, он мне со смехом признался, что мы с ним были самые цветные. Об этом же твердил и Дерен. Его с друзьями мы встретили в «Ротонде». Представляешь, кто-то из критиков назвал нас хищными. Этому господину видите ли, привиделась некоторая неумеренность в энергии красок и он посчитал их слишком резкими. Такие люди просто не понимают экспрессию. Ах Анри, Анри, мой добрый друг. С некоторого времени это его любимое слово. Я ощущаю на своём плече его руку. Мы пробродили по городу почти до утра и он в порыве откровенности поделился со мной разговором с Моро. Ты знаешь, что тот ему сказал?

«..Вам предстоит упростить живопись..»

Преклоняюсь перед предсказанием метра. Это предвидение.

Как было бы прекрасно, если бы я смог утром оказаться в твоих горячих объятиях и ласкать тебя, разомлевшую от сна. Боже, как мне хочется забыться, согретому твоим роскошным телом. Я прочувствовал его, удовлетворяя голод своей кожи и ничто не укрылось от моего благоговейного созерцания. Нежная моя, прости мне сумбур в моих мыслях, они мешаются от одного твоего в них появления. Судьбе было угодно дать мне шанс жить в мире, где присутствует твоя великолепная нагота, упоительная и сладостная. Я раб, усыпанный милостями. Я путник, томимый жаждой, который припал к живительному и благодатному источнику. Богиня наслаждений, разомкни свои ладони и дай мне ощутить сполна их вкус на моих губах и ты услышишь бешеное дыхание, готового вырваться из груди сердца. Оно стонет и изнывает...»

Речел остановилась, переводя дух. Письмо её захватило, словно не кому-то другому, а ей оно посвящалось. Она воспринимала каждую строчку, пропитанную страстью, посвящением себе и всё что писал этот незнакомый молодой человек, принадлежало ей и только ей. Это у неё бешено колотилось и таяло сердце от его любви и желания.

Речел не замечая дрожи в своём голосе, переводила достаточно быстро и иногда замедлялась, если слово было неразборчиво написано.

- Макс, я не понимаю, как они могли расстаться...

В её руках опять оказался пожелтевший листок бумаги.

«...Как скоро ты намерена вернуться, моя радость? Весь Париж только и говорит об этой выставке. Что пишут газеты в провинции? Наверное, в подражание столичному вкусу обвиняют нас в неоправданной дерзости и сознательном уходе от общественных проблем. Возмущённые тем, что как они выражаются, мы швырнули публике в лицо банку с краской...»

Ах, Боже мой! Неужели, каждый из нас не имеет право на своё субъективное видение? Что стоит пустая болтовня по сравнению с чёткой линией. То, что они называют примитивизмом форм и пластической деформацией на самом деле максимальная выразительность. Прости меня за это лёгкое возбуждение, я невзначай увлекся, но ты так всегда меня хорошо понимала. Как я скучаю за кончиками твоих нежных пальцев! Привыкшему их согревать в своих руках во время наших долгих зимних прогулок, мне так не достаёт их теперь. Я не могу забыть тот первый поцелуй, что ты мне благосклонно подарила, укрывшись от посторонних взглядов на Пляс дю Тетр. Господи, минул уж почти год, а я всё ещё нахожусь под первым впечатлением. Безнадёжно больному, мне ли не ведать природу снадобья, которое одно единственное способно меня исцелить Меланхолическая философия молодого мужчины,

это его неудовлетворённая страсть.

Хочу поделиться с тобой одной своим выводом, не столько как невольный мыслитель. Я знаю, что едва тебя опять увижу, уже не смогу более концентрироваться на холодных умозаключениях. Вот что мне пришло в голову. Не всегда хороший художник делает хорошие вещи, как не всегда плохой, плохие, но никогда плохой художник не станет хорошим и никогда хороший не будет плохим. Каково? Меня распирает чувство гордости от собственной способности делать такие наблюдения. Только не говори, что я был таким всегда. Нет. Я знаю теперь, что советовать для всплеска творческих сил... Жестокою и испепеляющую душу невозможность находиться рядом с предметом своих желаний. Вот и сейчас, томимый жаждой обладания, мне требуется писать, чтобы выплеснуть накопившийся фонтан нерастраченной любви к тебе моя Женщина...»

Речел смолкла, будто осмысливая заново эти строки.

- Макс, ты только вслушайся!

Она перечитала последние предложения.

- Твой дед совсем недалёк здесь от Фрейда. Перевод бессознательных инстинктов в символические формы. Тогда о психоанализе ещё никто не знал. По сути дела, он пишет о трансформация энергии либидо из неудовлетворённых желаний в форму творческого подъёма. Занятно. Неужели, действительно, открытия витают в воздухе и могут быть подхвачены сразу несколькими умами. Как жаль, что я не читала этого письма раньше...

Речел задумалась.

- Когда я летела в самолёте из Вашингтона, мне вдруг подумалось, что ведь ничего этого могло не произойти, не окажись я тогда на выставке.

Он внимательно посмотрел в её сторну.

Речел как бы раздваивалась. Обычно она могла быть язвительно жёсткой в своей желчной иронии и её такую Макс уже воспринимал, абсолютно не представляя её другой. То, как она вела себя сейчас, было крайне непревычным. Эта внезапная мягкость и совершенно раскованная расположенность к нему, что принесли в её душу открывшиеся факты пересечения судеб, давно ушедших из жизни людей, делали её неузнаваемой. Макс недоумевал.

«...Какая из них двоих, настоящая и что от неё ждать в следующую минуту?»

Эта непредсказуемость только усиливала её непостижимую привлекательность.

«...Интересно, а что бы с ней произошло, не окажись ОН! тогда в том же самом месте?»

Кого бы они выбрали для своей маленькой оргии?»

Макс старался припомнить всех претендентов, кто хоть как-то мог показаться ей достойным внимания.

«...На кого бы ещё она могла положить взгляд и вообще, почему они выбрали именно эту галерею?»

В другое бы время он точно не преминул её спросить об этом, но не сейчас. И хотя ему страстно захотелось узнать ответ, он ушёл в сторону от этого соблазна, так и не решив, какую Речел он предпочитает больше.

Макс продолжал с нескрываемым интересом разглядывать её, увлекаясь как и в первый раз её женской притягательностью.

- Милая Речел, если бы мы могли успеть везде. Наверняка, ты и я, как и все остальные часто проходим в неведении от своих судьбоносных моментов, которые буквально за углом. Другое дело, что уровень их разный. У одних, это деньги положение или что-то ещё, а у других, нечто совершенно нематериальное. Считай, что нам просто повезло. Кстати, как ты в плане неожиданного счастья?

Макс обнял её, уже не смущаясь. Его движение было уверенным и он вёл себя так, как делают это люди, уже побывавшие вместе в постели. Но не пренебрежительно фомильярно и не по-хозяйски, с чувством собственника, а с уважением и благодарностью к тем минутам, что она ему посвятила с ним наедине..

- Я смотрю, ты человек импульса.

Речел уже безразлично принимала его ласку.

- Макс, мы же читаем...

Она пыталась шутливо противостоять, без всякой надежды на собственные силы. Письмо он

предусмотрительно отложил в сторону и про себя подмигнул его автору, как бы извиняясь за вынужденную остановку. Он был уверен, что последует молчаливое благословение,- его порывы мало чем отличались от тех, что испытывал его дед при виде дамских прелестей.

Речел уснула. Оказавшись с Максом наедине, она заметно изменилась и он более не чувствовал её напряжения, что он отметил в ней тогда в доме у Трейси. Это наблюдение было словно продолжением его мыслей ещё каких-нибудь пол часа назад. Они опять нахлынули на него неподконтрольной сумятицей в душе и показавшаяся в тот день странность её поведения, по-прежнему не давала ему покоя.

Спросить вот так прямо он не мог.

«... Да и о чём спрашивать? Каковы её сексуальные пристрастия? Какое место в её жизни занимает Трейси? Подруга? По всей вероятности, что не только».

Сцена с их красноречивыми объятиями и изощрёнными ласками стояла у него перед глазами, вызывая странные и смешанные чувства. Он не испытывал отвращения и этот невольный вуайеризм действовал на него непонятно возбуждающе.

Макс уже знал, как максимально доставить ей удовольствие и не забыть себя при этом. Они лежали, как ложки, повторяя изгибы тела друг друга и он даже слышал её лёгкое похрапывание. Это был хороший знак, так женщина может себя вести, только уверенная в своей полной безопасности и испытывая комфорт от присутствия того человека, который с ней рядом. Её тело расслабилось и от него веяло умиротворением долгожданного отдыха. Он видел перед собой её плечо и волосы, прикрывшие часть лица. Его ладони обхватили её грудь и он ощущал ими успокоившиеся соски. Так миллионы лет отдыхало, насытившись любовью, не одно поколение мужчин и женщин, и то же самое будет потом, продолжая эту веками выверенную, позу интимной близости.

Для Макса эта связь оказалась пожалуй тем, что он ожидал. Несмотря на необычное начало, он мог предугадать в Речел хорошего и отзывчивого партнёра. И не ошибся. У них совпадал баланс чувственности и это сводило настроение каждого к последовательному дополнению их совместных желаний.

«... Интересно, кто она по гороскопу?»

... Ярко выраженная наблюдательность и несомненная интеллигентность, как у Девы. С другой стороны, открытая и страстная в своих порывах, как Скорпион. Уверенная в себе, как Телец...

Пожалуй, в ней он может отыскать больше, чем по началу предвидел.»

Речел спала недолго, но даже эти десять, пятнадцать минут её заметно взбудрили. Она перевернулась к нему лицом и в её глазах он заметил неподдельное к себе внимание. Она смотрела как-бы со стороны, как на совершенно незнакомого ей человека. Нетрудно было догадаться, что происходило в её душе. Наверняка, она проецировала события из жизни своей бабушки на свои собственные взаимоотношения с Максом. Даже может втайне фантазировала, представляя себя в той парижской квартире, где жил русский художник и встречался со своей возлюбленной. Красивая и романтическая история стала как бы её личной. Она захватила. Эпизод почти вековой давности стал прологом к невероятному и почти нереальному происшествию в её собственной судьбе, похожему больше на вымысел.

Макс почти не сомневался в её настроении.

«...Наверняка, эти события ничего особенно не перевернули в её делах и привычках, но должно быть повеяли новизной других впечатлений. Да и для него всё, что произошло, оказалось полнейшей неожиданностью.

Опасный и тревожный момент в непосредственной близости, от которого и он так близко очутился. Для него, встреча с этой женщиной стала счастливым избавлением от своего депрессивного состояния и можно только радоваться всем этим переменам.

А что потом...?

Он уже совершенно точно не захочет жить по-прежнему, но сможет ли отказаться от всего, что так мешает ему в последнее время?

Бросить...?

Как просто на словах шагнуть за эту не всегда легко преодолимую черту. Пожалуй, сладостно думать

и мечтать о шансе, предоставляемым случаем, о нежданном повороте в своей жизни с подсознательным нежеланием, чтобы он произошёл и совершенно нелегко оказаться вдруг рядом. При этом, не спасовать перед пугающей возможностью стать избранником судьбы. Не факиром на час, когда сзади спасительно маячит привычная тихая заводь, а уже навсегда оказаться по другую сторону своего приземлённого состояния со спасительным якорем добровольных обязательств.»

Макс неторопливо предавался своим размышлениям.

«... Может она была права, насчёт выбора?»

Заметив, что Речел пристально на него смотрит, Макс про себя рассмеялся.

«... Ну разве об этом надо думать наедине с женщиной? И надо ли думать вообще?»

Речел продолжала его разглядывать. От неё не укрылось, что он где-то очень далеко в своих мыслях.

- О чём ты думаешь?

Макс блаженно закрыл глаза, ощущая аромат её кожи. Он жадно прижался к ней всем телом, уже полностью отключаясь от своих рассуждений.

- Жалею, что такие моменты нельзя продлить до бесконечности. Сейчас я абсолютно уверен, чего мне будет не доставать в старости.

Он приподнял её грудь и поцеловал пространство под ней.

- С тобой я ещё раз в этом убедился.

Она потрепала его волосы.

- Пусть будет так, хотя я далеко не уверена, что именно это у тебя в голове. Ах Макс, я так и не знаю о тебе ничего. Ты продолжаешь отмалчиваться. Скажи мне, ты всегда добиваешься своего?

- Стараюсь.

Теперь Речел задумалась о чём то своём.

- Мне нравятся целеустремлённые мужчины. По крайней мере в том, как проявляется их настойчивость, я могу определить степень их жажды жизни.

- Однако нам пора, я сгораю от нетерпения опять погрузиться в мир мыслей и чувств, человека, который пишет такие проникновенные и интересные письма.

Они остались в постели. Речел села и подложила себе пару подушек под спину. Она аккуратно обернула вокруг себя одеяло и вновь принялась за чтение.

«...Как странно, что всё это я понял только сейчас. Неужели только на расстоянии возможно разглядеть, что без всякой удобной подсказки так видимо невооруженным глазом.

Я не так давно познакомился с Жоржем Руо. Преинтересная встреча. Он тоже выставился в Салоне. Собственно, Анри мне говорил о нём уже давно, он кстати шлёт тебе поклон.

Они знакомы много лет, ещё по Академии Изящных Искусств. Жорж тоже учился у Моро и был одним из его любимых учеников. Поначалу он мне показался немного непонятным, как и его работы, полные какого-то трагизма обречённости. Такое впечатление, что в его персонажах присутствует неукротимая сила зла и вот, вот откроется её таинственная жуткая суть. Такое настроение я испытывал, когда тяжело хворал в детстве и уже потом его отзвук нет-нет и всколыхнёт непонятным напоминаям безотчётного страха болезненных сновидений. В этом его сила, так влиять на состояние духа не столько угнетающе, а словно с вопросом. Я проговорил с ним не более часа и не мог отделаться от впечатления, что передо мной смиренный апостол. Даже глядит он как-то отрешённо, но всё равно чувствуешь его внутреннюю силу. Вообще, мне везёт на подобные встречи в последнее время. Своего «Продавца каштанов» я писал тоже не с совсем обыкновенного человека. Как-то прогуливаясь по Елисейским Полям, совсем недалеко от площади Согласия, я случайно встретился взглядом с незнакомцем. Он сидел возле жаровни с каштанами и продавал их, складывая кучками в небольшие кулёчки. Под жаровней тлели угли, мерцаая красноватыми язычками пламени и притягивали к себе этим блеском спокойного огня. Я невольно загляделся и когда поднял глаза, тут же наткнулся на его взор, но не пустой, где не читается ровным счётом ничего, а глубокомысленный и сосредоточенный. Мы так смотрели друг на друга несколько мгновений, но уже и этого было достаточно, чтобы у меня в секунду родился образ, который я по памяти набросал двумя часами позже. На следующий день хотел продолжить работу, но

увы, не смог. Мне нужен был толчок, чтобы докопаться до сути и я вдруг понял со всей очевидностью, что должен опять взглянуть ему в глаза. Я нашёл его на том же месте. Увидев меня, он вероятно узнал моё лицо, но не подал виду, а продолжал своё нехитрое дело. Не помню, как мы разговорились, но наша беседа затянулась. Нечасто встречаешь таких людей и уж подавно неподвластны игре воображения все перепетии, в которые они попадают. Человек он оказался учёный и образованный, а что касаясь его теперешнего занятия, так он спокойно это воспринимает, как некий турбуленс в своей жизни. Как тут не вспомнить себя, оказавшегося в Париже впервые. Я признался ему, что здесь не случайно и хочу написать его, если он не против. Он в ответ лишь рассмеялся со словами:

- Никто не может запретить смотреть, а на умение видеть не требуется ничего позволения.

Само провидение пожелало мне отыскать его среди множества других. Теперь я уверен до конца, что ничего не может быть запланированным. Только случай способен награждать. Я провёл с ним рядом несколько дней. В один из них он угостил меня вином, которое мне не доводилось ещё пробовать. Я было стал отказываться, уж очень не хотелось загубить день бесцельным служением Бахусу, когда впереди столько работы, но он был неумолим.

-Вино Мариани!

Вот увидишь, как силы твои возрастут, попробовав этого удивительного и благословенного напитка... Ловко откупорив бутылку, мой новый знакомый хитровато прищурился и пообещал вторую им припасённую. Мы их опустошили и я нисколько не сожалел. По твоему приезду раздобуду непременно такое же, оно вызывает прилив необыкновенной бодрости. По вкусу вроде обыкновенное бордо, но какой источник энергии! Я пристроился возле него с мольбертом и без усталости проработал несколько часов, чувствуя одержимость, хоть мне и свойственную, но не в такой степени.

Эта работа далась мне нелегко, но думаю она того стоила. Никогда не испытывал столько трудностей, чтобы передать его настроение и только бесконечно манипулируя цветом, отчасти добился своего. На прощанье он мне совершенно серьёзно, как бы предрекая, тихо сказал.

- Это полотно прославит твоё имя! Пройдёт много времени, пока это случится, но знай, с ним к тебе придёт известность...

По странной причине я ему поверил, хотя всегда с большим скептицизмом относился к пророчествам. Уже после выставки я пытался отыскать его, но тщетно, он бесследно исчез и только тёмные пятна от просыпавшихся углей из его жаровни на тротуаре, где он сидел, да привкус вина Мариани, с которым он меня познакомил, напоминают мне теперь эту встречу...

Ах моя нежная, как я скучаю за тобой и с этим мне совладать всё сложнее. Скажу по большому секрету, я уже вынашиваю одну идею и непременно хочу её воплотить в новую работу. Там будешь ты и я. Меня иногда терзают необъяснимые предчувствия, как будто мы не вместе. Прочь, прочь от таких видений. Это хандра, от которой я излечусь немедля по твоему возвращению...»

Речел остановилась, переворачивая лист. В то время как она читала, Макс почти непроизвольно наблюдал за выражением её лица. С него исчезла уверенная ирония и теперь в её глазах светился тихий восторг, как-будто с каждой новой строкой она всё сильнее проникалась благодарностью, что судьба ей подарила эту встречу. Вот так, ни с того ни с сего. Щедро и казалось, ничего не требуя взамен.

Он продолжал вглядываться в Речел, пытаясь угадать её мысли.

«...Вполне возможно письмо погрузило её в гущу волнующих событий, которые когда-то мельком проскользнули сухими фактами из курса истории искусства. Без должного внимания и уж конечно же без всякой своей личной сопричастности. Наверное, только теперь она поняла, что за каждым именем стоит отдельная человеческая судьба, а не просто имя художника, как бирка, в виде обязательного дополнения к признанному шедевр и объекту капиталовложения.»

Её голос зазвучал снова.

«... Я даже знаю как это произойдёт. Я буду ждать тебя на вокзале Ла Съота, среди многих других прогуливающих по перрону, как вдруг, словно из кадров братьев Люмьер, окутанный паром, покажется локомотив, замедляя ход и пряча в своей утробе исполинскую силу. Я увижу тебя издалека, в твоей

любимой роскошной шляпке от Пуаре, её не спутать ни с одной другой, потому как она, на такой как ты прелестнице. У меня замрёт и станет таять сердце от сладкого предчувствия, что не пройдёт и часа, как я буду с упоением помогать тебе расстёгивать эти многочисленные крючки на корсете, изголодавшийся и ненасытный. Прости мне такое откровение. Я нахожусь в мире своих образов, где проживаю их жизнь и вот теперь у меня добавился ещё один.

Пишу это письмо с перерывами. Мне кажется, оно связывает меня с тобой и я не хочу добровольно отказаться от этой возможности. Оно, отложенное в сторону, пролежало на моей конторке несколько дней. Всё время я подходил и думал, что очень бы огорчился, если бы поспешил его отправить, а так я могу продолжать, чувствуя твоё постоянное присутствие.

Второго дня узнал, что продана моя картина «Портрет на фоне иконы» Я был к ней очень привязан. Писалась она легко и воспоминания о работе над ней носят самый отрадный характер. Это был мой первый парижский год...

Покупателем оказался некий анонимный господин из Санкт-Петербурга, который пожелал остаться неизвестным. Я уже за ней скучаю, как за собственным ребёнком, покидающим родительский дом. Это приятно сознавать, что тебя оценили, но примешивается и иное, когда понимаешь, что для этой картины начинается другая жизнь и своя собственная судьба...»

- Речел постой!

Макс прервал её на секунду.

- Ты уверена в переводе названия этой картины?

Она ещё раз прошла глазами по письму.

- Абсолютно.

«Женщина на фоне иконы». Тебе оно что-то говорит или как-то знакомо?

Макс усмехнулся.

- Не просто знакомо...

Мать мне рассказывала одну историю, связанную с этой работой. В конце Гражданской войны по воле случая, эта картина оказалась в том же городе, где жил мой дед. Он случайно наткнулся на неё в одном из антикварных магазинов. Для тех, кто бежал от советской власти и от наступавших частей большевиков, здесь был последний форпост прежнего и канувшего навсегда, времени. Когда на карту поставлена жизнь уже не до коллекционного фарфора и живописи. Происходит переоценка всех ценностей. В ту пору в небольшом портовом городе скопились шедевры столичного масштаба. Кстати, некоторые из них там так и осели, заняв достойное место в нынешних музейных коллекциях. Среди хаоса смены власти завалы случайных вещей и среди них его работа. Представляешь, как он обрадовался. Не было и речи, чтобы её не выкупить. Он буквально умолил хозяина магазина её придержать, пока ему удастся собрать всю сумму. Наверное, продавец подумал о нём, как об умалишённом.

Речел беспокойно уставилась на Макса.

- Удалось?

- Он обегал пол-города в поисках таких денег, пока всё-таки не наскрёб всё. Впрочем, очередь покупателей не стояла. Люди были встревожены и напуганы и хотя в городе продолжала протекать с виду нормальная жизнь, очень многим было понятно, что надо ждать перемен. Картину, завёрнутую в какое-то рваньё, он бережно принёс в дом родителей. В итоге, она оказалась единственным, что у него теперь было, как память о его парижском периоде жизни. Неразрывное звено, воплотившее в себя так много сбывшихся надежд.

- Где она теперь?

Макс вздохнул.

- Не знаю. После его смерти семья нуждалась в деньгах и мать её продала. Она не хотела, но к сожалению таковы были обстоятельства. Потом я увидел её в доме одного коллекционера, лет пятнадцать назад. Очень запоминающаяся, выполненная на доске красного дерева. Не совсем

традиционная для его творчества. В ярких и сочных тонах. Я хотел её выкупить, но он не оказался таким же сговорчивым, как тот хозяин магазина, а жаль...

Эта картина много значила для моего деда. У него несомненно был дар портретиста и хотя работ такого плана было немного, мне они нравятся больше всего.

Потом эта семья перебралась сюда в Америку. Возможно картина сейчас где-нибудь в Нью-Йорке или где-то ещё, если им удалось её вывезти.

- Что значит удалось? Ты считаешь, что у них не нашлось в чемодане места?

Ну что было на это ответить. Как объяснить, что в то время люди не могли распоряжаться по своему усмотрению тем, что им принадлежало.

- Речел, не забывай, что пятнадцать лет назад в России были совершенно другие законы.

Произведения искусства музейного уровня из частных коллекций были собственностью государства и не подлежали вывозу за рубеж.

Макс умолк и призадумался на секунду.

- Я никогда не отличался верноподданическими настроениями, но до сих пор не уверен, что такое положение не было правильным. Наверное, это то, как я понимаю патриотизм и признавая эту установку, мне удаётся возвыситься до понимания уровня национальных интересов. Разбазарить легко, собрать труднее.

Он виновато посмотрел на Речел.

- Прости мне мою высокопарность.

Она подвинулась к нему поближе и с иронией заметила.

- По-моему, Россия это инкубатор идеалистов.

Макс, как бы вспоминая что-то своё, медленно произнёс.

- Возможно, а скорее так оно и есть. Одни видят хамство и переживая нанесённые обиды, утверждают в своём негативном восприятии этой страны, другие понимают, что власть это люди, не обязательно всегда, самые честные или достойные, по которым нельзя судить о величии нации.

Речел немного смущённо взглянула ему в глаза.

- А ты далеко не прост...

- Как оказалось, нет.

- И знаешь себе цену.

- Мужчине не стоит себя недооценивать, если он претендует на это звание.

Она улыбнулась.

- Я начинаю испытывать чувство гордости за свою семью. Нам посчастливилось соприкоснуться с непосредственностью. Моя бабушка положила начало и я приняла эстафету.

Речел опять устроилась поудобней и взяла отложенное письмо.

- Давай читать дальше.

«...Ты знаешь, мне пришло в голову, что я точно верю в судьбу. Ещё в детстве мне казалось, что она меня не оставит, не бросит, как пасынка, а позаботится и обласкает, заметив моё усердие и прилежность. Вот я и старался как мог, уверовав, что у нас с ней договор. Мне несколько не удивительны мои нынешние события, всё это то, что непременно должно было со мной произойти. Я даже видел во сне запруженные незнакомые улицы и себя в их разношёрстной толпе с треногой и этюдником. Мне полюбилась эти щербатые мостовые, с проросшими кустиками чахлой травы, совсем как та, что виделась из окна дома, где я родился и взял впервые в руки кисть. После Мюнхена, с его чинностью и всепроникающим порядком я почувствовал себя Париже очень уютно, как в своём городе. Да, они и похожи по настроению, недаром основателем был неаполетанец, а планировщиком француз. Та же благородная сдержанность красок тенистых улиц. Эту смену цветов дня, от холодных синих рассветов до расплывчатой гаммы теней, которые проявляются с каждым часом и набирая силу уже звучат каждая по своему, мне не спутать ни с одним другим местом. Я знаю, городские кварталы, это моя стихия и несколько не сожалею о том. Меня даже порой пугает сочность палитры бескрайней перспективы. Можно сколько угодно душе вглядываться в прозрачность воздуха только лишь для того,

чтобы почувствовать собственную беспомощность состязаться с природой, где проигрывает любое человеческое умение компоновать самое невероятное. Наверное поэтому я не тяготею к пленэру, а предпочитаю замкнутое пространство...»

- Знаешь Речел...

Он её остановил.

- Теперь я понимаю многие его картины. Он как-будто избегал дневного света и находил изысканность в приглушённых тонах. Даже уличные сцены, это обыкновенно вечер, без истеричности прямых солнечных бликов. Никогда бы не подумал, что мои собственные догадки смогут найти подтверждение в его словах. Прости, что я тебя перебил, но мне мне хотелось с тобой поделиться.

- Ах Макс!

У Речел повлажнели глаза.

- Это письмо теперь переживает вторую жизнь. Я везла его для тебя, но как теперь понимаю, оно мне открыло глаза на то, о чём я даже и не подозревала.

«... Луиза, милая, я даже не догадывался, что так будет тебя не хватать. Только с разлукой понимаешь свои привязанности. А может быть, для того нам и дано оказаться вдали друг от друга, чтобы не привыкать к каждодневной возможности ощущать свою близость, сделав её доступной? Без всякого сомнения, во мне присутствует всё та же острота эмоций и то же самое влечение, что так когда-то всколыхнуло мою душу. Нет вру. Оно гораздо сильнее и теперь заполняет меня всего без остатка. Сейчас это не просто результат игры воображения, а поглощающая страсть, осознанная и неутолимая. Я готов до бесконечности говорить о ней с тобой, до полного самозабвения, лишь бы только сократить хоть на немного время расставания.

Вчера нежданно испортилась погода и весь день накрапывал мелкий дождь. Мы с Анри отменили нашу прогулку и я просидел всё утро у него в студии. Она уставлена невообразимым количеством предметов из Марокко. Не представляю, где он всё это понабирал. Даже кривые кинжалы в ножнах, на стенах, украшенные какими-то жуткими по виду камнями, а в углу на низком столике ребаб и барабан-тамбур. Того и гляди, что из-за шторы появится смуглая танцовщица и будет под звуки шейхата утешать взор, лаская его неожиданно откровенными поворотами и изгибами тела. Ты помнишь, его увлечение скульптурой? Он его не забросил и говорит, что находит в этом занятии новое постижение форм. Я склонен с ним согласиться, он действительно пишет в другой манере и теперь в изображении человеческого тела всё чаще прослеживается гармония Поликлетова канона. Это чувствуется в равновесии работ и тут же придаёт им характер завершенности. Не думай, что такое единомыслие у нас абсолютно во всём. Несмотря на мою уживчивость, мы иногда спорим и крепко. Стоило мне поделиться с ним своими муками над передачей характера «Продавца каштанов» и моими экспериментами с цветом, как он тут же безапелляционно заявил.

- В простоте цвета, его сила. Чем меньше примесей, тем глубже смысл...

Спорное определение. Оно не может быть верным применительно к всякой картине и иногда именно медленное угасание или наоборот всплеск краски доводит настроение до того необходимого уровня, что пытаешься передать. В нюансировке света я вижу тональную культуру любого произведения. Это ничего не имеет общего с фотографическим повторением натуры и даже извращая модель, я усиливаю моё собственное понимание предмета.

Минуло около года с момента его выставки у Воллара. Мы с ним вспоминали те дни и он без всякого смущения сказал, что очень волновался накануне. Распросил его о Руо и поделился тем впечатлением, что на меня произвёл этот человек. Анри даже не удивился моему восприятию и вместо ответа посоветовал мне на досуге почитать Леона Блуа. Я кажется немного слышал о нём, но не припомню от кого...

- Макс, ты в курсе дела кто такой Блуа? Мне это имя неизвестно.

Речел старалась проследить все детали.

- Французский католический писатель конца девятнадцатого, начала двадцатого века. Я не читал, в России мне он не встречался в переводе, но знаю о нём из сочинений Бердяева. Кстати, Бердяев один из очень интересных и самобытных русских мыслителей и в своих работах он касается философии христианства Блуа. Пожалуй это не имеет никакого отношения к моему деду, он был бесконечно далёк от какой-либо религии и тем более от философских изысканий в этой области. Его верой было искусство.

- Макс, что в России все такие умные. Ты начинаешь меня пугать.

Он рассмеялся.

- Нет. Просто моё поколение отличалось повышенным интересом к чтению, а я ещё влазил в дебри философии. Могу даже признаться, что нисколько не сожалею об этом. У того же Бердяева есть одна замечательная мысль, которая я думаю, тебе понравится.

«...Творчество, есть победа над похотью жизни..»

Ещё один взгляд на место художника в этом мире. Кстати, я не согласен, уж очень от такого высказывания веет аскетизмом.

-Вот как?

У Речел возникло желание его подразнить.

- Да. Для меня жизнь напоена ароматами и художник, как никто, умеет их улавливать и передавать, оставаясь при этом, самым обыкновенным человеком. С простыми и понятными общеизвестными проявлениями. Мой дед был таким, насколько я могу судить по описаниям его близких.

Творчество, это уход в другую реальность, но той же самой личностью. Это не победа над низменным и обыкновенным, это способность распознать там незаметное другими. Для художника не существует дурацких ограничений. Он всегда, как реальность, политически некорректен. По-настоящему великие произведения, это жизнь без ретуши и выставляя такое, художник не может рассчитывать всегда на положительную реакцию. Кому хочется знать о себе всю правду? Яростное неприятие толпы, лучше её ленивых и равнодушных аплодисментов.

Макс не заметил, как начал говорить с подъёмом, воодушевляясь от своей точки зрения.

- Ты предполагаешь безусловную правоту творческой личности?

Речел насмешливо прервала его пламенную тираду. Это его нисколько не смутило, лишь охладило пыл и вернуло к привычке смотреть на всё иронично и по возможности с допустимым к обстановке, юмором. Он подпёр подбородок в ладонь и уже весело взглянул на Речел.

- Отнюдь. Я же сказал, всё, что присуще каждому, живущему на этой, как принято говорить, грешной земле. Ошибки в том числе.

Во взгляде Макса что-то поменялось. Он как-будто потерял на минуту мысль, вернее им уже завладела другая. От Речел это не ускользнуло, да и как ей было не заметить перемену, которую так легко предсказать у мужчины на исходе третьего часа любовного свидания.

Макс не меняя тона, продолжал

- Но вот я о чём думаю...

Она притворно удивлённо подняла глаза.

- И о чём же?

Он картинно вздохнул.

- Наверное я покажусь неоригинальным и пожалуй примитивным...

Он нашёптывал ей последние слова, привлекая к себе. Речел со смехом уже скользила по подушкам вниз.

- У тебя в роду никого не диагностировали, как сексуально неводержанного..?

Время летело незаметно и они вскоре проголодались. Макс принёс закуски и бутылку белого вина.

-Узнаёшь?

Он повернул этикетку в сторону Речел.

- Тот же «Монтраше», каким нас угощала Трейси. Ей нельзя отказать в хорошем вкусе...

Макс не мог не придать своим словам многозначительность.

- А ты опасен.

- Нисколько, я только внимательно прислушиваюсь к твоим желаниям.
- Не пренебрегая своими.
- По-моему, они полностью совпадают. Как сказал бы мой талантливый предок, божественная гармония...

Речел сознательно промолчала и только после того как они удовлетворили свой голод, она спросила.

- Ты продолжаешь много читать?

Макс улыбнулся.

- Постарайся сама на это ответить. Могу лишь сказать, что передо мной теперь только одна книга и её я предпочитаю всем остальным. Мне кажется, её по-настоящему понимают только те, кто действительно стремится к освобождению своего духа.

Речел, не скрывая усмешки, сделала вывод.

- Значит много...

Я так и думала...Философы одиночки или одержимые теологи и ты среди них.

Макс поднёс свой бокал к её, который она держала в руке.

- Как вам будет угодно, сударыня!

Речел откровенно получала удовольствие от всего. От отсутствия скуки, которая её настигла и заставила страдать в последние пару месяцев, от того, что не была больше в плену однообразия развлечений, но самое главное от присутствия в своей жизни достойного партнёра. Не по деньгам, с этим слава Богу, она справлялась самостоятельно. Вся эта история оказалось настолько необычной, что не ступить ей навстречу было бы преступлением против себя. Письмо, как катализатор ускорило неизбежное развитие событий. Взволнованность от всего, что она узнала в последние несколько часов немного улеглась, но всё равно Речел продолжала себя ощущать растроганной и гордой от шанса приблизиться к далёким и известным событиям. Не со стороны, а как полноправная наследница, как их участник, пусть даже много лет спустя. Она смотрела на все приготовления Макса, на то как он легко и естественно управляет с посудой, наполняет бокалы, подаёт ей салфетку, в конце концов как он непринуждённо справляется с ней, как с женщиной и опять словно представляла себя в той Парижской студии, где наверное похожий на него мужчина, тем же образом сумел до краёв заполнить безмятежным счастьем сердце её бабушки. Она украдкой опять взглянула в его сторону. Макс внимательно рассматривал небольшие листки, исписанные от края до края.

- Речел, как ты относишься к графологии?

Она вздрогнула, отвлечённая неожиданным вопросом.

- Что ты имеешь в виду?

- Посмотри, в тексте нет пропусков и полей. Это очень показательно и несомненно характеризует его личность.

Он про себя что-то подумал.

- Я думаю, что у нас много сходства. Я пишу точно так же, не оставляя пробелов.

Наверное, он, как и я любил наполненность своей жизни, не делал ничего вполсилы, как и хотел получить взамен всё, без остатка.

Он протянул Речел письмо.

- Мне кажется, они подходили друг другу, я чувствую это по его настроению.

«...Остаток дня я провёл за работой. В такие серые дни особенно хорошо думать. Я легко могу сосредоточиться и даже не замечаю ничего из того, что происходит вокруг. Всё мешается в монотонный шум улицы за окном, до которого мне нет никакого дела. Даже просиживая перед мольбертом, я не перестаю мысленно с тобой говорить. Иногда мне видится моё вдохновение тяжёлой каплей краски на мастихине. Стоит только поместить его вертикально, как эта капля удлинясь поползёт вниз и уже оторвавшись разобьётся о поверхность холста. Я знаю, что должен выносить идею, перестрадать ею, пока не окажусь в той самой точке, где выйдет наружу вся суть. Это не моментальное впечатление увиденного,- вот только сейчас... Нет, это долгое и пристальное наблюдение. Я пришёл к выводу, что мне надо изучить натуру, вникнуть, только потом я уже доподлинно знаю, что хочу выразить.

Как важно, что ты со мной, любовь моя. Лишь бы поскорей тебя вновь увидеть. Такой длительный срок вреден для нас обоих. Я хронически болен от таких расставаний и уже почти не в силах дожидаться заветного часа. Осыпаю тебя поцелуями, всю до кончиков ногтей. Твой Тео.

* * *

Речел закончила последнюю фразу и в молчании оперлась на спинку кровати. Только теперь она почувствовала, что продолжает оставаться под воздействием письма. Вольно или невольно её захватило всё, что касалось этого русского художника. Она даже не могла предполагать, как его творчество и жизнь были тесно связаны с зарождением французского фовизма.

«...Подумать только, он встречался с основателями этого течения, был непосредственным участником выставок и варился с ними в одном котле.»

- Макс, неужели у вас в семье не сохранилось ни одного документа?

Речел не могла поверить, что ничего нет.

- Увы. Он уехал из Парижа налегке, как отправляются на несколько дней в пригородную гостиницу, собираясь в скором времени вернуться. В руках ничего лишнего, только небольшой саквояж и трость.

К тому времени он уже был членом жюри Осеннего салона и надеялся приступить к своим обязанностям сразу по возвращению. Впрочем и других дел хватало. Незаконченные работы, которые предстояло завершить к выставке, планы на будущее... Закрыв студию и оставил ключи консьержке. Думал совсем ненадолго, а оказалось навсегда.

- Ты так спокойно говоришь об этом.

- Речел, он не умер, как творческая личность и даже попав в изоляцию от привычного ему мира, продолжал много работать.

То время перемололо не одну судьбу. Он состоялся, как художник и как человек и это главное.

- Он мог стать всемирно известен. Ему хватало таланта. Тебе не кажется это несправедливым. Макс стал серьёзным.

- Речел, один очень неглупый ирландец когда-то заметил:

«..Жизнь никогда не бывает справедливой. Для большинства из нас так оно, пожалуй, и лучше.»

Это к вопросу о справедливости. Я надеюсь, ты не питаешь иллюзий по поводу мироустройства и не состоишь в членах коммунистической партии?

Я кстати, придерживаюсь того мнения, что отношение к справедливости носит крайне субъективный характер. Раздели стакан воды поровну и для одного он будет наполовину полным, а для другого наполовину пустым. Люди видят в жизни не абстрактное желание к всеобщей гармонии и стремление к чьему-то счастью, а вполне конкретную цель отстаивания собственных интересов.

Что же касается известности, то как сказал Бальзак:

«...Слава, солнце мёртвых.»

Я специально привожу эти афоризмы. О таких вещах люди задумывались так часто, что теперь трудно сказать лучше. Слава... Очень условная субстанция. Человек просыпается знаменитым, благодаря своему гению, но и это же возможно, вследствие своего злодейства.. В любом случае история сохранит имя. Кстати, ни в том и ни в другом случае слава не является самоцелью. А ведь бывают и такие, как Герострат...

Я не думаю, что у моего деда возникали сомнения по этому поводу и считаю, что случилось всё так, как должно было произойти. Пусть во мне говорит фаталист, но именно все предшествующие события предопределили его жизнь и его к ней отношение. Один из молодых людей, с которым он встретился в России после своего возвращения, талантливый фотограф и художник, сумел вырваться оттуда и после ряда мытарств обосновался в Париже. В сорок втором году его арестовали и поместили в концлагерь Дранси недалеко от столицы мировой культуры, куда он так рвался, а ещё через какое-то время его отправили в Освенцим.

Так скажи мне, стоило ли бежать и терпеть лишения, чтобы вскоре взвиться дымом над трубой крематория? Это судьба, а от неё не скроешься.

Речел вся как-то поёжилась.

- А я и не предполагала, что ты так веришь в предначертание.

- Верю.

Они решили отложить чтение второго письма назавтра. Впечатлений было предостаточно. Речел ещё раз просмотрела работы, что Максудалось вывезти и она долго не могла от них оторвать своё внимание.

- Не правда ли ты теперь их видишь по другому?

Он обратился к ней, заметив её пристальный интерес.

- Всегда, попадая в музеи, я думаю о том, как мало мы знаем о художнике, как о личности, как о человеке, а ведь в каждой картине кусок жизни, до которой уже нет никому дела. Творчество, это погружение вовнутрь своей натуры, а не выплёскивание чувств наружу. И всё только ради себя, а не для зрителей и уж конечно же, не для поколений. А ты говоришь, слава, известность...

Иронично закончил Макс. Речел не ответила и начала одеваться. Она решила, что проведёт ночь в доме у Трейси. Она не хотела ничего объяснять и он не настаивал.

- Глава 6 -

Макс остался один. С уходом Речел, понемногу, сама собой незаметно улетучилась лёгкая и игривая атмосфера, которая обвалакивала его в присутствии этой женщины и он опять оказался в плену несколько убогой действительности. С тем, что она не радовала, а даже иногда угнетала, приходилось считаться, как с неизбежными издержками, которые рано или поздно возникают на хорошо оплачиваемой, но нелюбимой работе. Вернувшееся неважное настроение служило прямым подтверждением его мыслей по этому поводу каких-нибудь пару часов назад. Макс не принадлежал к этой части своей жизни, но терпеливо не сопротивлялся и причиной своего бездействия он видел полное отсутствие хоть какой-нибудь мало-мальски приемлемой альтернативы. Её тяжеловесная инерция неумолимо вовлекала его в своё тупое движение, остановить которое ему было не под силу. Его словно затянуло мощной струёй воздуха и в противоестественной позе прижало к земле. Безрезультатные попытки противостояния проходили впустую и закончившись ничем, не давали ему никакой возможности вырваться, чтобы наконец сделать шаг в сторону. От того Макс и чувствовал себя заложником обстоятельств.

Досадное неудобство неизбежно тяготило его и вносило естественный разлад в повседневное состояние духа. Так после прогулки в центре города возвращаясь к себе на пыльную, скучную окраину с индустриальным пейзажем и бредёшь с тоской по уши в грязи, вспоминая в глухом безнадежье время, проведенное среди прекрасных памятников архитектуры. Подобные раздумья его посещали с прогрессирующей частотой, вызывая справедливое недоумение по поводу собственной апатии. Сейчас он старался себя приободрить и незаметно ему удалось выйти из своего подавленного состояния. Поразмыслив, он пришёл к разумному выводу, что не стоит хандрить, а отыскивая позитивное начало, всё же стараться смотреть на всё с любопытством философа.

Что ещё остаётся человеку, глядя на полноводную реку, которую он не в силах переплыть, а самое главное, совершенно неуверенному в том, что ему нужно перебраться на другой берег?

Мир нравов его жильцов, с которыми ему приходилось ежедневно сталкиваться, здесь окрывался ему изнутри, как-бы со дна, откуда хорошо просматривается на свет вся взвесь в толще воды. Такое не доступно глазу в условиях, где человек заранее подготовлен, ну скажем, с коллегами по работе. Там каждый, как в камуфляже, поди разбери, что находится под набором дежурных фраз и непроницаемой улыбкой. В этом многоквартирном доме он оказался, словно в огромной коммунальной квартире, где все поголовно присутствуют на кухне и в спальне друг у друга, и не считают такое положение дел бестактным вторжением в область сугубо частную, а потому закрытую от постороннего глаза. Главное было, понапрасну не усложнять и по возможности с юмором воспринимать традиции американского

общежития.

Новостью дня на этот раз, стал очередной ухаждёр Керен, той самой со списком рекомендацией, где отловить самца. Она не потратила время впустую и ей ещё раз кисло улыбнулась судьба, ниспослав очередного ненадёжного мужчину.

В преднамеренной любви, как на рыбалке. Один ловит, другой попадаетея в сети, но не стоит ждать, что невод принесёт золотую рыбку, как и самой рыбке, если всё же с ней случилось такое несчастье, не следует рассчитывать, что её отпустят...

Каждый вечер Керен гордо фланировала мимо соседей с новым кавалером, всем своим видом излучая любовь, что нашла её сердце.. Те провожали их взглядом и делились между собой предположениями о продолжительности её очередного романа. Этот похоже, застрял надолго и даже перевёз свой нехитрый скарб в виде тяжелых ящиков цвета хаки. В таких обычно хранят артиллерийские снаряды.

«...Где он интересно, их спёр?

А может, этот «пассажир» в прошлом служил в армии и там разжился всем этим добром?»

Увидев его впервые, Макс подумал где-то так. Крепко сложенный, аккуратно выбритый с короткой стрижкой ёжиком. В таком могла присутствовать «военная косточка». Керен очевидно серьёзно на него поставила и Макс от всей души было жалко этого беднягу.

«..Влип!

Теперь у него два выхода, или подчиниться суровой необходимости и стать законным супругом, или как другие, позорно сбежать. Хорошо, что ему не отказали от постели в жёсткой и ультимативной форме.

«Только через брачный сертификат!!»

Впрочем, такое бесчеловечное условие уже давно себя изжило, даже среди пуритан. Если общество прокламирует христианскую мораль и находит для себя возможным обсуждать приемлемость однополых браков, то стоит ли говорить о таком анахронизме, как женская честь в том неизменном понятии, которое переходило из поколения в поколение. Хорошо бы полюбопытствовать, кому служат те, кто корректирует прежде бескомпромиссные истины?»

Как бы то ни было, одухотворённая невеста готовилась преподнести своему избраннику редкий по значимости, подарок . Это было второй новостью, которая напоминала точь в точь традиции свадьбы в молдавском селе, когда все от мала до велика, должны узнать о непорочности невесты! Вот и Керен туда же. Ни больше ни меньше, она решила подарить жениху свою девственность! Нет, Керен вовсе не была безгрешной до того и не проводила в неустанных молитвах все свои дни и ночи напролёт. Напротив, она прекрасно знала различие между полами и весьма охотно пользовалась, заложенными в неё инстинктами. Несложное и относительно недорогое хирургическое вмешательство возвращало ей невинность и она девушкой приносила на алтарь любви залог своей чистоты и целомудрия. О готовящейся операции, знали все жильцы дома, включая малолетних, которые не могли дожидаться, чтобы наконец, потерять то самое, за что Керен теперь платила деньги находчивым докторам.

Макс откровенно недоумевал. Сначала его поражало такое отсутствие всякой стыдливости и норм приличий, но вскоре он понял, что это вовсе не издержки общественной нравственности, а элементарная этическая недоразвитость, возводимая в ранг отсутствия предрассудков. О подобных вещах было принято говорить свободно и не стесняясь, как не стесняются дикари своей близости к животному миру. Явление, отнюдь не локальное, ограниченное этими сорока квартирами. Очень похоже, с той же деловитостью, беззастенчиво объявляли во всеуслышание о чуть ли не недельной беременности. Безумно важная новость, как правило, тут же попадала на обложки глянцевого журналов, если будущая мамаша проявила прыть не только в постели, но и в Голливуде и имела шанс засветиться на большом экране.

«...Ну на хрена кому-то нужно знать о таком глубоко интимном факте, кроме очень близких людей и тех, кого это может непосредственно касаться? Что за странная тяга публики к подглядыванию и подсматриванию?»

До такой степени бесцеремонное вторжение в самое сокровенное для Макса было шокирующим обстоятельством. Что-то туземное сквозило в полуоткрытых животах потенциальных рожениц, выставляемых бесстыдно напоказ в общественных местах. Некрасиво смотрелись эти будущие матери с

набрякшим, готовым вот вот лопнуть, пупком из под коротких поддёрнутых футболок, но куда уродливее выглядело их явное желание заявить прелюдно о факте успешного зачатия.

Образ мадонны не может зародиться в душе мужчины при виде женщины в набедренной повязке...

Повинуясь золотому правилу, что в чужой монастырь со своим уставом не лезут, Макс старался не обращать внимание на неожиданные сюрпризы массового сознания. Везде мир делится на тех, кто его принимает каким он есть и следует установленным правилам и на тех, кто живёт сам по себе, не вдаваясь в те области, которые по какой-то причине отвергает натура.

Несмотря на уже довольно долгое время, проведенное Максом среди своих жильцов, он тем не менее, иногда не переставал им поражаться, настолько реакция этих людей не походила на его собственную. Вроде одинаковая в мелочах и такая другая в целом. Даже научившись смотреть на жизнь их глазами, нельзя было себя полностью перекроить и оставалось только понемногу предугадывать, что от них от всех можно ожидать. Не всегда, но уже достаточно часто, его прогнозы оказывались совсем недалёкими от истинного развития дел и событий. По сути дела, все его жильцы представляли собой общество в миниатюре и по этому скоплению случайных людей в ограниченном пространстве нетрудно, было делать соответствующие выводы. Расхожее мнение о традиционной национальной практичности, Макс мог бы теперь с лёгкостью оспорить, особенно в первых числах месяца, когда подходил срок вносить арендную плату. Наверное, такое лестное предположение об умении трезво оценить ситуацию и при этом не только не потерять, но и извлечь из неё собственную выгоду, - по справедливости относилось к крайне немногочисленной группе. Неспособность элементарно планировать свой бюджет для некоторых выливалась в неоправданные дополнительные раходы, не говоря уже о том, что неизбежность платежа могла бы давно войти в привычку. Больше половины его жильцов тянули до самой последней минуты, как-будто день или два могли для них что-то изменить. Когда такой квартиросъёмщик наконец приносил чек, то непременно корил себя за забывчивость. Макс понимающе кивал и скептически улыбался.

«...Конечно...

Совершенно не до этого! Можно подумать, что у них голова, как Дом Советов и они решают проблемы на уровне государственных...»

На следующий месяц картина повторялась точь в точь. Та же наигранность и фальшивые, никому не нужные, оправдания.

«...Интересно, те кто снимают дорогие квартиры, тоже не спешат...?»

Макс прекрасно представлял сколько может стоить даже небольшая студия в районе, на улицах которого дорогих автомобилей больше, чем случайного мусора и где в открытые окна дышит своей манящей близостью, океан.

Подобные баловни фортуны конечно же, здесь не жили, а те кто снимал квартиру по этому адресу понятия не имели, как разумно вести свои финансовые дела. Их экономические знания сводились к слепому следованию советам малограмотных специалистов, без году неделя в области капиталовложения или бессовестных обманщиков. Наученные всем премудростям рыночной экономики, которая им на фиг не была нужна, они разбирались в чём угодно, кроме своего собственного банковского счёта. Пользовались такие люди довольно странной стратегией, если не сказать больше и выглядела она примерно так, как с помощью импровизированного факела из рубля пытаются найти в темноте, упавшую копейку. Относительно высокие заработки позволяли оставаться на плаву его соседям и выживать по хорошо знакомой Макс, системе. Как оказалось, не только при социализме возможна устойчивая цикличность безденежья или попросту говоря, полная неоправданного стресса, жизнь от зарплат до зарплаты. На поверку и здесь люди могли быть перманентно по уши в долгах, не в силах выйти из этого порочного круга. Надо отдать должное, не все..., но добрая половина, как минимум. Заложники своего неуёмного потребительского аппетита, они чаще всего запутывались в крепкой паутине кабальных обязательств по кредитным картам, не видя путей к освобождению и вынужденные платить, платить, платить...

Как тут не попытаться счастья и не купить на последние деньги пару десятков лотерейных билетов. Наивная простота! Любому хочется верить в хорошее, пусть даже несбыточное и это шанс, который нельзя упустить! О нём здесь мечтал каждый. Ну как же? Если повезло кому-то, то может повезти и

мне. Извращённая идея о равных возможностях и о том, что можно разбогатеть, не прикладывая никаких усилий. Впрочем, любое общество не может обойтись без тех, кто так и не усвоил элементарную истину, что легко доступный сыр, лежит только в мышеловке...

Зато, та же самая пресловутая практичность очень часто принимала несколько необычные формы. Один из жильцов Макса просто заваливал свою подругу цветами. Каждый третий, а то и второй день он появлялся во дворе с неизменным роскошным букетом. Как-будто его совратила Прозерпина. Расточительство, достойное кошелька миллионера. Макс недоумевал, менее всего этот цветоноша был похож на безумно влюблённого, да и по срокам, что эти люди были вместе, можно было уже поостыть. Он так бы и продолжал оставаться в своём неведении, если бы случайно не узнал, что этот нежный романтик работает на кладбище и прекрасные охапки цветов, последняя дань чьих-то друзей и родственников со свежей могилы. Ну не пропадать же добру! Это несколько не смущало его подругу и она с удовольствием украшала свой интерьер тем, что по праву принадлежало очередному покойнику. Оба очень упитанные и как все люди с избыточным весом, эти двое обладали ровным и жизнерадостным характером. Его сосед был не прочь пошутить и хотя его юмор больше смахивал на детский, он всё равно от души смеялся сам, вызывая при этом обязательную улыбку у окружающих. Его гордостью был красный «Форд-Мустанг» сорокалетней давности. Автомобиль успешно пережил своих братьев, которые бесславно закончили свои годы на джанкярде и теперь квалифицировался, как «Классик». Машину купил ещё его отец и с тех пор семья уже с ней не расставалась. На сегодняшний день цена этого свидетеля времён Вьетнамской войны даже выросла по сравнению с той, что когда-то за него уплатили и не было отбоя от желающих его приобрести. До статуса раритета оставалось ещё далеко, а вот прямая угроза обычного угона, была вполне осязаемой. Каждый вечер Макс видел, как его сосед тащит домой рулевое колесо, чтобы обезопасить своё сокровище и на следующее утро ставит его обратно перед тем, как отправиться на работу, при этом равнодушно и вяло критикуя неизвестных ему возможных злоумышленников. Задний бампер машины украшал единственный стикер, по логике вещей, в полном объёме отражающий мировоззрение водителя.

« Мне нравятся престарелые курочки.»

Впервые увидев на хrome бампера надпись с очень недвусмысленным содержанием, Макс несказано удивился. Меньше всего этот человек производил впечатление субъекта с девиантными наклонностями. Где он взял такую наклейку, а тем более, зачем прицепил, так и осталось загадкой, но каждый раз, провожая взглядом его автомобиль, Макс представлял себе своего соседа, крепыша в обществе игривых и полных самых серьёзных намерений, старушек, которые смотрели с шуточных открыток к мужскому семидесятилетнему юбилею.

Два раза в год эта пара обязательно ездил в Лос-Вегас. Единственное и изученное до мелочей место, куда их двоих влекла жажда путешествий. Трудно было судить об уровне присутствующего в них азарта, что так будоражит игрока, скорее всего, он вообще отсутствовал. Игрок, это всегда примечательная натура и Макс не мог представить знакомые мешковатые фигуры в безразмерных шортах за карточным столом. Разве что, перед игральными автоматами, которым те скармливали квотеры, запланированные из бюджета на это шикарное, но разорительное мероприятие. Дёргай ручку и смотри на барабаны Ни холодного расчёта, ни артистизма, лишь одно невидимое движение колёсиков внутри дурацкой машины. Только и остаётся, что чутко прислушиваться к первому звуку, начинающих высыпаться монет в качестве долгожданного выигрыша. При этом обязательно надо громко визжать от радости и поздравлять друг друга, хлопнув ладонью о ладонь, высоко поднятых навстречу, рук.

«...Вегас, беби! Вегас!»

Впрочем, не только эти двое любили прокатиться в Неваду и опасная близость столицы игорного бизнеса соблазняла время от времени и других его квартирантов, видевших там предел мечтаний во всех жизненных наслаждениях. Собственно, Лос-Вегас был для них логическим продолжением Диснейленда. Тот же уровень непритязательности обывателя, выраженный в стандартном и одинаковом восхищении, сначала детей, а потом выросших из из всех этих забав, взрослых. Дорога в счастливейшее место на земле, с неизменным для всех поколений Мики Маусом, куда их возили родители, плавно переходила в другую. Она прямоком вела в город мечты, такую же зыбкую и мёртвую, как та

пустынная песчаная почва, на которой он был построен. Туда, в бесчисленные казино отправлялись по собственной инициативе уже отнюдь не розовощёкие детки, но с тем же когда-то отмеренным восторгом, уверенные, что волшебная страна с обязательным феерверком существует именно там.

Главное, хотеть всё то же самое, что и все остальные, тогда и несложно определиться с тем, что может сделать тебя счастливым. Что может быть проще, чем подав служителю за турникетом билет, вдруг очутиться в сказке? С таким же точно ожиданием и уверенностью, выросшие из детских штанишек и юбочек некоторые мальчики и девочки пытаются продолжить своё путешествие в призрачный мир своих фантазий, убеждённые, что за деньги покупаются все удовольствия. Как когда-то в детстве, получив в виде пропуска, оторванный билетный корешок.

В Лос-Вегасе Макс провёл несколько дней. Сразу после приезда в Лос-Анджелес, его с бывшей женой туда повезли их приятели. Им хотелось не только поделиться своим опытом короткого отдыха, но и приобщить к нему, вновь прибывших эмигрантов. Макса жене понравилось и она не скрывала своего восхищения. Для Макса вся эта хорошо спланированная индустрия запущенных на поток развлечений, так и осталась плохо понятной. Как ему показалось, она работала только на мировоззрение бедняка с привалившими неизвестно откуда деньгами, на которые тот смотрит в полном недоумении, не представляя, что же с ними делать. Макса несколько не возбуждала неоновая реклама «Стрипа», - главной улицы, где концентрировалась вся ночная жизнь. От танцующих огней и тысячи разноцветных лампочек там стремительно повышался адреналин в крови наивных простачков, оболваненных липовой доступностью моментального обогащения. У него же от их резкого и пронзительного цвета начинало неприятно стучать в висках и появлялась тупая боль в затылке, словно тебя оглушили этой приметной и увесистой заманушкой. Посетив несколько казино, Макс не мог отделаться от впечатления, что он участник какого-то гигантского процесса. То ли это варят в громадном чане отвратительного вкуса дешёвую карамель, которую потом невозможно разжевать и она мерзко липнет к нёбу, то ли ещё какую-то полову, не разберёшь. Одно очевидно, что чувствуешь себя как-то нехорошо и побыстрее хочется отсюда выбраться. Одного визита оказалось достаточно, чтобы навсегда дать себе зарок туда больше не ездить.

«..Это ж, как надо любить деньги, чтобы даже во время бессмысленной траты думать с вожделием об увелечении их колличества. Ну разве это не извращение?»

Прожив уже достаточно долгий срок в Калифорнии, Макс теперь воспринимал как должное обычные сообщения комментаторов новостей об очередной загруженности трассы Лос-Анджелес, Лос-Вегас. Она, ровная как стрела, пересекала безжизненное пространство выжженной солнцем пустыни и туда устремлялись толпы в дни национальных праздников. Наверное, когда-то здесь пролегал маршрут первых пионеров-переселенцев и те даже не предполагали, что их потомки так облюбуют эту землю. Впрочем, искатели счастья не знают, что они часто ходят одной дорогой и лелеют в своей душе одну и ту же несбыточную мечту. Перебороть судьбу... От того и не сидится.

Из всех черт американского характера, унаследованных от тех непоседливых первооткрывателей, привычка к перемене мест, мало изменилась за последние двести лет. Люди в Америке не особенно привязаны к своему жилью и меняют его при необходимости легко, не обременённые ничем и готовые в любую минуту к всевозможным перетрубациям. Подвернулся случай зарабатывать побольше и прощай родимая сторонка. Ни вздоха, ни сожаления. Хотя почувствовать себя аборигеном на новом месте всё равно легко, из окна та же знакомая картина спального района и неизменные городские достопримечательности в виде коробок шопинг центра.

Столкнувшись с постоянной ротацией жильцов, Макс довольно скоро понял всю неизбежность такого фактора, который сопутствовал избранному им, виду бизнеса. Он поначалу даже немного переживал при виде пустующей квартиры, но пообвыкнув, уже знал, что не пройдёт и несколько недель, как он кого-то заселит. Так оно и происходило, и о наличии нового соседства можно было судить только по другой фамилии на почтовом ящике.

Впрочем, при всех переменах, в доме всё равно сохранялся костяк постоянных квартирантов и таких прижившихся было немало. Обитая здесь уже долгое время, они словно срослись со стенами комнат, выкрашенных у всех в одинаковый казённый цвет и уже никуда не хотели двигаться. По разным

причинам, но не только из-за лени и собственной привычки, жить по инерции. Эти люди просто были не в состоянии позволить себе роскошь, снять другую квартиру в этом престижном районе за ту же цену, что они платили сейчас. Въехав очень давно, они стали невольно заложниками своего невысокого рента, который на сегодняшний день выглядел смехотворным. Несмотря на то, что сумма ежемесячной оплаты повышалась каждый год на несколько процентов, она всё равно оставалась запредельно низкой. Тот лимит, что муниципалитет утверждал на увеличение арендной цены, никоим образом не был реальным отражением рынка и сохранял стоимость жилья долгие годы почти неизменной. Даже пожелав переехать, эти люди наврядли смогли найти себе что-нибудь приличное в пределах того, что они платили в настоящее время. Правда, такой факт не мешал им быть недовольными, что дом не освежался новой покраской снаружи уже больше пяти лет или несовременным дизайном дворовой мебели. Они продолжали свято верить, что на их деньги жирует хозяин и вот такой менеджер, не желая забивать себе голову выкладками о состоянии экономики и неизбежной инфляции. В результате односторонности социальной защиты, Макс и его компаньёны страдали не меньше, не имея достаточной финансовой возможности улучшать условия здесь проживания. При этом, налоги и расходы росли, как на дрожжах, а доход оставался практически на прежнем уровне. Социалистические штучки с подачи левых, в надежде на политический капитал одних и обыкновенное нежелание других, зная реальное положение дел, лишь усматривая везде и всюду свой копеечный интерес. Ожидать иного от таких людей, было бы несправедливо, как и осуждать. Это был их уровень самосознания. Такими они вошли в этот мир, такими его и покинут. Ну не придёт же никому в голову сказать, что человек плох или хорош от того, что у него оттопыренные уши или крупный нос.

Волей неволей, у Макса складывался собирательный образ квартиранта, как портрет представителя среднего класса, в низшем его звене. Удивительным образом нарисованные им черты, перекликались с тем, что он не так давно прочёл у Эриха Фромма.

«...Свобода принесла человеку независимость и рациональность его существования, но в то же время пробудила в нём изоляцию и чувство тревоги. Эта изоляция невыносима и человек стремится избавиться от свободы и прийти к новой зависимости или дорасти до полной реализации позитивной свободы, основанной на неповторимости и индивидуальности каждого...»

Пожалуй, те кто жил с ним по соседству, понятия не имели ни о какой позитивной свободе. Его бы в лучшем случае не поняли и уже потом покрутили бы пальцем возле виска, заикнись он об этом.

«...ПОЗИТИВНАЯ СВОБОДА! Ненормальный, а у нас что?»

И тебе ли судить о таком, человеку из дикой страны, плохо понимающему демократию.»

Макс предвидел такие нападки и пребывал в некоторой растерянности от тех вопросов, что возникали сами собой.

«...Происходит ли это ввиду отсутствия в них индивидуальности или по причине стремления к новой зависимости?»

Макс подумал о Лин, об Эвелин, о Дженифер и Сюзан, и о многих других..., и все они вдруг оказались на одно лицо. Его неожиданно осенило.

«...А может быть, это просто диктуется неспособностью дорасти до необходимости такой реализации? Вот это номер! Дистрофия сознания..?»

Глядя на них, Макс пытался разобраться и понять, почему они так мало похожи на образ того буржуина, который жил невольно в его воображении с момента, когда он стал самостоятельно задумываться о полярности мира и существовании двух совершенно противоположных друг другу, политических систем.

«Как было там? Делай что хочешь, но в границах дозволенного. Лимитированные возможности и минимальные обязательства.

Ни бесчисленных страховок, ни безумной квартплаты и никакого прочего давления. Гол как сокол, но никому и ничего не должен. Что лучше, не дёргаться и спокойно как все, сидеть в загородке или оказаться одному посреди дикого поля? Стать должником всех своих прав и жить под постоянным прессом того, что сам на себя взвалил.

Добровольно!»

Парадоксальным было то, что сравнивая, Макс с недоумением приходил к выводу, что те люди, о

которых он думал как о высшей касте, совершенно несвободны и вместе с тем, менее всего хотят расстаться с тем, что каждый сам нагружает на свои плечи.

«...Не из под палки! Никто не стоит сзади с нагаём и не пихает в петлю..»

Он пытался найти для самого себя оправдание этому стремлению подавляющего большинства сидеть в припудренной золотом, клетке и лучшее к чему он мог прийти, это был вывод, что им просто некуда лететь.

«...Ну вот, всё по полкам. Надо не только на словах нуждаться в свободе, но и созреть до её необходимости. А это не для всех».

Историю каждого своего жителя Макс мог бы проследить почти безошибочно и даже не зная каких-нибудь малозначительных подробностей, ему было совершенно нетрудно дорисовать недостающие звенья. Их жизненный путь в какой-то мере, напоминал ему единственную линию безостановочного конвейера, которая продвигалась без всякой непредвиденной задержки. Из начала в конец, не только без рывков или остановок, а на удивление, чётко и плавно. Родился, вырос, уделил серьёзное внимание своим зубам. Ослепительная улыбка, это необыкновенно важный социальный момент. Попутно залез в перманентные долги и незаметно состарился. При этом, на всём протяжении своей жизни ревниво следил за своим холестерином и наконец, незаметно почил. Следующий. Как фабрика кухня, перерабатывающая свежий продукт в одинаковые блюда, готовые покинуть пищеблок в стандартной упаковке. От того наверное, как результат, спокойное отношение к смерти. Как на войне.

Макс настолько уже привык к местному однообразию абсолютно во всём, что перестал его замечать. Своё отношение он подкреплял иногда про себя редкими замечаниями, которыми всё равно было не с кем поделиться. Они носили вполне безобидный и незлобивый характер, смешанный с оттенком спокойной иронии.

«...Whatever..»

Глупо ставить себя в позу беспристрастного мыслителя, который претендует на истинность выводов. Каждый живёт как хочет и благослави Бог, такую возможность...

Назавтра Речел позвонила первой. Было ещё утро и он не ожидал услышать так рано её голос. - Макс, я почти не спала. Столько впечатлений. Наверное, на год вперёд. Я запомнила одну твою фразу и всё время думала над ней. Ты сказал о нашем общем прошлом. Теперь, как мне кажется, у нас есть общее настоящее. Я поняла это, когда прочла ещё раз письмо. В одиночестве оно воспринимается совершенно по-другому. Я не могу отделаться от ощущения, что оно адресовано мне. Это какой-то гипноз.

- Ты не заглянула во второе? Скажи по правде.

Она рассмеялась.

- В тебе говорит стереотипный подход к женщине. Я окровенно говоря, думала о тебе лучше. Моё любопытство может и велико, но не настолько и потом мы собирались это сделать вместе. Не так ли?

- Речел?

- Да, Макс.

- Я думаю над тем, что буду делать, когда кончатся письма.

Макс проговорил это с осторожным желанием удостовериться в её намерениях. Она поняла к чему он ведёт и в ответе прозвучали нежные нотки.

- А ты не хочешь чтобы они кончались?

- Нет, Речел.

- Тогда тебе придётся их писать самому.

- Увы, я не владею французским.

- В таком случае, единственный выход, тебя научить.

Она сказала так хорошо, что ему захотелось её тотчас увидеть, без промедления. Сейчас же, вопреки отголоску непонятого сомнения, что Макс вдруг испытал почти беспричинно.

- Речел?

- Да.

- Ты уже едешь?

Это её откровенно развеселило.

- А ты нетерпелив.

- Речел?

- Да.

- Я тихо умираю. Ты уже едешь?

- Ах, Макс, когда так зовут, то не оставляют выхода.

Трудно сказать когда, но сложилось и бытует мнение, что мужчина это тот же мальчик, только с другими игрушками. При этом непременно со снисходительностью кивают на расхожие и малоубедительные примеры. Будь то, спортивный автомобиль, серебристый двухместный самолёт или белоснежная яхта для тех у кого возможностей побольше или малоприметные и простые вещи для всех остальных. Какая вульгарность, подменять потребность чьей-то натуры, набившими оскомину, представлениями. А ведь всё с точностью наоборот и мальчик уже рождается мужчиной! Душа не стареет и не молодеет, а оставаясь той же самой, лишь с грустью и сожалением отмечает несовершенство своей оболочки.

Для Макса с возрастом ничего не изменилось. Он всё так же умел и хотел быть нетерпеливым, несколько не стесняясь проявлять, казалось бы такое несоolidное качество. И многие другие, уяснив для себя уже давным давно, что только равнодушие спокойно и бесстрашно.

Едва Речел появилась на пороге, он тут же её обнял. Пылко и жадно, словно они не виделись вечность.

- Макс! Что случилось? Не прошло и суток.

Она пытливно заглядывала ему в глаза, стараясь уловить неведомые ей причины.

- Я безумно соскучился. Разве этого недостаточно?

Макс с внутренним трепетом надеялся, что она обрадуется его порыву. Что ей не захочется подчинить себя несуществующими перед ним, обязательствами. Не вопреки своей воле, а повинуюсь тому влечению, которое втайне и открыто он так от неё ожидает. Хотел в это верить, не допуская никаких прочих и неведомых ему желаний. Это был неизвестно откуда взявшийся протест против её другой, неизвестной ему жизни и внезапно проснувшийся эгоизм, обретал форму отстаивания своих претензий самца в битве за право обладания.

- Речел, Речел, как мне тебя доставало...

Он ей шептал эти слова, увлекая её за собой.

Мужчина и женщина. Сколько уже сказано. Как бесконечно много пережито. Воспето не единственными устами и стольким же ещё предстоит восхищаться этим неопишваемым блаженством. Захватывающая и упоительная игра без правил, следовать законам которой, беззаветно готов каждый, стоит лишь переступить рубеж и созреть для такого чувства. Не девушка и не юноша целомудренно и робко, взирающие на предмет вожделения, а те, кто уже хорошо знает, что произойдёт и всякий раз по-новому это переживает. Гораздо глубже и сильнее, во сто крат, вдохновлённые прежним томительно сладострастным опытом и стремлением опять ощутить радость и бесконечный восторг единения.

По знаку зодиака Макс был Козерог. Такие мужчины обычны надёжны и отличаются завидным постоянством. Единственной проблемой подобной натуры является её же собственное мучительное желание всё испытать, не полагаясь на чужой опыт. Благословенная жизнь, сопряжённая и с трудностями, и с разочарованиями, но охраняемая тайным расположением и немеркнувшим светом звезды, под которой эти люди родились. Там где другие останавливаются и ликуя, празднуют победу, эти только начинают увлекаться и уже не сдерживая себя, не представляют, чтобы не дойти до конца. Женщины не обделяют вниманием и ценят Козерога за уравновешенный характер, но не всегда подозревают, что такие обязательно должны подчинить себе их сознание. Это не тирания, а хорошо замаскированное сластолюбие. Такому человеку необходимо увидеть, что спрятано от посторонних взоров и таится в недрах души своей избранницы, иначе, не познав, он не успокоится. Это свойство натуры Макса с характером его талантливой предшественника было общее. Люди, родившиеся под знаком козла, обычно плодовиты, причём их жизненной энергии хватает на всё. Лишенные стремления быть всегда на виду, они не испытывают беспокойства остаться незамеченными, воспринимая признание

другими, как предназначение в собственной судьбе. Они уверены в себе не по сухой логике, а по внутренней подсказке и это ощущение, как правило, небезосновательное.

Макс доверял своей интуиции. В какой-то момент времени он уже твёрдо знал, что его действия единственно правильные в деликатной или щекотливой ситуации и потому следовал инстинкту. Взяв Речел твёрдо за руку, он не сомневался, что она последует за ним, благодарная быть рядом с человеком, способным вести за собой. Это ли не счастье, простое и лишённое всякой наносной и ненужной идеи, самостоятельно биться за выживание?

Ему очень хотелось, чтобы именно таким она его воспринимала. Чтобы ждала от него этой решимости, жёсткой и беспощадной, возможно уставшая от своего лидерства, с жаждой сбросить со своих плеч этот ненавистный груз.

Впереди их ждало письмо. Короткое послание художника к любимой им женщине, с которой он возможно расставался навсегда. Не признаваясь друг другу, они оттягивали этот момент, словно их совместное желание могло что-либо предотвратить или помешать тому, что уже случилось.

* * *

«... Мой ласковый ангел, пишу тебе эти строки почти сразу же по прибытию. Моя мать очень больна. Никто не писал мне правды, щадили, не хотели волновать. Мы долго не виделись с ней, но только теперь я понимаю, что прошло немало лет.

Как она изменилась! Ты не можешь представить, насколько мой приезд её обрадовал. Наверное, я это должен был сделать гораздо раньше, а не ждать из дома дурных вестей. Непременно побуду с ней какое-то время, пока она не поправится. Доктор говорит, что есть надежды. Буду молить Бога и уповать на Его великую милость.

Я успел немного здесь оглядеться. Почти никаких перемен. Город выглядит поменьше, чем я его помнил, но всё так же, на удивление, по-европейски красив, особенно сейчас, с наступлением лета. Всем здесь я в диковинку, ещё бы, парижанин! Мне и самому порой кажется, что я иностранец. Ловлю себя на том, что мои мысли уже об ином и интересуюсь вещами, совершенно несовместимыми с моей прошлой здесь жизнью. В газетах усердно муссируются слухи о предстоящей войне. Всё крайне беспокойно. Об этом судачат даже в кондитерской. Зашёл туда намеренно и случайно разговорился с одним господином. По его словам, у России нет шансов остаться в стороне и не выполнить свой союзнический долг. Я ничего себе этого не представлял в Париже, бесконечно далёкий от мировой политики. Удивительно, что истинное положение дел в стране узнаёшь вдали от её столицы, где по логике вещей знают побольше, да и новости посвежее.

Побывал в гостях у своих учителей рисовальной школы «Общества изящных искусств», я тебе о них часто рассказывал. Они много расспрашивали о моей новой жизни и круге общения. У каждого из них замечательный и очень самобытный собственный острый взгляд на окружающее. Многие входят в Товарищество Южно-Русских художников и под его началом участвуют в ежегодных выставках. Жаль, что не успел на очередную. Невероятно, но сюда в провинцию привозили свои работы москвичи и петербуржцы. Ты помнишь, я тебе говорил о «Бубновом Валете». Критики называют эту группу крайне левой, но я не склонен доверять чужому мнению. Вообще, мне плохо понятно это размежевание по направлениям и навешивание ярлыков. Творчество, явление очень индивидуальное и любые попытки его систематизировать, кажутся желанием накинуть петлю на шею дикого скакуна с тем, чтобы его приручить. Ну скажите на милость, для чего и кому это нужно?

Да! Чуть не забыл. Просматривая программу последней выставки, я случайно наткнулся на имя Ларионова. Его я знаю по моей парижской жизни и если мне не изменяет память, то где-то в году девятьсот пятом или шестом он несколько раз бывал у Арансона.

Очень и очень обидно, что немного опоздал. Выставку закрыли буквально за несколько дней до моего приезда. Было бы очень интересно посмотреть, учитывая то обстоятельство, что местные молодые силы совсем не уступают столичным. К слову сказать, художественная жизнь города до

последнего времени была весьма активной. Ещё в прошлом году здесь работали несколько салонов. Один, Издебского, достаточно крупный и хорошо известный ценителям живописи. Насколько, берусь судить по его расположению, - совсем недалеко от городской думы, месте необычайно оживлённом. Публика здесь неизбалованная, но тем не менее, искушённая изрядно. По сему неудивительно, что среди горожан нашлись достойные зрители и приняли хорошо художников неизвестных, но талантливых. Кое-кого из «Новой художественной ассоциации» и из «Синего всадника» В этих группах много моих соотечественников. В своё время мне приходилось с ними встречаться в Мюнхене и я очень хорошо запомнил одного слушателя в школе у Ашбе. Его имя Василий Кандинский и о нём я слышал весьма восторженные отзывы. По сути дела, господин Издебский представил его здесь очень широко, как и многих других, о чём я думаю с благодарностью к этому человеку. Не всегда и не всем по силам все эти организационные хлопоты, которые не только отнимают драгоценное время, но и требуют соответствующий склад характера. Определённо, это не по мне и к всякого рода устройству, я отношусь с большой осторожностью. Сейчас затишье, но уже будущей весной планируют очередной показ работ. Правда, к тому времени я намереваюсь уехать. Пожалуй, так и не случится присутствовать и разглядеть всё повнимательней...»

- Это выставка так и не состоялась, в тот же год, где-то в конце июля Россия объявила всеобщую мобилизацию.

Макс вставил своё замечание почти машинально.

- И уехать не удалось, Наверное, он не хотел и не мог оставить свою мать. А может, ему казалось, что его присутствие продлевает её годы жизни?

Кто знает, но повернулось так, как повернулось.

«... Среди этих милых людей имел одну необычную встречу. Мне представили одного художника, господина немного старше меня. Он как-то сразу к себе расположил. Может его спокойствие и несуетливость в том причина. Личность совершенно далёкая от всех исканий в искусстве. Его простота и искренность меня подкупили и когда он пригласил к себе на обед, я не видел причин отказывать. Там же побывал в его небольшой студии. Он маринист и я видел много его работ честных и бесхитростных, от которых исходила любовь к морской стихии. Сам он человек абсолютно сухопутный и цивильный, а служит при каком-то ведомстве бухгалтером. Картины его достаточно традиционны и пользуются заслуженным успехом. Это виды Крыма с неизменной горой Ай-Петри на заднем плане или другие морские пейзажи Черноморского побережья и совсем не трудно узнать все эти места, написанные с неизменной точностью человека, привыкшего к аккуратности в своих занятиях. Впрочем и душевной теплоты там хватает. Горожане их охотно раскупают и он даже весьма известен. Вот такая судьба ремесленника, которого это незатейливое признание делает удовлетворённым от своего творчества. Я даже откровенно говоря, призадумался. Счастливый человек! Он не вынужден зарабатывать себе рисованием на хлеб и делает это для собственного удовольствия. Оттого вероятно, на его полотнах море спокойное, как отражение его внутренней безмятежности и согласия с самим собой. Должен ли художник думать, что конечной целью его труда должна быть продажа? Хорошо ли это, быть зависимым от чьих-то вкусов или только мешает раскрытию души?»

За столом мы много говорили, он даже наслышан о той самой нашумевшей парижской выставке, где я выставился с двумя работами. Насколько я понял, он не одобряет господ критиков и их мнере судить о живописи с точки зрения зрителя. Узнав, что я являюсь членом жюри «Осеннего салона», он был чрезвычайно польщён, что высказал тут же, но без всякого подобострастия, а с достоинством собрата по искусству. Пробыл у него долго и домой вернулся аж под самый вечер.

Все мои дни предельно заняты. Кажется ничего особенного не делаю, но скучать некогда. Я совершенно отвык от своих домашних и уклад их жизни порой кажется мне престранным. Стараюсь быть по возможности полезным, хотя не всегда это получается так, как бы мне хотелось. Сказывается время, проведённое вдали от них. Я никогда не был избалован вниманием и теперь ощущаю себя неловко, оказавшись на виду. В мою комнату входят почтительно и непременно со стуком. Я даже

заметил однажды, как мать уважительно раскладывала мои вещи и всё разглядывала фотографическую карточку, что я собой захватил из Парижа. Эта та самая, где мы вдвоём с Анри. Каждое утро разводят самовар и ждут меня к столу с завтраком, а если куда отлучаюсь, всё равно все только тем и заняты, чтобы обихаживать меня по возвращению. Развлечений не много. Не то настроение, как ты понимаешь. В прошлый вторник в компании одного из своих бывших наставников посетил местное литературно-художественное общество. Здесь бывают многие художники и это что-то вроде клуба. Обстановка там превосходная и чем-то мне напоминает встречи у нашего общего друга. Помнишь, как у него мы впервые увидели друг друга? Я тотчас вспомнил это своё ощущение, едва переступил порог большой залы и уже не мог с ним совладать на протяжении всего вечера. Народу собралось немало, даже трудно себе вообразить, что здешняя культурная жизнь, о которой я думал как о провинциальной, мало чем отличается от любой другой. Тот же интерес к новым веяниям в искусстве, та же поддержка и неприятие. Я было затронул тему об эстетическом взрыве в живописи и тут же нашёл не только единомышленников, но и очень серьёзных оппонентов. До бурной дискуссии дело не дошло и каждый остался при своей точке зрения. Разговор незаметно перешёл на последнюю статью в очень модном здесь журнале «Вехи», осуждающую внутреннее рабство интеллигенции, за которым мы незаметно переместились в буфет и провели там оставшееся время. Вообще, атмосфера оказалась очень тёплой и радушной. Я был последним, кто прибыл из Франции за последние две недели и мне пожимали руку, словно её представителю. Забавно, но очень трогательно.

Как ты? Что пишут французские газеты о надвигающихся мировых событиях и что обо всём этом думают? Трудно поверить, что Мюнхен и Париж могут оказаться по разные линии фронта. Не могу воспринять образ своего добродушного рыжего усача, как врага. Это не просто абсурд, архибред какой-то. Боюсь, что если это всё же начнётся, то будет нехорошо.

Ах моя милая, Луиза! Думаю о тебе, когда утром совершаю одиночные долгие прогулки. Здесь точно такие же каштаны, как на Монмартре и присаживаясь на одном из живописных бульваров города под их благодатную тень, мне кажется, что ты совсем недалеко. Стоит только взять экипаж и уже скоро взбежать по крутой лестнице к себе в студию, где ты меня ждёшь. Как бы мне хотелось, чтобы это было не только моей фантазией. В ней я стал ещё более изощрённым вдали от тебя и могу почти явственно ощутить твоё присутствие рядом. Так же отчётливо я переживаю жизнь персонажей на своих картинах. Пока не почувствую, что в каждый мазок не вложил частицу себя, знаю точно, что ни один из них не посмотрит на мир живым взглядом, а не стеклянными глазами мёртворождённого плода. Это прямо вампиризм какой-то и всем им нужна моя жизненная сила, моя кровь и я счастлив вдохнуть эту благословенную искру. Кажется впадаю в мистику. Только этого не хватало. Начну работать и всё пройдёт.

Голубка, моя! Только с тобой одной могу поделиться тем, что обнаружил внутри себя одну мысль и это наблюдение немного смущает меня. Город, что я оставил не так уж и давно и который мне казался значительным и протяжённым, оказался совершенно мал. Он хоть и остаётся удивительно милым моему сердцу, но вижу его теперь провинциальным и тесным. Я вырос из его оболочки и не знаю, смог бы отыскать здесь достойное приложение своих сил. Такая перемена в себе просто удивительна, ведь прошло относительно немного времени, а я уж и рассуждаю по-другому. Скучаю за парижскими мостовыми и почти равнодушен к тому, что окружало меня с детства. А ведь это, моё Отечество. стыдно, но не хочу сам себя обманывать.

Друзей пока не завёл и не потому, что сторонюсь общения, просто сказывается мой характер. Открываться перед человеком без душевной предрасположенности не вижу нужды, в просто коротать время, не нахожу интереса. Скорей бы обратно...»

На этом письмо обрывалось. Вероятно, был ещё один листок, а может и несколько, но к сожалению, они скорее всего, пропали. Оставалось лишь безуспешно домысливать содержание его продолжения, как и только догадываться о том, что они оба испытывали, разделённые начавшимися уже в августе, военными действиями. Россия вступила в бойню Первой мировой, потом наступил хаос революции, а в след за ним вспыхнул опять огонь войны гражданской. Никто не знает, сколько каждый из них пережил, пока не понял, что их разлука навсегда. Время сгладило потерю и зарубцевало душевную рану,

но в памяти у каждого навсегда остались воспоминания о днях, проведённых друг возле друга.

- Мне очень грустно.

У Речел на глазах навернулись слёзы.

- Макс, когда он написал эту картину?

Она указала взглядом на работу со сценой в синематографе.

- Не знаю точно, он никогда не ставил дат. По всей вероятности, вскоре после приезда в свой родной город. Одно точно, он над ней работал по памяти, по свежим следам, иначе, как можно было добиться такого портретного сходства. Хотя, у художников другое зрительное восприятие и способность запоминать.

- Ты уверен?

- Теперь уже нет, но какое это может иметь значение? Я только могу себе представить растерянность человека в такой ситуации. Без сомнения, это был странный период его жизни. Наверное, он уже отдавал себе отчёт, что задержится здесь надолго, но ещё не предполагал, что дороги назад не будет.

Макс тоже взглянул на неё.

- В итоге, всё оказалось значительно проще. Разрыва между ними не было, их просто разметало в разные стороны и ничего с этим поделать было нельзя.

- А где его остальные работы? Ты знаешь их судьбу?

- Некоторые в музеях, но в крайне ограниченном количестве, по-моему не больше пяти, шести в двух городах. Незначительная часть в частных коллекциях, кое-что осталось у меня, но немного. Практически они рассеяны, как наверное, любые другие произведения, представляющие художественный интерес. Это не считая тех, которые остались в Париже. Что произошло со студией и в ней находившимся, вообще покрыто непроницаемой пеленой мрака. Мать мне как-то говорила, что часто прогуливаясь с отцом вдоль моря, она замечала его тоскующий взгляд, устремлённый далеко за горизонт. Однажды не выдержав, он обнял её и прислонивши головой к своей груди, почти признался.

- Там мои картины...

- Где..?

Она едва понимала о чём идёт речь.

- На другом берегу...

Он вздыхал, не пускаясь в объяснения и они продолжали свой размеренный моцион.

- По недостоверным слухам, которые доходили до него, всё, что находилось в его мастерской было кем-то вывезено в Константинополь, но ничего конкретного. Возможно, где-то на берегах Босфора продолжают жить его творения. Кто знает?

- Да, посмотри на это.

Макс подвёл Речел к двум парным фарфоровым тарелкам, которые висели на стене.

- Это его покупки. Где-то в конце двадцатых годов он приобрёл их на распродаже имущества, принадлежавшего царской семье. Обрати внимание, это Севрская мануфактура, конец восемнадцатого века. Роспись надглазурная и принадлежит Клоду Дюплесси. Мой дед любил и ценил хорошие вещи.

О чём-то вспомнив, Макс улыбнулся.

- Вы даже где-то, коллеги. Он долгое время проработал директором музея западно-европейского искусства. Расширял и пополнял фонды. Я думаю, что современная экспозиция, это целиком его заслуга. Её не меняли со времени открытия после Второй мировой войны. Я часто бывал там, представляя его, прохаживающимся в этих гулких залах.

- Речел...

Она оглянулась.

- Ты помнишь наш первый вечер?

На её лице появилось, уже хорошо ему знакомое, выражение ироничного любопытства.

- Я тогда проиграл пари, вернее ты выиграла. Мне не хочется быть несправедливым, называя себя проигравшим. Это не так. В тот вечер я пообещал подарить тебе какую-нибудь безделушку и не забыл об этом своём обещании. Единственное, в чём я не был уверен, так это в твоих вкусах.

Речел в благосклонном внимании склонила голову набок.

- Ну не мог же я право, преподнести флакон духов или косынку от «Гермес». Мне кажется, что возможно это был бы подходящий подарок, но только на той стадии наших взаимоотношений.

То, что сказал Макс, звучало интригуяще. Человек, который знает как произвести впечатление приятным сюрпризом, всегда чем-то сродни хорошему фокуснику. Изящен в своём умении преподнести вполне ожидаемое публикой, но умудряется это сделать совершенно внезапно.

Он неспеша взял со стола небольшой пакетик из серебряной фольги.

- Я бы очень хотел, чтобы это тебе напоминало о нашей встрече.

Речел смущённо спросила.

- Что это?

- Открой. Оно теперь принадлежит тебе.

Она осторожно стала разворачивать фольгу, пока в её руках не оказалась маленькая, но увесистая золотая фигурка кабанчика. Два крошечных рубина вместо глаз смотрели на Речел не то в полном недоумении, не то вызывающе грозно.

- О, Макс...

Вещица была не новой с заметными потёртостями от длительного, но не совсем понятного пользования. Некогда отполированная, она стала матовой и только где-то на брюшке сохранился первозданный блеск. Прямо на спине этого забавного хряка было припаяно массивное колечко, вероятней всего, для цепочки. Это было украшением, но не женским. Прочеканенные детали свидетельствовали о солидном возрасте изделия и к нему несомненно, прикоснулся штихелем ювелир. Речел уже сгорала от тайного любопытства, наверняка, здесь таился какой-то скрытый пока для неё смысл. Макс наблюдал за её реакцией, растягивая удовольствие от невольного замешательства, в котором она пребывала.

- Этот брелок висел на карманных часах моего деда, с которыми он приехал из Парижа.

Рейчел от волнения слегка зарделась. Она держала крохотную фигурку на ладони, не в силах ничего произнести. Наконец, она пришла в себя и только могла смахнуть слезу, блеснувшую на ресницах, от переполнявшего её чувства. Макс обнял Речел и произнёс.

- Как жаль, что я не выиграл пари. Если бы это случилось, то я смог бы получить твой поцелуй.

Она на секунду отстранилась и он увидел перед собой её глаза. В них было столько искреннего и неподдельного счастья, что казалось он кинул к её ногам все сокровища мира.

- Ах Макс, это безусловно, одна из лучших минут за мои последние годы.

Он достал из кармана те самые часы и открыл крышку. Это был великолепный образец продукции фирмы «ДюБуа», который заслужил необыкновенную популярность в начале века по обе стороны франко-швейцарской границы. Их продавали в самых модных магазинах Женевы и Парижа. Часы продолжали быть на ходу и от механизма исходило хорошо слышное, равномерное тиканье, как звук крепкого сердца в здоровом организме. Внутренняя сторона крышки была яркой, почти нетронутой временем. Металл не потускнел и на ней было выгравировано.

«Т. Флей от Луизы в день, когда он покори́л Париж»

- Под этим псевдонимом его приняли в Салон. Я всегда задавал себе вопрос, кто эта загадочная Луиза, но не находил даже намёка на ответ.

Он лукаво посмотрел на Речел.

- Только теперь, после многих лет неведения, я наконец, узнал, что так звали женщину, которая была ему близка и вот она словно передо мной.

Речел, изумлённая, переводила взгляд с часов на Макса, потом в обратной последовательности, пока наконец не произнесла.

- Твой подарок станет моим волшебным амулетом. Надеюсь он убережёт меня и принесёт нам удачу. Я возьму его с собой в дорогу.

Макс рассмеялся и шуточно, как бы завершая обряд, едва коснулся губами её лба.

- Аминь.

Ну вот, ты имеешь теперь наше благословение. Я уверен, что мой предок одобрил бы это. Мне кажется, что подержав меня у себя на руках, он передал часть своей душевной силы и мысленно напутствовал. Возможно что-то ещё, но оно пока мне неизвестно. Моя мать часто говорила, о сходстве

наших натур, но только став старше, я могу по-настоящему задуматься об этом всерьёз.

Она слушала, не перебивая.

- Ты уезжаешь?

Макс вдруг отреагировал на её последнюю фразу и это прозвучало неожиданно. Речел, глядя на свой подарок, заметила всколзь.

- На следующей неделе я должна быть в Нью-Йорке.

- Как надолго?

- Неделя, может дней десять, максимум. У меня там дочь.

Макс не подал вида, что удивлён. Собственно, чему удивляться? Речел не была похожа на мужененавистницу.

- Кто ещё?

Они случайно коснулись этой темы и как Макс показалось, она не испытывала смущения или какой-либо неловкости обсуждать своё семейное положение.

- Больше никого. Если ты спрашиваешь о муже, то с ним мы расстались около десяти лет назад. У него теперь другая семья и он не был инициатором развода. Так получилось. Мы сохранили нормальные отношения и даже перезваниваемся иногда. После двенадцати с лишним лет совместной жизни, супруги, как родственники и знают друг о друге пожалуй, больше, чем следует. Удобно, но как оказалось, не всегда к лучшему.

Макс слушал и внезапно поймал себя на мысли, что он не испытывает ничего к её прошлому. Ему было всё равно.

«...Означает ли это, что он к ней равнодушен? Похоже, уже нет.»

Отсутствие ревности, даже подсознательной, его не пугало.

«...Это чувство из разряда мук от собственной неполноценности или отсутствие уверенности в себе. Бог миловал.... Все эти их встречи ни к чему не обязывали, если не учитывать те обстоятельства, что их связывают теперь, а они то гораздо важнее и весомей для него, чем её бывшая жизнь в замужестве.»

Речел была немногословной, по-видимому, эта страница её жизни была уже давно перелистнута. От неё в душе не осталось ничего, кроме хронологической последовательности дат, да и они теперь вспоминались чисто механически, как расплывчатые и нечёткие образы. Не вдаваясь глубоко в подробности, она упомянула о своей уже взрослой дочери. Голос её заметно потеплел, без сомнения, можно было сказать, что они не утратили дружеские и доверительные отношения. Перед уходом Речел ещё раз достала из сумки брелок и послав ему воздушный поцелуй, обняла Макса.

- Спасибо, Макс.

Я тебе очень благодарна. Очень...

- Глава 7 -

Остаток вечера Макс провёл в одиночестве. Из памяти не выходили строки незаконченного письма и он пытался представить себя на месте своего деда в то непростое, но захватывающее время. Об этом он думал и раньше, сопоставляя фактам его биографии, себя и те возможные решения, перед которыми надо было не только не спастись, но и быть последовательным до конца. Не вправе никто сегодня осуждать или миловать тех людей, которые собственно говоря, в этом особо и не нуждаются. Лучшее, как уважение к их памяти, воспринимать такими, какими они были и постараться не совершить тех же ошибок. Впрочем, это неважно, не те, так другие, ошибок всё равно не избежать.

Макс всегда с осторожностью относился к заключениям историков, когда это касалось отдельных людей. По его мнению, судить о человеке объективно, который заслужил, чтобы его помнили, задача невыполнимая и любые выводы чаще всего не только противоречивые, но и к сожалению поверхностные. Нельзя знать всего, а смотреть с дистанции времени глазами современного человека, будет выдёргиванием наугад отдельных событий, повязанных друг с другом не всегда хорошо

понятными узами. В итоге, картина всё равно получится искажённой, в виде личного пристрастного взгляда на прошлое. Собственной ревизии не избежало ещё ни одно поколение и навряд ли у потомков что-нибудь изменится.

Макс сидел в тишине, напротив такой знакомой и как оказалось, совсем неизвестной картины. Там, в едва заметных тенях от настенных бра, в их тускловатом свете словно скрывался неведомый смысл, к которому был устремлён немой вопрос в лице мужчины...

Внезапно послышался шум снаружи. Его жильцы о чём то шумно переговаривались, несмотря на поздний час. Потревоженный, он тут же вспомнил, где находится. Здесь по-прежнему всё шло своим чередом. Происшествия сводились к возне среди бытовой мелочёвки и невозможно было представить этих людей за рамками их привычного распорядка. Для Макса так и осталось навсегда неразрешимой загадкой, почему люди такого сорта лишены фантазии. Даже самой малой и непрехотливой.

«...На что уходит их жизненная энергия, помимо ежемесячной оплаты счетов и стандартных развлечений, чередование которых так же однообразно. Как несложное движение выключателя...вверх, вниз... вкл, выкл...

Поход в кино с кульком попкорна ? Прогулка в местном торговом центре? Телевизор? И больше ничего! Изо дня в день, из года в год. Это же можно сойти с ума!»

Однажды ему позвонил телемаркетер. Эти уроды обычно не давали покоя в вечерние часы и вечно норовили всучить под любым предлогом какую-нибудь дерьмовую услугу. Тоже своего рода бездельники. Небось, не пошли в горячий цех или на стройку... Обычно Макс не вступал в переговоры и отсылал незадачливого продавца на русском языке к известной матери, но тогда, на предложение подписаться на кабельное телевидение, он вежливо ответил без всякой задней мысли.

-Спасибо, но вы не по адресу. Я не смотрю телевизор.

Баба на другом конце провода так и обалдела.

- А, что же ты делаешь...?

Она даже не представляла себе, что кроме этого «ящика» у человека вполне могут существовать другие интересы. Потом уже Макс понял, как обескуражил неосторожно позвонившую ему, горе комовоязёршу.

Не удивительно... Наверное, с таким редким явлением она столкнулась в своей практике впервые. Как её не понять, когда телевидение стало не только окном в мир, но и заменило людям необходимое прежде, общение, сконцентрировав в себе все изобретенные человечеством, зрелища. У каждого Макса жильца в квартире с утра до ночи светился голубой экран. Смотрели всё подряд, тупея от бесконечного «мыла» или от других дурацких шоу с неизменным громким смехом за кадром, не говоря уже о таких экстрважных передачах, как супербол или церемония вручения «Оскара».

Вымирала улица!

Макс видел, как его квартиранты, с которыми он был вынужден соседствовать, будто срослись с своими продавленными диванами, и засаленными креслами, образовав прочный монолит скуки. Даже собственные внутренние противоречия и неизбежные конфликты казалось их никогда не посещали в виде минутного аффекта, когда хочется стукнуть кулаком по столу или просто про себя выругаться от проснувшегося вдруг, ощущения пустоты и никчемности прожитых дней.

«...Чем бы они занялись, если вдруг исполнилась мечта всей жизни и каждый из них вдруг разбогател..?»

Едва Макс успел об этом подумать, как хлопнула рама, резко закрытого окна. Как оказалось, не его одного здесь раздражал громкий разговор, который был сейчас особенно назойливым. Макс уже давно привык к отсутствию церемоний у своих жильцов, которые почти всегда открыто изъясляли своё недовольство. Голоса тут же смолкли. Намёк был понят правильно, без ненужной никому конфронтации и словесной перепалки.

Если бы это не произошло, то позвонили бы Максу. Такое уже случалось и ему пару раз приходилось взывать к должному уважению беспардонную сторону. Судя по отдалённости звука и расположению, откуда он доносился, это могло быть окно Маргарет или Дженифер. Они обе занимали угловые квартиры, как раз, одну над другой. Ни одна ни вторая, точно бы не стали терпеть проявление неуважения к их персонам и постарались бы немедленно поставить на место того, кто им мешал.

Маргарет жила в доме относительно недолго, но уже успела себя зарекомендовать не с самой лучшей стороны. У неё очевидно, была лёгкая форма шизофрении. Ничем примечательным это не выразалось, не считая того, что раз или два в месяц она очень громко спорила с собой, да так, что всю беседу в виде несвязных криков, слышал весь двор. Вселяя её, Макс даже и не подозревал, что эта нелюдимая и малоразговорчивая женщина страдает подобным недугом. Она показала своё водительское удостоверение и вообще, в её поведении не проявлялось ничего странного. Какого же было его удивление, когда ровно через две недели, после того, как она завезла все свои пожитки, Макс увидел Маргарет, которая стояла на балконе и громко разговаривала сама с собой. Он поначалу не придавал такому факту особого значения, но когда ему позвонила Дженифер и настойчиво попросила унять свою соседку, Макс ничего не оставалось делать, как пойти и проявить свои полномочия. Он было пытался мягко призвать её к благоразумию, но какое там?! Увидев остекленевшие и невменяемые глаза своей новой квартирантки, Макс понял, что очень сильно с ней лажанулся. Иметь явную душевнобольную скандалистку в доме, где и без того хватало людей с не совсем адекватным восприятием, была дополнительная и щекотливая проблема.

-Маргарет, что происходит? Твои соседи жалуются, не говоря уже о том, что ты переполошила весь дом.

Обращаясь к ней, он даже попытался улыбнуться, стараясь превратить всё это в невинную шутку.

-Мормоны!

Маргарет, словно одержимая бесом, размахивала руками и брызгала слюной.

-Какие мормоны?

Макс всё ещё не терял надежду, что она просто в перевозбуждённом состоянии и это не приступ.

- Мормоны!!! Это их рук дело!

Маргарет схватила, лежащую на кресле, тряпку и стала тыкать её Макс в лицо.

-Они похитили и порвали мои брюки!

Только теперь Макс обратил внимание, что она держала в руках штаны, которые разошлись сзади по шву, ниже пояса. Женщиной она была приземистой и отнюдь не худенькой и немудрено, что нитки могли просто напросто треснуть от её жира. Ему захотелось застонать.

«...М-м-м...

Господи, какие мормоны?

Мне только этого не хватало.... Сумасшедшая!»

Тут же вспомнились слова из песни Высоцкого, которую он знал чуть ли не с десятилетнего возраста.

«...Параноики пишут нолики,
шизофреники вяжут веники...»

С грехом пополам она наконец, кое-как пришла в себя и утихомирилась. Не вспоминала больше вслух о чьих-то коварных происках по отношению к своей одежде и вообще, делала вид, что ничего особенного не произошло.

Месяц она была ниже травы и тише воды. Макс вздохнул с облегчением, но приступ случился снова. На этот раз разгневанная Дженифер не вытерпела и поднявшись на этаж выше, пригрозила Маргарет.

-Если ты сука, сейчас же не заткнёшься, я спущу на тебя мою собаку и тогда у тебя будут не только разорванные штаны, но и вся задница!

Надеюсь, ты меня хорошо поняла!

Как ни странно, угроза подействовала. Наверное, ко всему прочему, Маргарет была ещё и распушенной и таким образом её никто не останавливал. Сознательно спекулировала своим статусом, легально идентифицированной душевнобольной, уверенная в полной безнаказанности. К несчастью, Дженифер было наплевать на все врачебные предписания, как следует себя вести с такого рода припадочными и она не раздумывая, враз её осадил.

...Пожалуй, только социальные меньшинства могут себе позволить нормально реагировать, а не молчать в тряпку, не опасаясь пойти под суд за то, что сказали правду...

Маргарет безропотно подчинилась. Она тут же молча закрыла окна и двери и вечер прошёл тихо. Впрочем, ожидать, что это больше не повторится было бы несерьёзно и с приближением полнолуния

весь двор знал, что Маргарет может сорваться. Её побаивались и неспроста. Увидев однажды, как она на полной скорости выезжает с парковки на улицу с оживлённым движением, едва-едва избежав аварию, нетрудно было заподозрить в ней человека, опасно неуравновешенного. А от такого можно ждать всё, что угодно. За глаза её прозвали «Крези леди» и уже не обращали внимания на иногда доносившийся кратковременный шум из её квартиры.

Теперь собачий лай подтвердил Макса догадку о том, кто так яростно захлопнул своё окно.

«...Гейбл! Значит точно Дженифер.»

К ней и её подруге Макс уже успел приглядеться повнимательней, но это не сильно изменило его впечатление от их первой встречи. Друзей она и Сюзан здесь не завели. Макс даже импонировала эта их обособленность от всех остальных и неприкрытое нежелание посвящать кого-то в свои дела. Они не сторонились жильцов, но как-то избегали тесных отношений. Обходились без длинных разговоров и могли лишь кинуть «Хай!» или «Бай!», прогуливая своего кабыздоха. Единственный человек, с которым они иногда общались, была Джейн и с ней они обязательно обменивались приветствиями и даже что-то обсуждали, встречаясь во дворе в позднее время. У обеих работа заканчивалась где-то в полночь и добравшись домой, они частенько встречали Джейн, которая в эти же часы появлялась из своей квартиры, как привидение. В темноте её лицо с неизменными длинными ресницами и обрамлённое чёрными волосами выглядело таинственным и пугающим. Макс однажды наткнулся на неё, возвратившись откуда-то под самое утро и её странная одинокая фигура произвела на него впечатление гуляющей колдуньи.

Через хорошо освещённый двор прощандыбала сутулая фигура. Макс она была хорошо заметна, жалюзи на окне были подняты и всё пространство просматривалось, как на ладони. По заострившимся плечам и сгорбившейся спине он узнал старейшего здесь жителя. Тот уже совсем плохо двигался, но абсолютно ясно соображал. Возрастная немощь пощадила его голову и мозги работали лучше даже, чем у некоторых молодых людей. Он и его жена всегда вызывали симпатию у Макса. Может быть потому, что эта пара смотрела на жизнь примерно под тем же, что и он, углом и несмотря на ощутимую разницу в годах, они всегда находили общий язык. Пара была немцами из Канады. Перебрались они оттуда очень давно, но сохранили в себе некоторую хорошо уловимую непринадлежность ко всему, что их здесь окружало. В последнее время старик заметно сдал. Ещё совсем недавно он был полон юношеского оптимизма и даже производил впечатление физически здорового человека. Макс часто наблюдал его в бассейне, где он, взяв за руку свою жену, осторожно сводил её по ступенькам в воду. Вообще, их отношения были очень трогательными. Они могли вместе плавать или слегка подпрыгивая на мелководье, напевать весёлую песенку. Однажды, уже достаточно познакомившись с Максом, он ему с грустью признался.

- В этой стране лучше быть здоровым.

Макс ему улыбнулся в ответ.

- Я думаю, не только здесь.

Тот, прикрывая ладонью глаза от полуденного солнца и словно собирая весь свой прожитый опыт воедино, похлопал Макса по плечу.

- Так то оно так, но здесь в особенности. Америке нужны энергичные и умеющие за себя постоять, люди. Они на дороге жизни. Больным и слабым находится место только на обочине..

По-видимому, он очень хорошо знал, о чём говорит...

Буквально через несколько дней его слова нашли подтверждение. Макс позвонила одна из его квартиросъёмщиц и стараясь придать своему голосу бодрость, спросила не сможет ли он уделить ей немного внимания. Обычно так к нему никто не обращался и он понял, что что-то стряслось. Макс немедленно предложил встретиться во дворе и обсудить все возникшие вопросы. Недалеко от бассейна под зонтиком стоял небольшой стол со стульями и трудно было найти более подходящее место для доверительного разговора.

Женщина пыталась начать издали, но Макс уже предугадывая, что у неё возникли серьёзные затруднения, перебил.

- Мерелин, что случилось?

В её взгляде он заметил хорошо различимую тревогу.

- Макс, я не смогу заплатить за квартиру в первых числах месяца.

Она не знала, как лучше объяснить задержку и нервно перебирала в руках связку ключей и сложенный вдвое конверт.

- Ну, это не самое страшное.

Максу хотелось её приободрить и выяснить до конца повод для столь внезапного беспокойства.

- У тебя что-то стряслось неприятное?

Он попытался заглянуть ей в глаза. Мерилин была скромной и непритязательной личностью, которая никогда не качала права и жила своей тихой и незаметной жизнью. Они с мамой занимали квартиру с двумя спальнями и очень редко обращались с какой-нибудь просьбой. Если, Мерелин решила на такой разговор, это значило, что у неё действительно существовали на то веские причины.

Она растеряно стала открывать конверт.

- Это счёт из госпиталя, я не знаю что мне теперь делать.

Достав бумагу, она протянула её Макс. Внизу, жирно выделенная, стояла астрономическая для неё сумма.

- У тебя нет медицинской страховки?

Такой факт мог вполне иметь место. Шанс того, что при своей скромной зарплате, она не могла себе позволить позаботиться о собственном здоровье был к несчастью, реальней, чем то можно было ожидать. Мерелин отрицательно покачала головой.

- Есть. Я плачу её уже очень долгое время.

Макс смутился. Вероятно, в бумагах допустили какую-то досадную ошибку.

- Они ничего не напутали? Выглядит так, как-будто ты обратилась к ним с улицы.

Мерелин покраснела.

- Нет, Макс. Всё в соответствии с тем планом, что я выбрала и он единственно приемлемый по моим средствам. Размер, обычной в таких случаях доплаты, меняется каждые пять лет с учётом возраста, но в прошлом месяце расценки подняли без всякого на то основания чуть ли не в полтора раза, не объясняя. Хочешь, плати, не хочешь, твоё дело...

Она посмотрела в сторону и с горечью произнесла.

- Все они кровососы. Им нужны только мои деньги и никому нет дела до того, как я себя чувствую.

Пятнадцать лет ежемесячно я посылала чек и никогда не обращалась к врачу. Теперь, когда это стало необходимо, они предлагают мне оплатить дополнительное пребывание в госпитале в течение двух часов по их собственной нерасторопности и небольшую десятиминутную процедуру, которые их юристы называют операцией. Банда живоглофов...

Похоже, Мерилин теряла веру в справедливость, особенно зыбкую для для таких безответных труженников, как она и ей подобные, оказывшись последним звеном в цепи неизбежного удорожания жизни.

Макс от всей души ей сопереживал, прекрасно понимая её состояние.

- Мерелин, не волнуйся. Когда ты сможешь заплатить?

Лучшее, что он мог предпринять, это подождать и тем самым дать ей отсрочку.

- Пятнадцатого. Как правило, в середине месяца я получаю очередной чек.

- Пятнадцатого!

Подытожил Макс, подымаясь из-за стола.

- Уже договорились.

Она с благодарностью смотрела на него, как на родного отца, настолько его действия защищали её от непредвиденных и неблагоприятных последствий.

- Спасибо, Макс. Ты меня здорово выручил.

Она виновато улыбнулась.

- Я действительно была в панике.

Макс уже отходил в сторону.

- Пятнадцатого...

Всё! Забыли.

То, что Мерелин выполнит своё обещание, он не сомневался. Читать людей, наука несложная, тем более тех, кто загнан в угол и ждёт помощи.

Её волнения совсем не были беспочвенны. Окажись она в другом месте, где вот на такой должности сидел бы даже не какой-нибудь равнодушный долдон, а человек, от которого ничего не зависит и не миновать обычного в таких случаях, угрожающего письма с требованием заплатить в течение трёх дней или немедленно выметаться. Большинству компаний или частных инвесторов, владельцев арендуемого жилья, все проблемы их клиентов малоинтересны и последнее, что кого-то заботит, это сам человек. Он хоть и существует в виде фамилии, зарегистрированной в реестре прихода и расхода, эта малозаметная и неважная часть механизма, который делает деньги, но ни в коем случае, не как индивидуальность и уж конечно, не предмет внимания. Как в любом мало-мальском, уважающем себя бизнесе, ремонту не подлежит. Себе дороже. Сломалась, выкинуть и заменить на новую.

Уже когда Мерелин отошла, Макс вдруг про себя подумал.

«... А как бы она сама поступила на его месте? Проявила бы акт сострадания и вошла в положение или следуя сухой товарной логике, повела себя, руководствуясь соображениями о собственной выгоде?»

Трудно было дать однозначный ответ.

«...Скорее всего, постаралась бы умыть руки и переложить ответственность на другие плечи.»

В такой полумере Макс почти не сомневался. Он вполне мог предположить наличие у Мерилин гипенгиофобии.

«...Да, разве только у неё одной? Пожалуй, хроническое нежелание держать ответ за свои поступки, здесь явление социальное. Что это, паническая боязнь непредсказуемых последствий или одна из малоизученных форм завуалированного эгоизма?»

В принимаемых собственных решениях, такие люди видят прежде всего, потенциальную угрозу их повседневной жизни, от ничтожно малого беспокойства, до крупных неприятностей.

«...Горите вы все огнём, только чтобы мне было спокойно...!»

Они рассуждают где-то примерно таким образом, самоустраняясь практически от любого неудобства.

«...Зачем ломать себе голову и опутывать себя нежелательными нравственными соображениями?»

Он вспомнил свою беседу с Речел, тогда по пути в «Виа Венетто».

«...Наверняка, всё происшедшее, она бы прокомментировала со своей точки зрения»

Это Макс знал уже точно.

«...Ещё бы, какой красноречивый пример...»

Он тут же представил её снисходительную улыбку и фразу типа:

«...Дай ей в руки бразды правления и ты увидишь, как её овечьё нутро мгновенно превратиться во всеядного монстра. В каждом из нас живёт хищник и только страх перед более сильным, подавляет этот инстинкт.»

Макс поймал себя на том, что думает всё чаще её категориями.

«..Ах, Речел, осознать чужие недостатки, вовсе не значит их не иметь самому и ты это знаешь не хуже меня.»

Он переключился уже полностью на мысли о ней. Они не давали ему покоя и в последующие дни, на протяжении которых от Речел не было никаких новостей. Она не обещала звонить и вообще, похоже, не стремилась к тесным отношениям. При всей их достаточно неожиданной взаимной близости, Макс вовсе не был уверен в её настроении. Речел продолжала оставаться загадкой. Она могла проявить к нему внимание и нежность, то вдруг отдалялась без всякой причины. За исключением одной ночи, она больше не оставалась у него, предпочитая возвращаться к Трейси. Это выглядело непонятным, как-будто её связывали с ней необъяснимые обязательства. Подумав уже однажды о них, больше чем о подругах, он тут же усомнился, Речел, как ему показалось, прекрасно чувствовала себя с ним в постели Этот довод, как всегда, путал все карты.

«...А может она притворялась? Но зачем? В их взаимоотношениях никто и никому не должен. Ничего...»

На ум опять пришло её поведение тогда, в доме у Трейси, сбивая его, как и прежде, с толку. К этим мыслям он возвращался не раз. Чаще всего они приходили в голову, когда он работал в полном

одиночестве и никто не мешал. Неделя выдалась трудной и Макс едва успевал справляться со всеми делами. Только к вечеру освободившись, он мог ненадолго проехаться к берегу океана, чтобы сбросить с себя дневную усталость. Он выбирал безлюдные места и там продолжал думать, безуспешно пытаясь отыскать для себя рациональный ответ.

Сегодня прогулка не удалась и он остался на весь вечер дома. Почти в десять постучали в дверь. У Макса не было никакого желания кого-нибудь видеть и он скорее из чувства долга, вышел выяснить причину столь неурочного визита. Позже он бы уже не открыл. Жильцы знали, что у него есть запасные ключи от всех квартир и нередко ломались в любое время. Ничего не стоило кому-нибудь захлопнуть по рассеянности или по беспечности дверь и тогда спасительно маячила надежда, что ключ можно взять у менеджера. Даже в час или два ночи. Никто не видел в этом ничего зазорного и человек мог тарабанить в металлическую решётку у входа, нисколько не смущаясь своей беспардонности. После двух, трёх таких вторжений Макс объяснил самым забывчивым, что он здесь не ключник и если у кого-то возникает такая проблема, им следует вызывать специалиста и платить за услугу. Совет всё равно плохо действовал и время от времени его пытались разбудить, безуспешно преследуя исключительно собственные цели, проникнуть к себе в запёртую квартиру. На подобный эгоизм Макс больше не реагировал и не открывал дверь, предоставляя им простой выбор, позвонить человеку с соответствующей квалификацией и рассчитаться за сервис или биться головой об стену.

Жёсткая политика в большинстве случаев, всегда доходит лучше, чем задушевная беседа.

Сейчас на пороге стоял его жилец, один из членов гомосексуальной четы. Он был глава этого союза и очевидно, на нём лежали обязанности следить за порядком. Пара не страдала отсутствием необходимой субординации и все официальные дела обыкновенно вёл он. Визитёр был явно чем-то недоволен и начал жаловаться, даже не извинившись за беспокойство. В его тоне легко угадывалось едва скрытое раздражение, как-будто в обязанности Макса входило неусыпное дежурство возле его дверей в качестве сторожа или дворецкого.

- Макс, ты видел, что сделали мои соседи?

Парень весь был переполнен возмущением и оно кипело, как газ из бутылки с просроченным сидро. Плохо владея собой, он считал своим долгом восстановить попорченную справедливость.

- Они разрисовали все ступеньки лестницы идиотскими цветочками. Коридор выглядит просто жутко. Ты должен принять меры.

Он выпустил пар и заметно облегчился. Мужик с бабьими повадками, он не то был взвинчен и хотел поскандалить или просто выместить на ком-то своё неважное настроение.

«... И только? Мне бы ваши заботы...»

Подумал про себя Макс. Ему стало смешно. Едва сдерживаясь и сохраняя невозмутимый и серьёзный вид, он пообещал утром разобраться. Посетитель, довольный собой, и заметно успокоившийся, ушёл. Через пару минут Макс опять услышал его голос, но уже где-то посередине двора, где тот остановившись, продолжал давать кому-то пространное интервью по поводу своих соседей, которые его так растроили.

Квартиру над ним, наверху занимала эта странная пара, - Джейн, ведьма полуночница и её недоделанный сожитель, с принадлежностью к непонятной конфессии. Третьим был кот. От них всякого рода подвохи и неприятности в принципе не ожидались, но когда Макс зашёл, чтобы удостовериться в правдивости всего кошмара ими содеянного, на него пахнула давно забытая ЖЕКовская атмосфера. Вертикальная часть всех ступеней была раскрашена под трафарет. Оба марша. Где они выискали такой мещанский узор, это был вторичный вопрос, но откуда, помилосердствуйте, взялись эти жуткие оттенки? В лучших традициях бумажной продукции советской фабрики обоев, времён самого тёмного застоя. Ни дать - ни взять, работа подвыпивших маляров из какого-нибудь строительно-монтажного управления, намешавших в одну банку с краской, все имевшиеся в наличии, остатки.

«...Джейн!»

Она именовала себя художницей и весь этот ужас несомненно был делом её рук.

«...Чёрт её возьми. Неужели нет своих забот?»

Макс тут же представил Джейн в едва освещённой парадной на коленях, с низко склонённой головой и кончиками длинных прямых волос, касающихся ступеней. В полные тишины, предрассветные часы,

увлечённую своим странным занятием.

Он осторожно постучал в дверь наверху. Тихо, чтобы соблюсти приличия и настойчиво, чтобы дать понять, что надо открыть. Очевидно Джейн продолжала крепко спать и Макс повторил свою попытку, но теперь уже не стесняясь своего неурочного для неё, дневного визита. Костяшки пальцев ощутили массивность двери и уже через некоторое время там послышался шорох. Потом опять всё смолкло и где-то минут через пять наконец, в проёме показалась хозяйка квартиры. Она сначала подозрительно зыркнула из темноты и только удостоверившись, кто стоит по ту сторону, отворила больше.

Макс старался быть любезным, насколько это требовало его положение. Когда он вкратце изложил ей суть своего вопроса, эта доморощенная художница-декоратор была несказано удивлена.

- Это выглядит очень мило...

Произнесла Джейн заспанным голосом, недовольная по всей видимости тем, что её потревожили понапрасну. Трудно было понять, то ли она делалась, то ли действительно туго соображала. Макс постарался собрать воедино всю свою вежливость, чтобы объяснить этой дуре, что она может расписывать что угодно в своём жилище, но не касаться ничего другого, что находится за пределами её квартиры. Беседа подействовала благотворно и не позже чем через несколько дней ступеньки приняли свой первоначальный вид. Прошло ещё пара, тройка дней и опять раздался стук в дверь. Это был её сосед по парадной. Теперь он находился в лучшем расположении духа и пришёл со словами благодарности. При этом, он как-бы невзначай заметил о чрезмерном шуме своего кондиционера. Вся его признательность тотчас смазалась на нет этим неуместным замечанием.

«... Господи, не могут по человечески, ну что за люди? И на кой... он сейчас ему нужен? Совершенно не жарко. Зима на улице!»!

Подумал Макс и ещё как предчувствие, закралась мысль, что этот хреновый эстет не даст ему теперь покоя. Будет досаждать, как карликовый пинчер, которого хочется удавить через пять минут после того, как тот не может остановиться лаять и закрыть наконец, рот. И гавкает вроде безобидно, но назойливо до тошноты.

Посетитель что-то продолжал занудливо плести и от него побыстрее хотелось отделаться. Пока они беседовали возле двери, зазвонил телефон.

- Макс!

Это была Речел и её голос звучал возбуждённым. Макс извинился и попрощался с этим надоедливым визитёром. Она позвонила очень кстати, избавив его от необходимости придумывать способ закончить это беспредметное переливание из пустого в порожнее.

- Нам с тобой определённо везёт на события. По-моему, я отыскала ту картину, о которой ты мне говорил «Жещина на фоне иконы». Очень похоже на то, что ты рассказывал. Не так много работ писалось в начале века на досках красного дерева.

У Макса захватило дух

- Ты уверена, что это она?

- Почти.

-Как тебе это удалось?

Он всё ещё не мог поверить.

-Долгая история, но если в двух словах, случайность. Чистой воды случайность. Я знакома со многими, кто занимается продажей антиквариата и живописи, в частности. И вот представь себе, встречаю одного из них и по старой дружбе обещаю ему небольшую консультацию для одного из его клиентов. Тот показывает каталог аукциона с двумя этюдами, которые он бы хотел купить, но не решается без мнения специалиста. Творчеством именно этого художника несколько лет назад занимался один из отделов Вашингтонской национальной галереи и я имела самое непосредственное участие к этому исследованию. Уже после встречи с этим человеком, машинально перелистываю каталог, который он он принёс и натякаюсь на странно знакомое название картины. Там же оказалась её фотография и описание.

- Автор Т. Флей. Подпись справа внизу, T. Fleu. Ориентировочная датировка, 1910 год. Размер 22 x 18 дюймов. Масло. Основа, грунтованная махагониевая доска.

Ну что, совпадает?

И последнее, лот номер 43. Торги продлятся три дня. Она назвала стартовую и ожидаемую цену, вполне нормальное условие аукциона. Речел была очень довольна собой и как бы она не пыталась быть выше ожидаемой похвалы, всё равно ей хотелось услышать признание своих заслуг.

- Что скажешь?

Макс не знал, что ответить. Менее всего в его планы входило сейчас лететь в Нью-Йорк и принимать участие в аукционе.

«...И с чем участвовать? Не поедешь же право, имея на кармане сумму впритык.

Да и цена не фиксированная, на то и аукцион.»

В его голову вдруг пришла аналогия, которая, если разобраться, выглядела совсем не неожиданной.

«...Точно так же, много лет назад эта картина продавалась и упусти его дед шанс, так бы и жалел всю жизнь...»

Лишь только подумав об этом, Макс уже ни капли не сомневался. Все остальные доводы просто теряли смысл и уходили на самый дальний план, если вообще оставались.

«...Картину надо выкупить, такого другого случая не представится. Что-нибудь придумаю...»

Он не был человеком порыва и привык всё взвешивать перед тем, как перейти от намерений к действию. Правда, не всегда и это оказалась одна из тех ситуаций.

- Речел, у меня нет слов, ты просто умница!

Я вылетаю. Скажи мне, где я смогу тебя найти.

- Макс, не торопись.

Она хотела немного остудить его пыл.

-Я звоню тебе не только, чтобы сообщить об этом.

-Что-то ещё?

Макс растерялся.

-Нет.

Речел рассмеялась в трубку.

Я хотела тебя попросить об одном большом одолжении. Пожалуйста, не отказывай мне.

В её голосе проскальзывала мольба.

- Да, Речел.

- Макс...

Она произнесла это очень твёрдо.

- Тебе никуда не надо лететь. Я всё сделаю сама. Можешь быть уверен, картина окажется у тебя.

Встречай меня через неделю.

Он хотел что-то возразить, но она была неумолима. Назвала номер рейса самолёта и специально перевела разговор на другую тему. Не согласиться он не мог. С самого начала можно было предвидеть тщетность, а главное, абсолютную неуместность таких попыток. Для Макса не составляло особой сложности понять её не такие уж непредсказуемые мотивы.

«...А как бы он поступил на её месте?

Распластался, но сделал всё возможное. И невозможное тоже.»

Повесив трубку, он вдруг обратил внимание, что от сильного волнения немного дрожат руки.

«Господи, хоть бы всё получилось..!»

Из головы не шли последние слова Речел и то спокойствие, с которым она их произнесла. Это не был жест благородства с её стороны или старание любой ценой заслужить его доверие. Даже преследуя возможно свои, какие-то ему совершенно неведомые цели, она ни на грамм не позволила себе преступить его щепетильность и оскорбить небрежной готовностью состоятельной женщины, заплатить самой.

Трудно переоценить ощущение внутренней сопричастности к себе подобному. К счастью, это происходит крайне редко и душа немедленно откликается, не развращённая обыденностью контакта с родственной натурой.

Больше Речел не звонила и Макс начал понемногу переживать о результатах аукционных торгов. Ему казалось, что в какой-то момент времени, ей может не хватить доли необходимого безумия, которое толкает человека на поступки неординарные, но опрометчивые в глазах людей рассудительных. Единственное, что успокаивало, это её слово. Речел как-будто знала всё наверняка и уже распоряжалась этой работой. Дергать её попусту не хотелось и самым лучшим он посчитал проявить выдержку, дожидаясь её возвращения. Дни опять потекли в неизменном ритме, не прерываемые ничем примечательным.

Речел выполнила обещание. Когда Макс увидел её, спускающуюся на эскалаторе в аэропорту с большим плоским пакетом, он вздохнул с облегчением. Она привезла картину.

- Речел...!

Ты даже не можешь себе представить, насколько я счастлив тебя видеть.

Она обняла Макса.

- Ну вот, мне не в чем себя упрекнуть и хотя я пообещала достаточно неосторожно, удача была на моей стороне.

Она поправила волосы и мельком взглянула на своё отражение в затемнённом стекле холла.

- Если бы ты знал, как я безумно устала. Совершенно сумасшедшая неделя.

Макс бережно подхватил пакет.

- Я очень тебе благодарен. Нет слов...

- Ох Макс, в последнее время моя жизнь превратилась в круговорот событий и я с нетерпением жду нового дня. Трудно сказать, кто кому должен быть благодарным.

Одно бесспорно, эта работа действительно заслуживает внимания. Я право, даже не ожидала...

Они едва успели сесть в машину, как Макс ей признался.

- Есть два желания, от исполнения которых, зависит вся моя жизнь.

Речел рассмеялась.

- Твои желания легко исполнимы.

Est absent rien plus facilement.S'il vous plait! (Нет ничего проще. Пожалуйста! фр.)

Она стала разворачивать пакет. Картину тщательно упаковали, к ней было приложено сопроводительное письмо от организаторов аукциона, в котором они рассыпались в своей признательности по поводу участия в этом мероприятии. Наконец, из бумаги показалась лицевая сторона доски. Макс почувствовал, как забилось сердце, когда его рука ощутила её тяжесть и ком подступил к горлу...

С картины в упор на него смотрела женщина, на заднем плане виднелась икона.

- Боже, я не могу поверить.

Слёзы выступили у него на глазах и он не стеснялся этой своей слабости. Речел со странным чувством сопереживания и восхищения смотрела на его реакцию, то ли волнуясь как и он, то ли сожалела, что вся её жизнь прошла в основном с людьми бесстрастными и неспособными вот так открыто показывать свои эмоции, не заботясь о собственном имидже в чужих глазах.

Макс оторвавшись на секунду от своего сокровища, взглянул на Речел совершенно ошалело и порывисто схватив её за руку, прижал к своей груди.

- Речел, могу тебе смело признаться, что для меня этот момент пожалуй, самый важный за последнее время!

Он опять вернулся к картине и пристально изучал все малейшие детали. На слегка заваленных краях основания заметно облупилась краска, обнажив грунт, дерево от времени немного изогнулось, но так же ярко горели краски и по-прежнему пронзительным оставался взгляд неведомой модели, обращённый к ним через почти столетие.

Речел хорошо понимая его состояние, предложила сесть за руль. Макс виновато улыбнулся.

- Прости меня, я очень взволнован.

Он неожиданно ощутил потребность закурить, хотя бросил уже очень давно.

- Всё в порядке. Я уже пришёл в себя.

Макс медленно тронулся, всё ещё не в силах поверить, что после долгого путешествия эта работа

наконец, рядом, сменившая стольких хозяев, которые видели в ней чаще товар, чем её истинное предназначение.

- Вот видишь, я знала, что мой талисман принесёт удачу. Я с ним уже не расстанусь никогда.

Речел достала из отворота блузки золотого кабанчика, который теперь висел на кожаной тесёмке.

- Он был со мной на торгах и помог быть впереди всех конкурентов.

- Много было желающих её приобрести?

- Не очень, но всё равно, меня не покидало ощущение присутствия его магической поддержки

- Как твоя дочь? Ты с ней поделилась всем происходящим?

Макс уже обрёл способность думать и об остальном.

- Она тоже участвовала в аукционе, правда, вместе со мной. Когда я ей рассказала предисторию того, что нам предстоит купить, она была готова разорвать на клочки всех возможных претендентов. Теперь она нисколько не сомневается, что и она похожа на всех наших женщин в роду и мечтает с тобой познакомиться. Ты оказался для неё живым продолжением этой романтической саги.

- Как и ты Речел.

Она нежно посмотрела в его сторону.

- Как и я...

Вскоре они были у Макса. По дороге он то и дело оглядывался назад, где за сиденьями покоился пакет с картиной, лишней раз желая удостовериться в его сохранности. Речел уверенно переступила порог. Она уже достаточно освоилась в этом месте и чувствовала себя здесь легко и непринуждённо. Оглядевшись, Речел отметила, что её ждали и подготовились. Стол был накрыт на две персоны. Макс перехватил её взгляд.

- Ты не против, если мы поужинаем здесь? Я не могу похвастаться своими кулинарными способностями, но на кое-что я всё-таки горазд. На десерт мы имеем суфле из ресторана.

Он помог ей снять куртку.

- Для начала мы отметим ваше возвращение. Не удивляйся, эта картина для меня почти живое существо.

Он открыл шампанское.

- За тебя Речел. Я безмерно благодарен за всё, что ты для меня сделала.

Уже в конце ужина она как-бы невзначай, проговорила.

- Я говорила с Трейси, когда была в Нью-Йорке. Она мне позвонила.

Макс понял, что это замечание неспроста.

- Как она? Всё в порядке?

- О, да. Я с ней поделилась и на неё все наши события тоже произвели впечатление. Надо признаться, они выглядят достаточно неправдоподобными для реальной жизни. Мне и самой порой не могу поверить.

Макс положил свою руку на её.

- Речел, у тебя есть весомые доказательства.

Он взглядом указал на картину, которая занимала почётное место. Он поместил её в кресле и она стояла там посреди комнаты. Макс знал, что последует продолжение разговора, связанного с Трейси и не ошибся.

- Она хотела бы видеть тебя у себя в гостях.

Макс слегка смутился.

- Нас?

Рейчел загадочно улыбнулась.

- Конечно, нас.

- Расскажи мне о ней. Неплохо знать минимально о человеке, с которым предстоит встретиться.

Надеюсь, я заслужил такое право.

- Макс, она моя самая близкая подруга.

Он добавил в бокалы вина и поднял свой, приглашая присоединиться.

- Речел, в этом я уже успел убедиться.

Макс хотелось осторожно выпытать хоть что-то и тем самым пролить свет на свои сомнения. Это был подходящий момент.

- Такая загадочность делает тебя ещё более привлекательной. И всё же?
- Что ты хочешь услышать?
- Ну как тебе сказать? Ну, хотя бы к примеру, ты единственная, кто ей близок?
- Иными словами с кем она, кроме меня, проводит время? Это тебе хочется узнать?
- И это тоже. Она замужем?

- Да.

- И кто же он?

- Макс, от того, что я тебе назову его имя, ровным счётом, ничего не изменится. Он ей купил этот дом, а сам живёт в Нью-Йорке. Не думаю что она бы проявила желание, чтобы я обсуждала с кем-нибудь её дела.. Ведь ты не хочешь рассказывать о своей прошлой жизни.

- Речел, всё очень сложно объяснить. Мне нечего скрывать, просто есть вещи, которые живут только со мной. Не обижайся.

Он подошёл к ней сзади и наклонившись, поцеловал её в шею.

- Прости. Я больше не буду ни о чём спрашивать. Обещаю и сделаю всё, что доставит тебе удовольствие. Всё!

На последнем слове он сделал красноречивое ударение, уже не испытывая каких-либо иллюзий по поводу предстоящего визита. Потом заглянул ей в лицо и весело поинтересовался.

- Какая форма одежды? Торжественная? Смокинг? Признаться, у меня его нет. Кстати, на когда мне назначена аудиенция?

Макс пытался сгладить своё, как ему показалось, неуместное любопытство. Речел обхватила руками его голову и прижала к себе.

- Нам. В следующую пятницу. Ты свободен?

Макс не отвечал и лишь добравшись губами до её уха , прошептал.

- Ты помнишь о моём втором желании?

Среди ночи Макс вдруг вспомнил эту беседу. Рядом безмятежно раскинувшись на постели, спала Речел. Она неожиданно проявила желание с ним остаться, чем бесконечно его обрадовала. Макс хотел бы провести с ней ночь, но надежда была крайне слабой, её непредсказуемость продолжала его держать в лёгком напряжении, которое в таком возрасте уже обычно не свойственно ни в мимолетной интрижке, ни в более серьёзных отношениях.. То ли она действительно очень устала и её расслабил алкоголь, а быть может что-то ещё, во всяком случае, после ужина Речел удобно устроилась на диване и уже не вставала оттуда. Макс укрыл её ноги пледом и подал ликёр из дикого мандарина.. В сочетании с миндалём, который добавлял едва уловимую пикантную горечь, он приятно согревал и от него по телу разливалась истома. Макс сидел рядом и так проговорив, они не заметили, как у обоих начали слипаться глаза. Речел решила принять душ и вышла оттуда уже в его халате. Заметив недоверие в глазах Макса, она совершенно невозмутимо и насмешливо спросила.

- Уж не намерен ли ты остаток сегодняшнего вечера провести наедине с картиной..?

Теперь он лежал и думал о ней со смешанным чувством, по-прежнему безуспешно пытаясь проникнуть в своих догадках к сути того, что её связывает с Трейси. Эти размышления цепко привязались к нему и всё чаще не давали покоя. Сон прошёл и в голову лезли всякие мысли. Ночью их присутствие особенно ощутимо. Думы объёмней, ярче образы.

«...Подруги и только? Чёрт возьми, где же ответ...».

Сколько раз он уже задавал себе один и тот же вопрос. Скорее всего, Речел ничего не подскажет и для него всё так и останется пока, загадкой. С другой стороны, его увлекала неизвестность. Эта необычная ситуация тогда в доме...

«...А может действительно, они таким образом развлекаются? Тогда зачем им он? Для подобных занятий нужен исключительно самец, выносливый и неприхотливый, с концентрацией всей внутренней энергии в одном единственном месте. Нашли бы себе молодого пацана и использовали его, как хотели.»

В такой крайности Макс был не уверен.

«...А захотел бы он иметь дело с молодыми девицами? Пожалуй, что нет. То же самое, что есть неспелый плод, обманчиво привлекательный. Больше разочарования, чем наслаждения от вкуса. Сплошной самообман. И вообще, с возрастом для мужчины связь с женщиной лет на двадцать, двадцать пять моложе, имеет уже совсем иную окраску. Как для одной, так и для другой стороны. Даже, если бы такое и произошло, то наверное, ему было трудно избавиться от ощущения, что как партнёр он представляет собой какой-то очень определённый интерес. Совсем не тот, чтобы ему хотелось. Ну, например... Молодую и загадочную фею в нём привлекает приобретённый и опробованный годами, жизненный опыт..? Или финансовое покровительство? Пожалуй, последнее, пошловато.

...Sugar-daddy...» (Сладкий папочка, состоятельный любовник в возрасте. Амер. разг.)

Макс представил себе на минуту, как двадцатилетняя длинноногая блондинка капризно дует губки и зло показывает язык ему вслед.

« И что она может дать взамен..?

М-да... Немного.

Впрочем, это его сугубо личное восприятие. В действительности, сколько людей, столько же и ситуаций, в которых каждый находит свой собственный резон. Разные причины, обстоятельства, в конце концов, желания. Да мало ли? Каждый имеет право на неподконтрольные мотивы. Никто особо не в них не копается, да и что там искать?

Тогда, может и у Речел с её подругой подобные настроения, и им нужен мужчина с устойчивым рефлексом на тонкий вкус? Потребность-каприз в эстетике с избытком тестостерона в крови? Если так, то каждой сестре по серьге. Удобней всегда иметь возле себя собственного партнёра и утолять свою жажду сполна. Или не всё так просто?»

В своих размышлениях Макс словно наткнулся лбом на толстую стеклянную дверь. Прозрачную,

чтобы её не заметить и основательную, чтобы стать для него преградой. Ни один из вариантов, что он пробовал проиграть, совершенно к ним не вписывался. Одно взаимоисключало другое. Макс не находил логику и уже твёрдо знал, что Речел и Трейси совсем другой круг, с которым он не соприкасался до сих пор. Другая сфера, где судя по всему, совсем иная структура отношений. Он уже интуитивно это предвидел. На неё не распространяется обыкновенное понимание и его пока, в том числе.

«...Кто среди них лидер? Трейси? Сначала ему показалось, что именно она доминирует, но теперь он бы так не подумал. Трудно сказать, что Речел под её влиянием. Она не кажется тем человеком, который хочет, чтобы им управляли. Позволяет снисходительно проявлять превосходство, умело направляя дружбу в нужное ей русло? Так бывает. Странная связь...»

Макс вспомнил о картине.

«... Не в его привычках принимать такие дорогие подарки. С другой стороны, заговорить о возмещении стоимости, значило бы очень сильно обидеть Речел».

В этом он не сомневался.

«...Для неё их встреча навсегда останется частью её памяти и не самой худшей. Дело в том, как они оба воспринимают участие друг друга в собственной жизни и здесь бесспорно, не место деньгам. Если он хочет быть благодарным, то лучше это сделать с её позиций и как ему кажется, она уже высказала свои пожелания. Вот так... Неизвестно что проще, жить среди приземлённых и предсказуемых натур или оказаться невольным заложником чужих, не всегда понятных, фантазий».

Макса заинтриговал предстоящий визит. Он вовсе не делал одолжение Речел, как бы старательно Макс не пытался выдать из себя доказательство своей признательности. Наоборот, перспектива оказаться опять наедине с двумя этими женщинами ему представлялась очень заманчивой.

«...Ну и как теперь будут развиваться события и какой юбилей мы будем отмечать на этот раз?»

Сказать по правде, больше всего Макс опасался сюрпризов.

«...Одно дело, живо откликнуться на приглашение поучаствовать в любовной игре и другое, опять столкнуться с тем, чего менее всего ожидаешь.

У-у-упс...»

Речел как обычно, не договаривала, впрочем и Макс больше не трогал эту тему. Излишние расспросы были бы ни к чему. Он лишь предварительно уточнил, когда его ждут и вовремя подкатил к дому с двумя букетами. После всего того, что с ними тогда произошло, выбор цветов для Макса был принципиальным шагом. Ему хотелось доставить Речел удовольствие и он решил прибегнуть к такому средству, в которое он вкладывал свой собственный смысл...

Только один магазин во всё этом гигантском городе мог удовлетворить его требования. С виду обычный супермаркет, каких по несколько в каждом районе, разве что специфически расположенный. Случайно в нём оказавшись однажды, Макс был поражён разнообразием и свежестью представленной там флоры. Громадный отдел, больше похожий на оранжерею ботанического сада, буквально ломился и благоухал. Сказать, что с ним не могли конкурировать даже специализированные шопы, значило бы сказать ничего. Чего здесь только не было? О гвоздиках и говорить не стоит. Их везде непроходимые завалы, что даже и неприлично обращать внимание на их тугие снопы. Берберы, гиацинты, лилии. гладиолусы... Экзотические пришельцы, по-королевски бестыдно роскошные, о которых Макс и не слыхивал и даже скромные полевые васильки. Лишь в этом единственном месте он надеялся найти, что искал для того, чтобы скомпоновать два этих букета. Ехать было недалеко и уже вскоре Макс заметил две характерные фиолетовые полосы на магазинном фасаде.

Из всех городских районов, где ему приходилось бывать по тем или иным причинам, этот был особенный. Он с первого взгляда отличался от всех остальных нарочитой и даже подчёркнутой чистотой. Не место для проживания, а какая-то выставка достижений народного хозяйства. Вылизанная показательность, которая немедленно бросается в глаза в виде утверждающего символа, чего может добиться группа людей, объединённых своей гомосексуальностью. Она сквозила отовсюду. С белизны чётко обозначенной пешеходной зебры, от сочной зелени травы на газонах, подстриженной, как-будто час назад, словом, во всём окружавшем его образцовом порядке, глаз не находил никакого, даже малейшего, изъяна. Макс не мог отделаться от ощущения, что он в квартире своих жильцов

геев, настолько вся здешняя атмосфера была пропитана однополый любовью. Пока горел красный свет светофора, он остановившись, наблюдал с перекрёстка, как по тротуару неторопливо и чинно прогуливаются, взявшись за руку молодые люди с лебединой верностью в глазах и воркуя, как голубки со сладких открыток ко дню Святого Валентина.

Макс хорошо знал это место. Прямо на углу находился популярный в округе ресторан под безобидным названием «Ночной дозор». Его он приметил уже давно, безошибочно асоциируя вывеску со знаменитым Рембрандтовским шедевром. Каждый раз проезжая по этой улице, он не мог не обратить внимание на огромную копию известного полотна на центральной стене, которая была хороша видна через широко открытый входной проём. Макс всегда специально притармаживал, пытаясь её получше разглядеть. Издали копия выглядела, как фреска и однажды он из любопытства туда зашёл...

Работа оказалась очень большой. Впрочем, о её размере можно было судить по тому фрагменту, что он уже видел с улицы. Выполненная конечно же, не в технике «*Buon Fresco*», а акрилом, но довольно неплохо и даже с претензией на игру света и тени. Здесь этот известный групповой портрет роты стрелков Кока и Рейтенбурга имел наверно, несколько другой смысл, чем его оригинальный. Под ним за столиками сидели в обнимку отнюдь, не последователи героев гражданского ополчения, а люди с другим отношением к себе и своему жизненному предназначению.

Идея композиции букетов возникла мгновенно, стоило ему только подумать о том, куда он идёт. Макс необычайно живо представил себе, как они будут смотреться и сам порадовался необычному замыслу. В дороге мысль окрепла и он только молил бога, чтобы там оказались нужные ему цветы. На довольно просторной парковке не было ни одного места. Собственно, этим магазином пользовались не только здешние жители, но и люди из соседних районов. Он сделал круг, затем следующий, выглядывая куда можно втиснуться. Наконец, из дверей показался мужик с тачкой, наполненной купленными продуктами и направился к своей машине. Макс тут же за ним пристроился и стал ждать, пока не освободится место. Не окажись он там и вероятней всего, этот человек незамедлительно бы уехал, но завидев ожидающий в нескольких метрах от себя «Мерседес», он как бы нарочно начал тянуть время.

«... Вот ублюдок», - подумал Макс

Размеренно и аккуратно, пакет за пакетом, он явно не торопился, искоса злорадно поглядывая на теряющего терпение, владельца дорогой европейской марки. Наконец тачка опустела и тот начал усаживаться. Прошло ещё пару минут, пока он не открыл окно и начал поправлять зеркало бокового вида. Это уже было слишком и Макс ему посигналил. Тот как ни в чём не бывало, продолжал устраиваться поудобней, застегнул ремень и даже завёл двигатель, подыскивая чем бы ещё себя занять, чтобы побольше досадить тому, кто так неблагоприятно проявил нетерпение.

«... Ну, отъехал уже!»

Трудно было поверить, что он когда-нибудь тронется. Наконец зажглись стоп сигналы и машина стала сдавать задом. Уже, когда она проезжала мимо, Макс пытался поближе разглядеть этого человека. В кабине сидел белый американец, немолодой, с каменным бульдожьим лицом и тупо смотрел вперёд. В его глазах, спрятанных в тени козырька традиционной бейсбольной кепки, читалась чванливая надменность и уверенность в неприкосновенности своих прав, незыблемая, как бетонная стена. Широкий кремовый Кадилак проехал буквально в сантиметрах от Мерседеса и уже отдаляясь, водитель нажал на клаксон, словно отвечая со злостью на то, что его подгоняли.

«... Чистый козёл...»

Макс даже не удивился. В реакции отъехавшего субъекта он легко узнавал уже хорошо ему знакомое, лицемерное отношение ко всему на свете. Ни на йоту не поступиться своими удобствами, но зато улыбаться, что есть мочи по любому поводу и без него, изображая из себя само добродушие.

В дополнение, из окна высунулась рука, сложенная в кулак с оттопыренным средним пальцем. Классический жест, которым пользовались мужчины и женщины, несмотря на его грубый и похабный смысл, очень сознательно желая нанести оскорбление другому водителю. Но только, с безопасного расстояния и сполна убедившись, что ты недосыгаем. Редкий образец безмозглого эгоизма, трусости и пренебрежения на справедливое замечание, но увы, так широко распространённый в желании игнорировать всех и вся.

Макс тут же забыл об этом. Так из головы вылетает мимолетная мысль о нехоти сломанном, карандашном грифеле, ещё так остро отточенном секунду назад. Минутная досада, но не более того. Он думал только о цветах.

Магазин на удивление, оказался почти безлюдным, несмотря на забитую стоянку перед ним и когда Макс объяснил продавцу, что ему нужно, тот просто просиял от восторга. Парень был из местных и на него можно было положиться. В его безупречном вкусе не приходилось сомневаться, глядя на то, как этот мускулистый атлет самозабвенно отдаётся своему, казалось бы, совершенно не мужскому занятию. Две дюжины роскошных роз, выбранных Максом, он тщательно отсортировал по цвету и размеру. Они были тёмно, тёмно фиолетовые, почти чёрные. В их середину Макс попросил вставить крупный ярко красный антуриум и только после этого слегка оживить края зеленью и белой мелкой кашкой. Тонкие высокие стебли изящно перетянула широкая золотая лента и поверх её, алая, пауза. Когда букеты были готовы, Макс понял, что достиг своей цели. Они выглядели необычно. Строго и вместе с тем, волнующе эротично. На всём своём пути, от входа до машины, он то и дело ловил на себе любопытные взгляды, проходящих мимо мужчин.

Дверь открыла Трейси. Сзади стояла Речел. Макс с интересом наблюдал, как они отреагируют и специально задержался на пороге. Он уже предвидел, что цветы произведут должное впечатление и праздновал свою маленькую победу.

- Дамы, это вам.

Лицо Речел незаметно тронула улыбка, ей по всей видимости затея Макса пришлась по душе. Она молча взяла свой букет и поднесла его к лицу, вдыхая розовый аромат. Трейси немного растерялась, но только на секунду. Она не ожидала от Макса такой готовности принять условия, дирижируемого ею спектакля и играть со всеми на равных. Это не был вызов и не желание показаться способным на эксцентричность, но своими действиями он без колебаний ставил себя на совершенно другую ступень, как бы подчёркивая, что годится не только для роли марионетки в чьих-то искусственных руках.

- Прекрасный букет, Макс. Я очень тронута.

Голос Трейси заметно потеплел.

- Я старался. Нелегко угодить изысканному вкусу, но найти подсказку мне помогли мелодии Жобима. Не эту ли тему мы обсуждали в прошлый раз?

Трейси протянула руку и он едва согнувшись, едва коснулся её губами. Потом подошёл к Речел. В её глазах Макс заметил торжество, не преувеличивая, она почувствовала гордость за его такой неординарный подарок.

«...Браво, Макс!

Я убедилась ещё раз, что в тебе не ошиблась...»

Он как-бы слышал себе похвалу, склонившись в поцелуе над её рукой.

Эта была прекрасно сыгранная увертюра. Не всем нужны слова или намёки и тот кто ждёт от других умения улавливать капризы своего настроения с благодарностью внимает незаметным, но очень понятным знакам. Язык, которым можно искусно владеть, но пользоваться редко и только в исключительных случаях.

Они прошли вовнутрь и Трейси предложила выпить. Как и тогда, в прошлый раз, они начали джином с тоником, а Макс предпочёл рюмку водки. Алкоголь рязрядил первую скованность и сделал обстановку окончательно непринуждённой. Все сразу ощутили всякое отсутствие напряжения и Макс уже с уверенностью предложил за ними поухаживать.

- Хозяйка позволит мне занять место бармена?

- Макс, окажи нам такую любезность. Если ты точно так же делаешь коктейли, как выбираешь цветы...

- Скажи честно, где продают такие букеты?

Он попал в точку. Трейси не осталась равнодушной к проявленному вниманию и похоже он не зря приложил столько стараний. Её скрипка здесь была явно не последней, если не сказать больше о той уверенности, которую может испытывать умная женщина на своей территории.

«...Как знать, если он сможет заслужить её великодушие, может она уступит ему Речел? Хотя бы

ненадолго.»

Он обернулся и произнёс.

- По-моему мне льстят. Я не стою таких похвал. Ты не находишь, Речел?

Она рассмеялась.

- Не скромничай. Лучше наследовать таланты, чем заболевания. И то и другое генетика.

При этом она переглянулась с Трейси.

- А действительно, где? Вдруг и мне захочется преподнести кому-нибудь из своих близких что-нибудь в подобном роде.

- Речел, свой лучший подарок ты уже сделала. Ты кстати, рассказывала о своей беспрецедентной победе на аукционе? Я до сих пор не могу прийти в себя от безмерной благодарности.

Она слегка зарделась от признания её заслуг.

- Если ты ещё не успела похвастаться Трейси, то позволь это сделать мне.

Речел запротестовала.

- Только после приготовления коктейля и мы к тому же, так и не получили ответ на первый вопрос.

Так где?

- Ах девушки, не так просто признаться в авторстве.

- Макс, ты!

Она подскочив, чмокнула его в щёку.

- В тебе живёт талант флориста. Впрочем, я так и думала, что ты способен приятно удивлять. Теперь давай посмотрим, что же ты нам собираешься предложить в качестве другого своего дарования?

Макс заглянул под стойку бара, потом проскользил взглядом по ряду бутылок на полке сверху и поинтересовался у Трейси.

- Как насчёт вишнёвки? Это не очень благородный напиток, но зато необходимый ингредиент. Если её нет, то у меня есть другой вариант. С таким выбором это будет несложно.

Ассортимент бара действительно позволял варьировать, тем не менее, она охотно спустилась вниз и принесла то, что он просил.

- Отлично. Я вам приготовлю «Красный поцелуй». Идёт? Если мне не изменяет память, это был любимый коктейль одного очень известного современного испанского художника. Пять минут на размышление.

Макс развлекал их своими разговорами, ловко орудуя бутылками. Подруги, пока не вдаваясь в комментарии, невольно наблюдали за его движениями. Это был профессиональный рецепт, которым с ним как-то поделился один из его жильцов. Практически всё всегда под рукой, сухой мартини, джин, вишнёвка, ну и конечно, лёд. Наипростейшие и качественные компоненты, всегда залог хорошего результата.

- Не догадываетесь кого? А ведь именно, этот напиток так ему пришёлся по душе во время его жизни здесь, в Калифорнии.

Трейси недоверчиво слушала.

- Дали? Можно было бы в качестве подсказки напомнить, что-то более значительное из его биографии. Ну хотя бы, что он к тому же, один из авторов «Андалузского пса»? Я надеюсь, тебе известно о его увлечении кинематографом? Истинный талант всегда многогранен.

Она с готовностью подхватила свой бокал. Коктейль ей понравился. Он был немного крепковат, но не настолько, чтобы захватывать дух. Почти закончив его и совершенно расслабившись, она то ли шутливо, то ли почти всерьёз спросила у Макса.

- Уж не хочешь ли ты нас спойть, чтобы уберечься от наших желаний?

Похоже, как и Речел, Трейси тоже мало заботило, что о ней могут подумать и она не боялась смутить своего собеседника ни действиями, ни тем более, словами. Несомненно, такой подход к реальности только освобождал её волю и она не видела причин отказываться от своей прямоты. То, что он здесь второй раз, подтверждало её к нему расположение. Об этом Макс помнил постоянно и был настороже.

Он тут же подчёркнуто смиренно, как послушник, уверенный в неоспоримости слов своего наставника, заметил.

- Чего хочет женщина, того хочет Бог.

При этом он взглянул в сторону Речел.

- Не так ли говорят на родине твоих предков? Я придерживаюсь того же мнения и добавлю уже кое-что из собственного опыта. Не отталкивай опрометчиво от себя то, что само идёт в руки, в следующий раз вполне можно оказаться ни с чем.

Трейси удивлённо вскинули брови, а Речел при этом подарила ему несколько аплодисментов..

- Мысль, достойная стать афоризмом.

Беседа принимала едва завуалированный игривый характер. С Максом вдруг произошло невероятное и он уже безошибочно подбирал единственно верные слова чужого ему языка. Это было как озарение. Фразы вдруг обрели неожиданную для него самого, плавную лёгкость и не были больше тем деревянным разговором иностранца, в которой напрочь отсутствовал неповторимый вкус родной речи и естественность в её использовании. Между делом он успел приготовить ещё один коктейль, но очень лёгкий. Разлив его в высокие узкие стаканы, он почтительно поднёс их каждой.

- А ты оказывается, философ.

Трейси подхватила новую порцию.

- И к тому же, опасный. Такие, как ты подталкивают своими с виду безобидными и невинными рассуждениями, к краю пропасти. Я уверена, что ты даже не испытываешь при этом рассказывая и с удовлетворением наблюдаешь за невольными жертвами и их дальнейшими действиями.

Она похоже, разглядела наконец, в нём достойного партнёра для них обеих.

- Трейси...

Макс опять занял своё место за стойкой бара и уже оттуда продолжал.

- А не кажется ли тебе..., что на самом краю стоят по собственному желанию и уж подавно, не спрашивают ничьего совета, как поступить дальше?

Внезапно он уловил ту мысль, о которой Трейси и сама неоднократно задумывалась раньше.

- По моим наблюдениям, оттуда не только один путь. Конечно, будучи неосторожным, легко свалиться вниз и переломать себе все кости, но ведь можно и взлететь. Я вижу такую перспективу...

Ничего не ответив, Трейси лишь поощрительно улыбнулась и отпила из своего бокала. Уже после первого глотка, она мечтательно зажмурила глаза.

- У тебя лёгкая рука. Речел, может переманим Макса к себе? Он будет нам готовить напитки, а в перерывах вести тончённые беседы, вплетая в них свои афоризмы. Мне определённо нравятся его идеи.

Речел, грациозно покачивая бёдрами, подошла сзади к Максиму и положила ему руки на плечи.

- Боюсь, что не удастся. Он принадлежит к той категории людей, которые не падки на посулы и не разменивают принципы. Он также независим, как и его талантливый предок и не продаётся, как многие.

Её прикосновение было мягким и разливало по телу приятное тепло. Макса более не беспокоили возможные сюрпризы. Он втайне надеялся на поддержку Речел и очень хотел уловить, что её лично привлекает в таком треугольнике. Даже пытаясь мысленно проиграть свою партитуру, ему было не под силу разгадать их тайные наклонности. То что они существуют он уже не сомневался. В прошлый раз всё произошло спонтанно и теперь, они не захотят ничего комкать.

- Вот как?

Трейси уже не шутку заинтересовалась.

- И ты Макс, так считаешь, что есть люди, которые не продаются? По-моему, дело только в цене. От такого вопроса было уйти непросто, но он и не собирался.

- Я не адвокат всего человечества, но по правде говоря, не хотел бы испытать на себе такую жестокость, как испытание ценой. Я слаб и легко поддаюсь искушениям.

Закончил он шутливо.

- В особенности, если искуситель, женщина. Тогда я вообще, как расплавленный воск.

- Не всегда податливость, это признак слабости.

С этими словами Трейси допила свой коктейль и предложила немного подкрепиться. Она принесла потрясающее фаянсовое блюдо с закусками. Глядя на характерную яркую раскраску с преобладанием

тёмно синего и оранжевого цветов, у Макса почти непроизвольно вырвалось.

- «Дерута»?

Речел тайно показала ему поднятый большой палец руки.

«... Молодец, ты умеешь понравиться..»

Наверное, это она имела в виду.

- Трейси питает пристрастие к итальянской майолике и ты оказался очень наблюдательным.

Она произнесла это в тоне салонной беседы и тут же рассмеялась, обращаясь к подруге.

- Я говорила тебе, что оно выглядит просто великолепно!

Они ещё немного выпили и понемногу закончили содержимое блюда. Трейси, поставив его пустое на барную стойку, вернулась к прерванной теме.

- Кстати, Макс, ты никогда не задумывался над тем, что чаще всего не продаются те, кому никто не предлагает совершить такую сделку. Добродетель, это единственное, что остаётся у человека, ввиду отсутствия покупателя. Ты не согласен?

Макс было пытался возразить, но она его немедленно остановила.

- Вижу, что нет и тем не менее, не торопись. Подумай на досуге, я уверена, что у нас ещё не раз представится возможность обсудить содержимое всех потайных уголков человеческой души. Кто знает, может тебе и удастся убедить меня в обратном.

Всё!

Она захлопала в ладоши.

- Больше мы не погружаемся в мутные глубины человеческого сознания. Там так легко заблудиться и потерять ориентацию.

Трейси настойчиво хотела перевести разговор.

- Пусть лучше Речел поделится своими впечатлениями.

Никто не возражал.

Речел в живых деталях и с нескрываемым юмором описала весь свой аукционный день. Она была хорошей рассказчицей, от внимания которой не ускользнули некоторые занятные детали. Это не касалось непосредственно картины или разговора с дилером, а так её личные наблюдения и обобщения. О чём бы она не говорила, как-то само собой из её внимания выпадала тема, что имела значение для неё лично и Макса. Она то ли нарочно, а быть может, следуя своему настроению, не могла и не хотела её касаться, словно оберегая этот мир только для них двоих. Такая поддержка друг друга не обособливала их от Трейси, она лишь незаметно оставалась границей между тем, что принадлежало только им обоим и другой не менее важной реальностью.

Макс не забыл о своих обязанностях и приготовил ещё один лёгкий напиток. Спаивать женщин, отнюдь не входило в его намерения. Впрочем, они и сами знали свою меру и от последней порции пока отказались. Он чувствовал, что не ошибётся, если всё ради чего они здесь собрались будет, его начинанием. Трейси явно начинала томиться и он уже видел как у неё слегка подрагивают кончики ресниц.

- А где же ваши розы?

Он как-будто вспомнил о букетах.

- Не сомневаюсь, что они уже стоят у каждой в комнате возле изголовья кровати. Этот сорт распускается к вечеру и как раз сейчас цветы выглядят в полной своей красе. Я бы хотел проявить смелость и взглянуть, хотя бы краешком глаза, как мне удалось угадать цвет в этой композиции.

Макс приглашал в спальню.

- Трейси, может быть мы с Речел удостоимся чести увидеть твой букет первым?

Они обе улыбнулись. Трудно было сказать, чего в этих улыбках было больше. Удовлетворения от его сообразительности или какой-то другой скрытый для него смысл. Они с легкостью вспорхнули и подхватив свои бокалы поднялись на второй этаж. Трейси торжественно распахнула дверь и Макс увидел перед собой просторную комнату, убранную со вкусом, но не без претензий. Как и везде, здесь пол был затянут белым ковровым покрытием. От середины к задрапированному окну уходил невысокий подиум. На нём возвышалась кровать овальной формы, беспорядочно заваленная подушками. Перед ней

лежала пушистая овечья шкура, излучающая нежное тепло только лишь от одного соприкосновения взглядом.. Возле стен по обе стороны стояли парные консоли, на которых между двумя канделябрами с высокими свечами, по странному стечению обстоятельств, действительно стояли в вазах Макса букеты. Они выглядели роскошно, оттеняемые светлым тоном стен и всей обстановки.

Трейси жестом пригласила вовнутрь. Она приглушила свет, на ярко горевшей люстре и комната погрузилась в тёплый полумрак.

- Располагайся, мы скоро.

Они скрылись за дверью в ванной комнате и Макс остался в одиночестве. Он огляделся. Присесть было не на что. На единственном здесь кресле был кинут шелковый халат и он мог разве что присесть на подиум. Макс долго не стал раздумывать и скинув одежду, занял место по центру постели. Бельё было мягким и хранило едва уловимый запах гвоздики. Подушки он постарался сдвинуть на сторону, но они тут же упали на пол, сразу как-то оживив этим нечаянным движением чопорность окружающей обстановки. Он уже не стал останавливаться и полностью освободил всё пространство вокруг себя. Быть в одиночестве пришлось недолго. Поглощённый предстоящим, в этот момент Макс ни о чём не думал. Его даже не заботила мысль о своей роли и как он с ней справиться. Наконец из-за приотворённой двери показалась Речел, затем Трейси. Обе в лёгких накидках, под которыми угадывалась абсолютная нагота.

- О, да ты уже освоился. Ну, как моя постель?

Трейси ревниво хотела услышать похвалу.

- Если и существуют на земле райские места, то это бесспорно, одно из них.

Она как-то загадочно улыбнулась.

- Ты почти угадал. Теперь мы сможем воочию убедиться, насколько ты сам привержен к тому, о чём недавно говорил. Далеко не все пастыри верят в собственные проповеди и тем более безоговорочно следуют им.

Она насмешливо посмотрела ему в глаза. Речел молча подошла к канделябрам и зажгла в них свечи. После этого она величественно приблизилась к подиуму, оказавшись рядом со своей подругой. Только теперь Макс заметил в руках у Трейси небольшую сумочку из плетёного серебра, ту самую, что он видел тогда в своё первое посещение. Она казалось, ей очень дорожила, судя по тому, что этот предмет оказывался с в её руках в такие непредвиденные моменты. Легко открыв две небольшие редикюльные створки, Трейси достала оттуда крохотную шкатулку, с очень характерной росписью лиможского фарфора и присев на краешек постели, бережно открыла крышку.

- Не только ты один сегодня наш гость.

Рядом с другой стороны заняла место Речел.

- Эта «Белая дама» хочет с тобой познакомиться.

Трейси медленно протянула ему шкатулку. В ней оказался белый порошок. В полумраке комнаты Макс его, едва заметил.

- Теперь нас четверо и нам больше никто не нужен.

Она неспеша вынула из сумочки стеклянную трубочку. Один край её был узкий, другой пошире. Оттуда же появилось и овальное зеркальце, достаточно крупное, на поверхность которого Трейси достала содержимое из шкатулки и насыпала его в небольшую кучку. Макс этот белый бугорок показался миниатюрной снежной горкой, похожей на ту, с которой он катался на санях в детстве. Его поразила необыкновенная белизна мельчайших кристаллов на поверхности, отражающей неяркий свет люстры. Трейси неторопливо и аккуратно размельчила все слежавшиеся комочки и разделив всё на три части, выложила каждую в узкую дорожку. Никогда раньше Макс не видел кокаин, но слышал о том как его употребляют. Первые сомнения его оставили сразу же после того, как Трейси протянула ему шкатулку и он понял, что это наркотик. Её манипуляции внесли полную ясность.

«.. Сейчас он должен сделать выбор. Он может остаться и разделить поровну все удовольствия или ему придётся с ними распрощаться навсегда.»

Макс даже не удивился своим мыслям накануне. Хоть и не стоит заглядывать далеко вперёд, но это он мог бы вполне предвидеть.

«...Добро пожаловать, в клуб элитных развлечений и невинных шалостей обеспеченных

интеллектуалов. Я выдержал предварительный отбор и теперь должен участвовать по максимуму. Это мой единственный шанс. Другого не будет».

Макс, сидя в постели, продолжал наблюдать за точными движениями Трейсиных рук. По всему было заметно, что она не новичок в этом деле.

«...Значит и тогда они подогрелись кокаином, но не рискнули предложить мне...

Не знали, как я отреагирую или не хотели спугнуть?»

Макс прикидывал их логику.

«...Наверное та полнейшая раскованность, что в них присутствовала, это прямой результат действия наркотика? Как это раньше не пришло мне в голову? Вот, кто здесь лидер!»

Он пытался вспомнить какие-нибудь внешние признаки, что могли быть заметны в этих женщинах во время их первой совместной встречи, но кроме показавшихся ему странностей поведения в постели, больше ничего не приходило на ум.

- Ну, вот Макс, теперь и ты подошёл к краю...

Собираешься расправить крылья..?

Трейси едва заметно улыбнулась. В её взгляде не было и тени иронии. Она, словно средневековый алхимик смотрела сквозь прозрачное стекло, где в причудливой форме реторте ей удалось выделить человеческую самоуверенность.

Речел положила ему свою руку на плечо.

- Ты можешь отказаться, если хочешь.

Она испытывающе посмотрела ему в глаза, словно прочувствовав его колебания.

- Не волнуйся, я буду рядом. Тебе понравится это путешествие. Я обещаю... Мы обе будем тебя сопровождать.

Она погладила его щёку своей ладонью.

- Ты не почувствуешь себя одиноким...

Приготовления выглядели очень торжественно. В отблеске свечей фигуры женщин казались служительницами древнего храма, которые готовились к совершению обряда. Даже их полупрозрачные одежды были словно хитоны, последнее, что оставалось на их телах перед тем как они отдадут себя во власть невидимого, но уже присутствующего где-то совсем рядом, божества.

Трейси глубоко на вздохе втянула носом через трубочку порошок и прикрыв глаза, передала зеркальце Речел. Та протянула его Максу и как умелая наставница старалась не оставлять его без своего внимания.

- Не спеши. Постарайся выпустить из лёгких воздух, так, чтобы вдохнуть всю дорожку. Это несложно.

Она заботливо следила за Максом.

- Ну вот и хорошо...

Речел удостоверившись, что он проделал всё как нужно, уже последней завершила эту процедуру.

Макс сначала ничего не почувствовал. Немного запершило в горле и слегка онемела носоглотка, словно тронутая холодом. Это ощущение почти мгновенно исчезло, уступив место необыкновенному возвышенному счастью присутствовать здесь с этими женщинами и быть посвящённым в их тайное познание. Макс приподнял полог легкой простыни по обе стороны от себя.

Всё дальнейшее происходило в полном безмолвии. Никто не нарушал ни единым звуком напряжённо зависшую тишину. Они все оказались совершенно рядом и Макс почти инстинктивно коснулся губами груди Трейси. Она вздрогнула и вся подалась вперёд. Рядом он ощущал Речел и с каждой минутой чувствовал всё больше и больше физическую гармонию, которая возникла между ними. Она охватила всех троих и никто не был лишним. Колдовские чары, уносившие прочь сознание, овладели им безраздельно. Макс оказался под действием любовного снадобья, которое, как удивительный волшебный эликсир делало его искусным и терпеливым. Он мог себя контролировать и испытывая необычайную остроту и продолжительность ощущений, не боялся, что не сможет себя сдержать. Женщинам нравилась неторопливая любовная игра, от которой они получали истинное наслаждение. Они то забывали о присутствии Макса и уже не скрывая, были поглощены только одна другой, то опять вовлекали его в центр, как бы стимулируя свои желания. Это его смутило в тот первый раз, но сейчас он хотел их взаимных ласк, которые словно касались и его самого. Он делал осторожный шаг, повинувшись секундной

интуиции и получив молчаливое подтверждение своим намерениям, старался предвосхитить желания своих партнёрш ещё на их подступах.

За первой порцией кокаина последовала следующая. Макс уже без напряжения вдохнул белую дорожку и опять с радостью отметил, как внутри концентрируются новые силы. Словно он вкусил плод Мандрагоры. Это не был сладостный дурман, в котором безвольно плывёшь, безразлично наблюдая за окружающим, напротив, такого беспредельного накала эмоций он никогда прежде не испытывал.

Так получилось, что Трейси оказалась первой. Это не было случайным. В какой-то момент его подтолкнул почти неуловимый импульс, едва они закончили с порошком. Произошло это плавно и он даже не заметил как. Макс знал, что так повелевает ему божество, незримый дух которого таился в ровном мерцании свечей и в едва слышных восторженных вздохах женщин. Ему непременно хотелось заглянуть ей, как и в прошлый раз, в глаза, но она их закрывала страстно целуя Речел в губы. Насладившись вкусом своей подруги, Трейси накинулась на него и уже не давала волю, цепко обхватив его своими руками и ногами. С ней было необыкновенно хорошо и он чувствуя её настойчивость, уже сам увлекался и крепко держал её податливое изнывающее тело.

Он случайно поймал взгляд Речел, которая вся буквально трепетала от созерцания их движущихся тел. Она как-будто находилась в предверии этой минуты и теперь жадно впилась в них глазами. Он невольно вздрогнул от выражения её глаз, которые уже видел такими однажды. Макс ощутил её руки между своим и Трейси телом. Трейси словно ожидала её такого участия и при первом прикосновении с благодарностью на неё посмотрела. Обе находились на вершине блаженства. Это было то, что он пытался предугадать в особенностях их сексуальных влечений. Помогая подруге, Речел сама млела от вида чужого живосплетения и доводила себя до иступления своим присутствием возле Трейси в момент всплеска её физического восторга. Такими он ещё их не видел. Речел тяжело дышала и уловив первые сладостные стоны своей подруги, уже сама чуть ли не заходила в конвульсиях. Только с ним наедине она никогда не испытывала всего, что хотела и это проясняло многое. Макса поразила одна особенность и это было открытием в познании самого себя. Интимная связь с Трейси усиливала его тягу к Речел и теперь завладев ею, возбуждённой от их вида ещё минуты назад, он упивался моментом. Он однажды поймал себя на этой мысли, но не двинулся дальше смутной догадки. Теперь, получив подтверждение, Макс знал уже точно точно, что нисколько не ошибся. У каждого в этом треугольнике, как оказалось, была своя определённая роль. Всё стало предельно ясным и было даже странно, что раньше он не мог прийти в своих бесплодных сомнениях к такому простому ответу. Мозг работал удивительно чётко, как бы накладывая монохромные образы один на другой и из этого наслаения возникало кристально чистое понимание своей и их неотъемлемости в этом торжестве плоти. Макс видел себя и их со стороны, словно зритель в трёхмерной проекции. Взгляд его скользил по своему обнажённому телу со следами загара, по выступающим вперёд круглым и гладким коленям Речел, по её рукам с вздувшимися венами, в которых бешено циркулировала кровь. Они нервно охватили его ягодицы и яростно привлекли всё его тело к себе. Он ощущал иступление Речел и вглядываясь в во все чётко различимые детали, был уверен, что исполняет её неукротимое желание.

Вскоре на зеркальце опять оказалась кучка порошка. Пока Макс утолял свою жажду, Трейси успела высыпать последнее содержимое шкатулки и теперь соредоточенно размельчала остаток. Опять полный выдох и глубокий вдох...

Прошло около получаса и понемногу улеглась эйфория. Необычный прилив сил отступил, но осталась уверенность в них. Что-то поменялось в восприятии и Макс пытался охватить в себе всё случившееся. Он не мог однозначно определиться со своими впечатлениями, настолько противоречивыми они сейчас казались. Необъятный мир, с которым он ещё минуты назад так нераздельно себя чувствовал, как-то сжался и более не выглядел доступным абсолютному пониманию. Но всё равно, было очень хорошо, несмотря на незаметно когда изменившееся настроение. Одно было несомненно, он не хотел, чтобы этот опыт прошёл мимо него.

Ни Трейси, ни Речел не испытывали никакого стеснения друг перед другом. Не смущал их и Макс. Он вспомнил, как поначалу немного переживал по поводу этого тройственного союза и никак не мог избавиться от навязчивого комплекса собственной совестливости. Ему казалось, что кто-то здесь

ущемлён, но понемногу пообвыкнув, ему стало ясно, что в нём говорит обыкновенный и примитивный собственник. Знакомое чувство, подобное тому, которое испытывает владелец личной библиотеки, ревниво оберегающий свои сокровища, хотя чем, как не книгами, стоит делиться. Макс переживал, что не может себя посвятить целиком каждой одновременно, но больше всего его беспокоило, что Трейси или Речел окажутся на время без собственного партнёра! Это был даже не инстинкт, а эхо той нравственной догмы, что не всегда служила на пользу и чаще подчиняла себе разум, чем освобождала. Его милые дамы жили в другом измерении и там, где у него возникали трудности восприятия, у них эти псевдопроблемы напрочь отсутствовали. Они просто не думали, оставив обременительную ношу ненужных размышлений далеко позади себя и тем самым избавившись от пут собственного лицемерия. Макс в какой-то момент времени понял, что их совместные забавы, эта иная плоскость, в которой действуют другие законы. Как в другой галактике, где объяснения имеют свой собственный рациональный смысл. Здесь не отвергается мораль, она оставаясь девственно неприкосновенной, существует сама по себе. Абсурдным было бы предполагать измену, он никого не предаёт, поддавшись неподконтрольному влечению и не подавив его жестко в минуту собственной слабости. Макс вдруг сделал неожиданное открытие.

«Измены не существует, пока он не собирается отказаться от одной женщины, предпочитая другую. Они ему нужны обе!»

Не низменная похоть, а языческое служение Эросу не могло даже намёком замутить кристальную чистоту души. В этом сосуде невозможно смешать грязь и драгоценное миро. Впрочем и душа тоже оставалась где-то по другую сторону этой плотской феерии и здесь царствовало только физическое наслаждение.

Стоило только взглянуть на себя другими глазами, как сразу становилось очевидным присутствие в себе чего-то непознанного. Оно, не всегда понятное, уже давно и постоянно таилось где-то глубоко внутри. Макс видел, как раскрепощённое сознание Речел и Трейси сметало напрочь все искусственные препятствия и они самозабвенно и без всякой оглядки отдавались своим желаниям. Его состояние было теперь стродни послевкусием от по-настоящему хорошего вина. От изысканного и деликатного. Распробовав такое, хочется ещё и очень трудно с собой совладать.

«...Да и зачем противиться? Во имя чего себе отказывать? Определённо можно сказать, что не стоит.»

С удовлетворением от ответа пришла возможность рассуждать и анализировать. Несмотря на отзвук всех его первоначальных сомнений, Макс был на вершине блаженства и его уже не покидало желание испытать это вновь. Оказавшись во власти такой открытой чувственности, ему было трудно представить, что может существовать что-нибудь ещё, помимо этого откровения физической близости. Не волновал его и тот факт, что все эти открытия оказались возможными только с помощью кокаиновой дозы.

«...Как надо обслужить женщину, задача далеко непростая, а тут сразу две! Подумать страшно, но надо отдать должное, он с честью с этим справился.»

Макс ещё раз вернулся к своим ощущениям в те мгновения, словно оглядываясь туда, где частично осталось его сознание...

Мир с его неустроенностью и каждодневной тяжестью назойливых проблем уходил в небытие. Не существовал более, а только эта напряжённая, звенящая тишина и полумрак, пронизанные едва уловимыми запахами, исходившими от этих двух женщин, имели всепоглощающий смысл. Только он заполнял всё его существо и приковывал к себе внимание без остатка. К ним. Нет, не к их плоти, а к неожиданному соприкосновению с таинством поклонения идолу наслаждения.

Ничего похожего на его первый сюда визит.

Макс не помнил сколько прошло времени. Расслабившись, он незаметно для самого себя погрузился в незнакомое до сих пор, полубоддрствование. Как бы уснул, но между тем, всё слышал и различал. Лёгкая полудрёма в сладостном изнеможении. Он ощущал себя, как полностью опорожнённый кувшин, из которого допили всё до последней капли и счастливый утолить чью-то безумную жажду. Минутный сон не был крепким и просыпаясь, он продолжал находиться в этом плену упоительной истомы, как обессиленный от долгих забав, Пан среди похотливых менад, убаюканный их присутствием рядом с собой.

«... Вот кто мой вдохновитель! Этот верный спутник Диониса, полный страстной влюблённости, козлоногий и ненасытный сластолюбец...»

Макс словно услышал далёкие отзвуки его свирели, в переливах пения которой, ему почудился голос Речел...

А может это шептала Сирина, уже уверенная в том, что ей не суждено убежать от своего преследователя?

«...Я знаю теперь того, кому мне следует быть благодарным!

Недаром его символ мерцает в созвездии Козерога и манит за собой тех счастливиц, кто родился под этим знаком.»

Речел и Треиси находились чуть в поодаль в бязмятежных позах, обвивая друг друга своими нежными руками и согретые общими объятиями. Спокойно и умиротворённо. Он словно инкубус наблюдал за ними, увлечённый видом спящих женщин и уже готовый в своих мыслях, их спровоцировать. Не упасть, а взлететь...

«...Вот и ответ на все его вопросы к самому себе.

Он давно уже догадывался об этой стороне их близости, понапрасну охваченный ложными представлениями. Вернее думал, что догадывается, не осознавая всего до конца. Теперь она его не смущала и даже наоборот, он находил их разносторонние вкусы и бисексуальные пристрастия, неплохим для себя утешением.»

Макс пролежал так довольно долго. В узкую прореху между плотными шторами он увидел, как постепенно сереет небо.

«Рассвет... Как незаметно прошло время...»

Прислушиваясь к ровному дыханию одной и второй, разомлевших от сна и от удовлетворённого желания, Макс в полузабытьи чувствовал глубокую признательность к ним.

«...Они сумели его разглядеть. Захотели, а самое главное, смогли без опаски ему довериться. Как важно, быть распознанным и не противиться чьему-то стремлению вникнуть в твою душу. На доверие хочется тем же самым ответить и именно это открывает сердце и делает его доступным.»

Опять проваливаясь в сон, он переживал ещё и ещё раз удивительную атмосферу этой ночи. В голове туманясь, возникали образы и взгляд Речел, отсутствующий и погруженный в себя. Макса не оставляло ощущение давнего знакомства с ним, но что-то, как всегда мешало вспомнить, где он уже встречался с этим выражением глаз.

« ...На меня так кто-то уже смотрел...

Но когда?»

Непослушная мысль ускользала, как проливается вода между пальцев, но стоило ему сделать усилие, как уже на стыке затухающего сознания он понял, что видел его однажды на одной картине...

Через неделю Речел опять улетела в Нью-Йорк. О цели своей поездки она не распространялась, да и Макс не проявлял не свойственного ему, любопытства. Он прекрасно вписался в стиль её жизни и она с благодарностью принимала его участие. Макс чувствовал это без всякой подсказки. Всё время, последовавшее после его визита в дом Трейси, он не разу даже намёком не обмолвился о своих впечатлениях. Всё с ними происшедшее, как и тогда в первый раз, находилось вне тем их разговоров. Как и прежде, Макс каким-то непонятным образом понимал, что доверенная ему тайна не только должна быть сохранена от других, но он не имеет права поделиться даже с самим собой.

Неожиданная догадка, озарившая его той ночью, уже неотступно следовала за ним. Он окончательно вспомнил это полотно, которое однажды произвело на него столь неизгладимое впечатление. Эта была одна из картин его деда и называлась она «Жрица». По всей вероятности, одна из его давних работ. Находилась она в комнате родителей и до поры до времени была скрыта от его внимания. Макс так бы возможно и остался в неведении и дальше, не попроси его мать укрепить полку в массивном дубовом шкафу, прогнувшуюся от тяжести книг. Под ней стояли несколько холстов, повёрнутых к задней стенке шкафа. Один был какой-то серый унылый пейзаж, вероятно написанный в состоянии глубокой хандры. Картина давила своей безысходностью и глядя на неё, возникала такая беспросветная тоска, что впору было удавиться. Другая работа оказалась небольшим и хорошо прописанным, женским портретом...

С виду, вполне обыкновенный, но к нему по трудно объяснимой причине, необычайно тянуло. Рассматривая его, Макс застыл тогда перед ним в непонятном для себя трансе, испытывая ещё неосознанное волнение просыпающегося мужского начала. Его поразили взгляд женщины на портрете. От него было невозможно оторваться, от казалось совершенно отсутствующего и погружённого в себя и в то же время испытывающего, словно вопрошающего о готовности отдаться в его власть и послушно, не спрашивая ни о чём, следовать за этой магической силой. Только уже став взрослым и не желая попусту смущать мать, он всё таки рискнул поинтересоваться, кто на нём изображён.

- Тебе нравится?

От неё не скрылось, что её сын испытывает удовольствие от картины. Макс не знал что ей сказать и она уловив его смущение, проговорила с едва слышном вздохом.

- Я рада, что у тебя много от моего отца и твоего деда. Я всегда очень хотела, чтобы мой сын был на него хоть чем-нибудь похож и рада, что в тебе узнаю многие его черты. Наверное то, что ты унаследовал не всегда будет вписываться в обычные представления, поэтому лучше быть готовым к этому заранее.

Макс с удивлением взглянул ей в глаза. Она никогда раньше не обсуждала с ним ничего подобного и теперь это стало для него откровением.

- Я бы не затронула эту тему сама, не будь увереной в том, что ты настолько похож на него...

Они проговорили около часа. За это время Макс узнал о многих удивительных страницах биографии своего деда, в которые по понятным причинам, он не был посвящён с детства.

- Ты спрашиваешь, кто здесь изображён?

Мать усмехнулась.

- Я уверена, что рано или поздно у тебя представится возможность ответить на свой вопрос.

От неё не скрылось некоторое недоумение в глазах Макса. Наверное, она почувствовала на секунду неловкость, не будет ли такая беседа преждевременной, но отогнав колебания, решила сказать всё.

- Не жди так скоро объяснений. Ты их постигнешь, но произойдёт это в ту минуту, когда оно непосредственно тебя коснётся. Только тогда ты сможешь открыть для себя далеко не всем понятный, смысл.

Мать опять серьёзно посмотрела на Макса. Такими загадками она говорила впервые.

- Это портрет порока. Не проклинаемый и поносимый, а желанный и ожидаемый. Так твой дед трактовал это и запечатлел на картине, которую переписывал очень много раз.

Макс заметил, как у его матери разгладились морщинки под глазами. Вспоминая ту пору, когда её отец колдовал не один месяц над этим портретом, она и сама с трудом понимала все его мысли, художника и мужчины. Холст стоял у него в комнате и он всякий раз ревниво завешивал его куском

бархата, как бы оберегая от чьего-то взгляда. Ещё долго потом картина так и продолжала стоять на мольберте и он иногда сидел перед ней в глубоком раздумье.

- Для одних, падение. Для других, источник неземной радости и живительной силы, от которой душа парит где-то в заоблачных высотах. То от чего бегут, проклиная свою слабость и уже никогда не в силах забыть. Порок, ради которого человек способен принести в жертву все внутренние противоречия со своей совестью. Это его слова.

Всё что Макс услышал, было настолько необычным, что он был в полной растерянности. Образ его деда, о котором он думал, как о чём-то очень далёком, вдруг приобрёл вполне земные очертания и Макс где-то в глубине души даже представлял его, как себя, обуреваемым страстными желаниями. Он больше ни о чём не спрашивал свою мать, прекрасно понимая, что и она могла лишь только догадываться о некоторых событиях в жизни своего отца. Напоследок, больше не собираясь никогда возвращаться к этой теме, она тяжело вздохнула и проговорила.

- Дай тебе бог, пройти мимо или познать всё, но не жить с сожалением, что ты что-то пропустил.

Вскоре Макс попросту забыл об этом. Понять всё сказанное, как и вникнуть в глубину выводов человека, который прожил жизнь, ему было слишком рано. Для юноши такие слова звучали красиво, но увы, он ещё не созрел и вот теперь, только спустя долгие годы, Макс опять к ним вернулся.

«... А ведь действительно, желанный и ожидаемый.

И нет больше сомнений.

Никаких!»

Он вспоминал картину и тот смысл, что его дед перенёс из своей души на полотно. Это было подтверждением его собственных мыслей, то к чему он пришёл сам, без спасительной подсказки, которая может быть лишь пустым звуком, если она не вовремя. И он так думал, без мучительных сомнений в своей правоте, не пытаясь опереться на чьё-то бесполезное для него чужое знание, которое чаще всего ненужный и даже обременительный груз. Не заговори с ним мать тогда и не коснись осторожно этой темы и ничего бы не изменилось. К таким рассуждениям Макс всё равно пришёл бы. От них просто некуда деться. Раньше или может чуть позднее, но это должно было с ним произойти. Так открывается морская ширь, которая закрыта каким-то препятствием. Стоит только его миновать и уже взгляду невозможно охватить бесконечный горизонт.

Привезённая Речел «Женщина на фоне иконы», теперь занимала центральное место на стене в его гостиной. Он часто останавливался на ней взглядом и невольно возвращался к остальным работам. Макс с предельной ясностью становилось очевидным, что только он один может сохранить это великое наследие, так безжалостно раскиданное по разным углам. Это его право и долг.

«...Легко сказать, сохранить. Ни архива, ни дневников, ни даже случайных записок. Отрывочные воспоминания его матери, которые едва ли могли пролить свет на загадочную судьбу работ парижского периода...»

Он пытался вспомнить всё, что хоть как-то могло касаться этого времени творчества его деда, но к сожалению, кроме мифической истории жизни, которая выглядела, как короткое сообщение из энциклопедии по истории искусств, более в памяти ничего не возникало. Вдруг его осенило.

«... Луиза! Она вполне могла знать о судьбе того, что осталось в запертой студии, тогда в четырнадцатом году. Наверняка, она не осталась равнодушной и уж несомненно, предпринимала попытки к спасению картин».

Макс пожалел, что именно сейчас нет рядом Речел.

«... О, господи! Ну конечно же! Возможно её бабушка что-нибудь рассказывала и это может быть путеводной нитью. Пусть даже самой слабой, но всё-таки реальной. Лучше чем ничего».

Он лихорадочно стал прохаживаться по комнате, удивляясь почему это раньше не пришло ему в голову.

«... Мать что-то говорила о Константинополе. Неужели, работы могли оказаться там? Но каким образом? В тысячах километров от Парижа!»

Макс автоматически взглянул на часы, сверяя время в Нью-Йорке и прикидывая, где он застанет Речел своим телефонным звонком.

«... Три часа разницы. Значит там сейчас... Не думаю что, в это время я могу её потревожить или быть несвоевременным собеседником.»

Макс вовсе не отвергал возможности присутствия у Речел давней дружеской связи в Нью-Йорке.

«...Она не из тех, кто привязывает себя к кому-нибудь и больше ценит свой собственный комфорт. В худшем случае, она просто не поднимет трубку...»

Беседа оказалась недолгой Речел сослалась на свою занятость в этот момент и обещала быть через несколько дней обратно. Несмотря на теплоту в её голосе, Макс почувствовал, что она что-то не договаривает. Он было пытался поделиться своими предположениями, но как-то осёкся. Ему вдруг показалось, что он совершенно некстати. Буквально перед тем, как набрать номер, он подумал об этом. Несмотря на то, что он хотел себя убедить в своём спокойном равнодушии и в том, что ему совершенно нет никакого до неё дела, было немного обидно и он уже пожалел, что поспешил со звонком. Ощущение неловкости не покидало его и назавтра и лишь уже в аэропорту, Макс наконец, от него отмахнулся.

Речел прилетела в приподнятом настроении. Она его не скрывала и увидев её в толпе прибывших пассажиров, легко можно было угадать по её лицу, что ей не терпится поделиться чем-то несомненно важным и заслуживающим пристального внимания.

- Как говорили во времена моего детства, ты сияешь, как новая копейка.

Макс на ходу её обнял.

-Что нового в столице мира?

Речел продолжала загадочно и торжественно улыбаться. Глядя на неё, Макс уже ни на минуту не сомневался, что она приготовила очередной сюрприз. Речел, не отвечая, решила более его не дразнить и невзначай поинтересовалась.

- Как ты насчёт поездки в Стамбул?

Такое предложение не совсем вписывалось в программу ближайшего времени и Макс даже немного опешил.

- А что, есть причины или ты просто приглашаешь меня на прогулку?

Она шутливо погрозила ему пальцем.

- Даже и не пытайся меня переиграть. Когда ты мне позвонил в Нью-Йорк, я как раз беседовала с одним из арт дилеров и он мне поведал одну занятную историю.

Речел пытливо и насмешливо взглянула на Макса.

- Ну, что...? Продолжать?

Она наслаждалась его замешательством.

- Ты не ответил...

Макс лихорадочно пытался представить, что можно ожидать на этот раз. Он даже не мог подумать, что в её действиях проявится такая настойчивая последовательность.

«...Как показали все последние события, она не из тех, кто останавливается на полдороге.»

- Речел, я боюсь подобного пугающего везения. Я сторонник баланса и придерживаюсь законов Ньютона в понимании своего места между плохим и не очень хорошим.

Она рассмеялась.

- Да, да знаю. Если где-то прибывает, это значит, что где-то должно убыть. Ты это имел в виду? И почему столько неоправданного писсемизма, мистер Пьеро?

И уже серьёзно добавила.

- Ну а если предположить, что в моей жизни на протяжении долгого времени только убывало?

За разговором они не заметили, как подошли к машине. Макс, как обычно распахнул перед ней дверь и уже оказавшись на месте водителя, привлек Речел к себе.

- Я безумно соскучился. Поедем ко мне?

Речел по-родственному чмокнула его в губы и легко, но уверенно отстранилась. В её поцелуе не было искренности и уж тем более желания.

- Не сегодня.

Макс немного расстроился. Она очевидно, не испытывала того же стремления к физической близости и не собиралась менять свои планы, в существовании которых, он не сомневался. Спрашивать её о

причинах отказа и тем более уговаривать, было бесполезно.

- Речел, мне бы очень хотелось с тобой поделиться одним своим наблюдением...

В тоне у Макса появилась грустная ирония.

- Ни одна встреча с тобой не прошла для меня без какой-нибудь неожиданности. Я даже не пытаюсь найти этому хоть какое-нибудь объяснение, но каждый раз меня преследует одна и та же мысль, зачем тебе всё это?

Она внимательно посмотрела на Макса.

- Зачем? Ты полагаешь, что после всего, что я узнала, можно остаться равнодушной.

- Речел, ты уже столько для меня сделала. Не знаю, хватит ли у меня признательности, чтобы всё это оценить и хоть как-то быть благодарным.

Она знакомым жестом погладила его по щеке.

- Ах, Макс, ты неисправимый идеалист. По-моему ты слишком хорош для этого общества, но будь уверен, оно этого не оценит. Тебе не поставят памятник и не нарекут его больной совестью. Даже и не надейся.

Заметив, что Макс продолжает сомневаться, она добавила.

- Иногда я и сама себя не узнаю...

Речел немного смутилась от своего признания, но тотчас вернулась к начатому разговору.

- Я право, отвлеклась. Так вот, после торгов на аукционе, где неожиданно к «Женшине на фоне иконы» с моей стороны был проявлен такой интерес, мой знакомый естественно был заинтригован этим именем. Его не проведёшь, у него натренированный нюх и акулья хватка. Естественная реакция человека, который посвятил рынку живописи не только себя но и всю свою сознательную жизнь. Да и как можно было бы отнестись к тому, что искусствовед, который проработал в музее не один год, сознательно и без доли малейшего колебания покупает работу неизвестного художника. При этом, выкладывает незамедлительно взятую с потолка сумму и готов дать больше. У меня бы возникли подозрения немедленно. Пришлось сочинить историю о подарке, который я хочу сделать одному из своих русских друзей. Когда я ему расписывала то волнение, которое человек будет испытывать от соприкосновения с частицей своей прошлой культуры, он только ехидно улыбался. Знаешь, что он мне сказал напоследок? «...Эта картина не похожа на ту, которая может взывать к ностальгии. Ни покосившейся церквушки на фоне берёзок, ни лесной опушки с заросшим ивами, тихим прудом на переднем плане. Нет Речел, ты определённо водишь меня за нос...»

- Впрочем, обмана с моей стороны не было. Я действительно собиралась именно так поступить с этой картиной. Думаю, что он не поверил. Я бы точно не повелась на его месте по вполне понятной причине, - уж слишком мои слова звучали неубедительно. Настолько, что в его руках вскоре оказалась очень полезная информация, с которой за разумные комиссионные он был готов со мной поделиться. Человек он проницательный и тут же мне перезвонил, имея на руках вполне конкретный материал...

Около года назад к одному из его коллег поступило предложение купить восемь картин из одной частной коллекции. Тот их не видел, только фотографии и краткое описание работ. Хозяин запросил дурацкую сумму, но я думаю, он будет более сговорчивым, ввиду отсутствия по-настоящему заинтересованного лица.

Речел, словно проигрывая в своей фантазии ожидаемый сценарий, мечтательно откинулась на подголовник сиденья.

- Тем более, что это лицо, ну скажем..., человек со странностями и собирается приобрести всё... Ну могут же у кого-то совпадать неподконтрольные и импульсивные желания с возможностью себе в них не отказывать? Кстати, все картины подписаны одинаково. Хочешь знать как?

Макс почти механически, уже прекрасно понимая о чем идёт речь, вскинул брови.

- Речел, это звучит невероятно.

Она, довольная эффектом, что произвёл её рассказ, победоносно улыбалась.

- Ты не ответил.

Макс взволнованно слушал. Они продолжали находиться на стоянке и только теперь он вставил ключ в замок зажигания, медленно собираясь тронуться.

- Это парижские работы?

- Не знаю, но все они подписаны «Т. Флей» и по словам продавца могут датироваться началом века. Единственная загвоздка. Коллекция находится в Стамбуле. Я не думаю, что стоит откладывать. Такая карта не выпадает дважды.

Речел чуть помедлила, что-то припоминая.

- Как ты тогда говорил? Никогда не отталкивай то, что идёт в руки само...

- Значит всё-таки они оказались там...

Макс проговорил это почти про себя, всё ещё не решаясь поверить в магическое везение этой женщины и её неумное и настойчивое желание участвовать в судьбе картин совершенно неизвестного здесь художника. Он не знал как реагировать. После её бесценного подарка он и без того считал себя чудовищно обязанным и сейчас она похоже, не намерена отступать. Речел, заметив его реакцию, спросила.

- Тебя что-то смущает?

Макс, преодолевая неловкость, решил быть откровенным. Далеко не всякий мужчина будет чувствовать себя комфортно признаться женщине, которая воспринимает его как равного, в своей финансовой ограниченности.

- Речел, я не знаю радоваться мне или отчаиваться. Последние дни я только и думал об этом. Ты превзошла мои самые смелые ожидания и как я уже сказал тебе раньше, нет конца моей благодарности.

- Макс, можно без пустых предисловий. Ты мне напоминаешь некоторых героев Чехова с их хронической болезненной нерешительностью. Неужели, ты не находишь сложившиеся обстоятельства, превосходными?

- О, господи! Конечно же, о лучшем и мечтать было трудно, но как я смогу выкупить эти работы? Боюсь, что сумма за пределами моих возможностей.

Речел облегченно вздохнула.

- Ах, вот ты о чём. Я совершенно выпустила из виду, с кем я имею дело. Я всё чаще начинаю удивляться, как с такой порядочностью ты вообще смог встать на ноги.

Она опять улыбнулась и уже рассудительно заметила.

- Нет, ты не американец... Наверное, это и к лучшему. Окажись ты на минуту другой и я бы почувствовала невероятную скуку. Тем не менее, я бы хотела сделать встречное предложение, которое по крайней мере, развяжет тебе руки. Надеюсь, ты не возражаешь?

Макс продолжал быть взволнованным, хотя всеми силами старался это не показывать.

- Послушай, Макс. Я собираюсь писать монографию о французском фовизме и пусть для тебя такое будет звучать самонадеянным, но я открою новое имя в этом течении. Твой дед посвятил достаточно творческих сил и не случайно оказался на гребне этой волны. Даже то, что он в последствии писал уже совершенно в иной манере, ещё раз подчёркивает, что в этих недолгих цветовых экспериментах ярко проявилось его коллористическое дарование. Оно ему пригодилось потом и это неоспоримое доказательство эволюции его вкуса и мастерства. Он не только настоящий художник, но и подлинный талант.

Для меня его работы имеют возможно, другую привлекательность, но поверь, я добьюсь своей цели. Есть и другой аспект. Вложив минимально в десяток картин и в публикацию своего исследования, мне будет нетрудно раскрутить это имя на художественном рынке, а я уж приложу для этого всё своё умение и все свои связи. Я уже начала собирать материалы. Мне нужно только твоё согласие, как прямого наследника.

Речел буквально окатила его неожиданным откровением. Немного насмешливо она через минуту добавила.

- Ведь нам не надо заключать письменное соглашение?

Дело принимало другой оборот. Такой мысли Макс не допускал и она его ошарашила.

- Ты хочешь их перепродать?

Речел укоризненно посмотрела в его сторону.

- Ты плохо меня понял. Это последнее, что имеет для меня хоть какое-нибудь значение. Я хочу открыть

миру нового художника, это моё моральное право и то, что делает мою жизнь наполненную смыслом. Я выкуплю эту коллекцию. Деньги ты сможешь вернуть, я в этом не сомневаюсь.

Она замолчала и в задумчивости стала смотреть перед собой на дорогу. Макс искоса взглянул на Речел профиль и заметил в её глазах, нечаяно блеснувшие слёзы.

- Прости меня. Я ляпнул, не подумав.

Он остановил машину возле обочины и повернувшись к ней проговорил.

- Речел, я вообразил бог знает что и сожалею об этом.

Сегодня уже двадцатое. Я не могу уехать, пока не закончу все свои дела с рентом. На десятые числа мы можем заказать билеты.

Макс опять обнял Речел и пристально посмотрел ей в лицо, словно пытаясь загладить свою вину.

- Наверное, моему деду было бы очень приятно иметь такую женщину в качестве своей поклонницы, но он бы стал ей признателен вдвойне, узнав обо всех жертвах, на которые она готова ради его картин.

Речел наконец, улыбнулась. Макс подал ей бумажную салфетку и она промокнула потёкшую на кончиках век, тушь.

- Почти три недели...Срок немалый, но что меня успокаивает, что мы самые информированные покупатели. Ненужный ажиотаж был бы совсем некстати. Надеюсь, те подробности, что известны нам с тобой, больше не знает никто.

Она, чуть задумавшись, подытожила.

- Десятого мы вылетаем, но не позже!

Не забудь, что длинные приготовления, это кратчайший путь совершить ошибку.

Стамбул их встретил солнечной погодой. Она началась по прибытии в аэропорт имени Ататюрка и уже не менялась на протяжении всего времени их здесь пребывания. По дороге в гостиницу Макс во все глаза смотрел из окна такси на современные улицы, пытаясь хоть как-то сопоставить вид их, запруженных автомобилями, с тем удивительным городом, что когда-то предстал перед глазами Пьера Лотти. Наверное, только в восприятии европейца это место имеет свой неповторимый облик в сложной смеси случайных и отрывочных знаний. Другой мир! Он нисколько не удивился, завидев на остановке трамвая разносчика сладостей с подносом на голове, на котором уместилась хорошая горка сдобных лепёшек. Тот выделяясь в толпе, тут же невольно привлекал к себе внимание и глаз уже совсем не замечал, что он одет в светло-голубые джинсы и майку с эмблемой какого-то футбольного клуба. Пожалуй, эта фигура да изящные минареты, мелькающие за крышами зданий, хоть как-то были отражением ожиданий Макса погрузиться в восточный колорит и атмосферу сказок «Тысячи и одной ночи». Таксист умело маневрировал в потоке транспорта, на первый взгляд хаотичном, но как оказалось, подчинённому каждодневно устоявшемуся ритму безумно занятой жизни метрополии на границе двух континентов. Гостиница находилась в старой части города и из окна их номера открывался совершенно фантастический вид на Босфор. Где-то вдали просматривались купола и острые шпили минаретов мечети Султан Ахмед Джамии, силуэты которых, как маяки встречали и провожали не одно поколение мореплавателей.

Встреча с продавцом была назначена на следующее утро. С ним они связались сразу по прибытии. Речел за несколько дней до вылета созвонилась со своим знакомым из Нью-Йорка, который любезно принял от неё чек на круглую сумму и получила взамен все необходимые координаты. Наверное тот не обошёлся без комментариев и она была настроена очень решительно. Макс не без иронии выслушивал её замечания, предугадывая где-то в глубине души, что излишний напор и самоуверенность может только навредить. Он настоял, что сам будет вести переговоры и услышав в трубке мягкий и вкрадчивый голос на другом конце провода, понял, что у них общая цель, довести торг, до желаемого обеими сторонами, результата. Иса, так звали продавца, прекрасно владел английским и пообещал подобрать их к девяти утра и заодно показать город.

На следующий день с точностью, делающей ему честь, он позвонил из холла гостиницы, не опоздав на пол минуты. Иса оказался симпатичным, на первый взгляд, турком, одетым вполне цивильно, без воображаемой Максом фески и даже наоборот, очень похожим на обыкновенного жителя любого портового города средиземноморья. Немного смуглый, с живыми глазами и с неизменной сигаретой, которую он закуривал при всяком удобном случае. Завидев Речел и Макса, выходящих из лифта, он предупредительно шагнул им навстречу, приветливо поздоровался и почтительно протянул для рукопожатия руку. При этом, Иса всем своим располагающим видом словно подчёркивал, что он здесь для того, чтобы максимально сделать их короткое пребывание в Стамбуле приятным и запоминающимся. О делах они пока не говорили и он предельно аккуратно увёртывая свой автомобиль, казалось бы от неминуемого столкновения с другими водителями, кружил в узких улицах, не забывая при этом давать короткие пояснения.

«... Миллиметровщик».

Подумал о нём Макс с пониманием момента, сам имея подобную манеру езды по городу. Антикварный магазин, куда Иса собирался их вскоре доставить, находился недалеко от знаменитого крытого рынка Капалычарши. Он с удовольствием отметил эту особенность расположения и действительно, на его месте нельзя было не испытывать гордость находиться в таком районе, где возраст некоторых построек подбирался к пяти-шести столетиям.

Любая встреча, будь то праздная, ничего не значащая с давними знакомыми или новая, с будущими партнёрами по бизнесу, здесь начиналась и протекала в неторопливой беседе за чашечкой турецкого кофе или не менее принятого в этой стране, чая. Каждый как-будто приглядывался друг к другу, оценивая преимущества и слабости противоположной стороны. Вполне удобная ситуация для того, чтобы предварительно взвесить все возможные варианты и подумать о собственной выгоде. Для начала

Иса предложил кофе на террасе тенистой чайханы, закрытой от постороннего взора плетённым забором. Она находилась здесь же, в старом городе на одной из малоприметных улочек, спрятанная так, что даже пытаясь её отыскать, можно было бы только безрезультатно наткнуться на тупики и невозмутимость местных жителей, наученных хранить тайну с полным равнодушием посвящённого в неё. В месте, куда их привёз Иса, наверное, уже давно привыкли к тому, что не следует глазеть на посетителей. Беззвучный официант, неизвестно откуда возникший, так же незаметно скрылся, оставив на столе широкий поднос со всем необходимым. Кофе Иса разливал сам, без суеты и спешки, с нескрываемым почтением к этой церемонии. Он так и не обмолвился до сих пор о деле, словно его единственной целью было угостить дорогих гостей и уделить им своё внимание. Если не предполагать, что каждый из присутствующих имел чёткое представление о своих задачах, то могло бы показаться, что они коротают утро в неторопливой медитации и созерцании сомнительных красот видавшего виды, чайного заведения.

От такой непривычной обстановки Речел начала было немного нервничать, но Макс вовремя её остановил. Он мягко накрыл своей ладонью её руку и довольно выразительно посмотрел ей прямо в глаза. Этот жест не остался незамеченным и Иса понимающе прикрыл веки, как-бы приветствуя отсутствие неподобающего в данный момент, нетерпения и уважение к традициям мужской беседы. При этом он вознёс свой взор куда-то поверх голов и абсолютно отрешённо, обращаясь к небу, произнёс - Алла, о Аллах...

Затем размеренно и чинно сделал глоток из своей чашки и уже, как показалось, был готов вернуться к прерванной появлением официанта, теме. Макс уже совсем освоился, как-будто всю свою жизнь только и делал, что вёл дипломатические переговоры на уровне Дивана и эта уверенность завладела всем его сознанием настолько прочно, что он уже нисколько не сомневался в своих силах.

- Спасибо, Иса.

Он выдержал необходимую паузу.

- Воистину, великолепный кофе.

Тот поклонился, вкладывая в свой жест не то покачивание капюшона кобры, не то приглашение отведать измельчённый бриллиант в традиционном напитке.

Речел с любопытством наблюдала за развитием событий. Для неё, кроме вполне конкретной цели своей поездки, присутствовала ещё и экзотика. Она плохо представляла себе Турцию и непроизвольно ожидала, что здесь все будут смотреть на неё, раскрыв рот. Иса не только этого не делал, а наоборот, держал себя с большим достоинством. Прислушиваясь сейчас к его и Макс словам, для неё вдруг стало совершенно понятным, что для обоих мужчин предстоящее обсуждение условий купли-продажи, станет непростой игрой, в которой каждый уже почувствовал запах добычи и не собирается упускать ничего, что ему по праву принадлежит.

- Итак, Иса, мы бы хотели посмотреть то, что собираемся приобрести. Я право и не предполагал, что в Стамбуле так ценят неизвестных художников.

Тот усмехнулся и не без справедливости, парировал.

- Не всё, что плохо кому-то известно, имеет малую цену.

Макс в свою очередь, улыбнулся ему в ответ. Иса, сам того совершенно не ведая, добавил ему хладнокровия. Ощущение теперь было такое, что каждый из них готов был сражаться насмерть, лишь бы доказать самому себе неоспоримость собственной правоты. Какой, не имело значения.

- Я представляю эту даму и её интересы.

Фразу Макс произнёс по-русски. Иса не понял или сделал вид, что ему не знакома русская речь. Он продолжал невозмутимо тянуть свой кофе из пустой уже чашки, будто задумавшись о чём-то своём. То же самое Макс повторил по-английски и уже добавил опять по-русски вполголоса, почти про себя.

- Успех в сделке можно достигнуть только при желании сторон, проявить должное благоразумие.

Тот не переспросил и вообще, как-будто не отреагировал, лишь опять вежливо улыбнулся и как в ни чём нем бывало подозвал официанта. Это был пролог и теперь для их турецкого владельца картин стало ясно, что он имеет дело с нормальными покупателями, а не с тупыми кошельками на двух ногах, готовыми как два Буратино платить свои неслучайные сольдо за бумажную курточку. Макса так и подмывало подмигнуть своему новому турецкому другу и спросить, так на всякий случай.

-Comprende usted ? (Понимаешь? Исп.)

Желание это возникло непроизвольно и точно так же исчезло, как результат нервного напряжения. За время жизни в Калифорнии, Макс успел привыкнуть к испанскому, как к второму иностранному языку, на котором иногда приходилось общаться.

Он все так же выдержанно соблюдал дистанцию, хотя от волнения сердце уже давно отработало все возможные лимиты и было готово бежать дальше, лишь бы быть уверенным, что сделка состоится.

Пешком они прошли в магазин. Он оказался совсем рядом, чуть ли на соседней улице. Помещение, куда они попали, было уставлено белогвардейскими реликвиями, - тёмными образами в серебряных окладах и латунными складнями. На витрине были выложены кресты, свидетели боевой офицерской доблести и несколько шашек в потёртых ножнах. Тут же ювелирные изделия конца девятнадцатого века и вещи, украшенные прекрасным Богемским гранатом. Словно застывшие капли крови, они выделялись среди прочего нагромождения когда-то и кому-то дорогих и памятных вещей, но утративших со смертью их хозяев, свой смысл и сохранив лишь раритетную стоимость. Макс почти машинально скользил взглядом по ним и по прочим остальным, непонятного происхождения, пока они не очутились в промежуточной комнате. Здесь он внезапно оказался лицом к лицу с двумя картинами, авторство которых было невозможно спутать ни с каким другим.

Он остановился, как вкопанный, не в силах двинуться дальше. Заметив Макса реакцию, Иса осторожно обронил.

- Вам нельзя отказать в хорошем вкусе и знании того, что вы бы хотели приобрести.

- Это всё? Мне помнится, речь шла о восьми работах.

Макс взял себя в руки. Всё это время Речел следовала за ним, плохо представляя, что происходит, но уверенная своим внутренним чутьём, что они на правильном пути. Иса молча подошёл к стеллажу, заполненному холстами на подрамниках и безошибочно стал доставать оттуда одну работу за другой, пока все пространство вдоль стены не было уставлено ещё шестью картинами. Эти показались Максиму чужими...

Он смотрел на них немного смутившись, поочерёдно переводя взгляд на те, что висели на стене. Он даже присел, чтобы найти подписи и удостовериться в их идентичности с той, которую хорошо знал.

«...Совершенно незнакомая манера письма... И эти пронзительные цвета.... Неужели это его работы?»

Речел же наоборот, увидев их не могла сдержаться и тихо произнесла.

- По-моему мы ехали сюда не зря...

Макс никогда не был поклонником такого рода живописи и он даже как-то почувствовал разочарование. В работах прослеживался явный декоратизм, подчёркнутый всяким отсутствием светотени и Макс никак не мог избавиться от впечатления, что смотрит на средневековый витраж. От взгляда Исы не укрылось растерянность его клиента и он тут же поспешил похвалить свой товар.

- Я не перестаю ими любоваться и каждый раз заново восхищаюсь мастерством этого художника.

Иса, как опытный торговец набивал цену.

- Они могут занять достойное место в любой коллекции.

Состояние работ было безупречным. Вероятно, они хранились в хороших условиях и лишь недавно оказались здесь для продажи. Макс и Речел безмолвно останавливались возле каждой, испытывая разные чувства, но связанные одной мыслью о том времени и месте, где они могли быть написаны. Наконец, Макс прервав молчание, спокойно обратился к Исе с закономерным любопытством.

- Иса, простой и естественный вопрос.

Сколько?

Тот не спешил. Так кот играет с полупридушенной мышью, уверенный в себе и в том, что той некуда деться.

- Нелегко расставаться с шедеврами.

Макса начал утомлять его восточный профессионализм и он так же мягко, но настойчиво проговорил.

- И всё же... Учитывая боль, от этого расставания?

Иса назвал сумму, которая превышала то, что им было известно ранее.

- Нас информировали немного иначе.

Макс понял, что предстоит долгий разговор. Иса, не моргнув глазом, тут же скостил, но не до конца, а лишь наполовину и предложил чай. Он негромко окликнул своего помощника и тот тут же появился с небольшим подносом, на котором стояли полные тонкие стаканчики.

- Прекрасный чай. Спасибо, Иса.

Макс отхлебнул и опять мимоходом назвал уже свою цену, которая резко отличалась от оригинальной и составляла её треть. При этом Речел чуть не поперхнулась.

- Вот видишь Иса, даже то, что я предлагаю не совсем по нраву тому человеку, интересы, которого я представляю. Кстати, как эти работы оказались здесь. Неплохо бы узнать их историю. Атрибуция? Сертификат?

И уже отвлекаясь.

- Ах, какой чай! От него улучшается настроение.

Вопрос о сертификате и о прочих бумагах Иса словно не услышал. Игнорируя, он преспокойно переварил встречное предложение и тут же выдвинул своё, но уже намного скромнее. Появился ещё один поднос. Сумма, как мяч перекидывалась из рук в руки, постепенно, теряя в объёме, пока наконец, не достигла уровня, не лишённого здравого смысла. У Речел округлились глаза. Она была свидетелем, как с каждой минутой растут шансы приобрести картины почти задаром и торг ведётся, как-бы совсем не за произведения искусства, а словно за мешок риса. Присутствовать при всём этом было настолько непривычно, что поначалу ей стало вроде как, неловко. Речел казалось, что Макс оскорбительно занижает цену, но понемногу вникнув, она уже сама испытывала азарт от такой манеры ведения дела и не могла дожидаться, чем закончатся их переговоры.. Наконец ударили по рукам. В итоге, Макс выторговал почти половину того, что первоначально спрашивал Иса, но и в этом случае, их продавец похоже, не оставался внакладе. По его знаку помощник начал аккуратно упаковывать картины и они приступили к оформлению соответствующих документов на вывоз их из страны.

- Послушай, Иса.

Макс обратился к нему после того, как все бумаги были уже подписаны.

- Мне бы действительно очень хотелось узнать историю этих работ. Я предполагаю, что они здесь в Турции уже достаточно долго. Расскажи, если ты в курсе дела. Я уверен, что тебе нечего опасаться, они не украдены из музея и их не разыскивает Интерпол. Ты нас сильно обяжешь и возможно мы приедем ещё раз сюда и воспользуемся твоей помощью. Кстати, мы можем отметить успешное завершение нашей сделки ужином в ресторане по твоей рекомендации. Я приглашаю. Ну как, идёт?

Иса не стал возражать. Правда и обещания поделиться тем, что он знал, от него тоже не последовало, но всё же, это был вариант. Макс покосился на висящие настенные часы с маятником в продолговатом футляре.. Они показывали полдень. Прошло около трёх часов. Они пролетели совершенно незаметно, но с толком и несомненно продуктивно. Через неделю картины должны будут прибыть на место и только тогда можно будет вздохнуть с облегчением. Их ждёт новая жизнь и новое признание. Эта мысль будила воспоминания о человеке, который даже и не мог догадываться о такой непредсказуемой судьбе своих творений.

- Ты расстроен?

Речел, не скрывая своего хорошего настроения, спросила у Макса, когда Иса за чем-то вышел.

- Нет, но откровенно я ожидал другого.

- Ты сумасшедший! О такой удаче я даже и не мечтала...

Макс! Я бы поехала сюда только за одной такой работой, а их шесть!

Она горячо шепала ему это на ухо, необыкновенно взволнованная.

- Шесть!

И две других, тоже очень приличных.

Речел пыталась изобразить виноватую мину, но это ей не удалось.

- Макс! Ты кажется не совсем понимаешь, что нам удалось купить...

Вернувшийся Иса, прервал её восторженные замечания и пригласил в машину.

Он оказался неплохим гидом. Как и обещал, он уделил внимание и время, в течение которого они успели посетить подземное водохранилище и мечеть. Приближался Рамадан и приготовления к

этому священному празднику были особенно заметны возле входа в храм. Рабочие возводили рядом с древними стенами временные шатры, где после захода солнца и молитвы, любой желающий сможет порадовать себя бесплатным угощением. Как гостепреимный хозяин, Иса пообещал повести их вечером в неплохой ресторан. Макс и Речел отказались возвращаться в гостиницу и решили побродить в этом районе сами. От сознания удачно выполненной миссии, было легко на душе и с таким настроением каждый ощущал непреодолимое желание окунуться в дух этих запруженных улиц, полных звуков и запахов. Они случайно вышли к входу на рынок, откуда уже издали неслись незнакомые пряные ароматы неведомых специй. Рядом с рынком расположилась мечеть и за черепицами крыш хорошо были видны две узкие башни минаретов. Пока Макс водил Речел по лабиринтам торговых рядов, откуда-то сверху раздался усиленный громкоговорителями голос ходжи, призывающий правоверных мусульман к молитве. Непривычного тембра, он менялся, то переходя на высокие ноты, то снова стихал и его звучание невольно отдавалось в груди, доселе незнакомым волнением. Не одно столетие этот призыв изо дня в день пронизывал сознание толпы, оповещая о бренности сиюминутных человеческих потребностей. Голос был обращён ко всем тем, кто хотел и должен был его услышать. Он разносился над многоголосием красок восточного базара и уносился вдаль свежим ветром Босфора, чтобы опять прозвучать снова и снова, как гимн этого удивительного города.

С наступлением вечера, спала дневная жара и лёгкий морской бриз уже остужал, нагретые уличные камни. Рейчел захотелось пройти мост через Халич и посмотреть с него на бухту. На самой середине они остановились и долго наблюдали за необычайным оживлением, что здесь царило. Вдоль всего парапета стояли рабаки и судя по заполненным садкам, на клёв никто не жаловался. То и дело кто-нибудь из них вытягивал трепыхающийся серебристый чирок или скумбрию, которые блестели в заходящих солнечных лучах. Макс подхватил Речел под руку и они двинулись дальше. Навстречу показался чистильщик обуви. Бедняга не заметил, как из его сумки вывалилась сапожная щётка и продолжал свой путь. Макс тут же его откликнул и указал на потерю. Тот ошарашенный от такого неожиданного к себе отношения, подобрал свою утварь и уже не отставал, предлагая бесплатно почистить обувь. Так он прошёл почти целый пролёт моста, канюча о благодарности, но не добившись ничего, вскоре подотстал. Макс обернулся и увидел его уже с клиентом, жгучим брюнетом, который поставил одну ногу на переносной стульчик и тот принялся лихо наяривать щётками. Вскоре мост закончился и они очутились в районе Каракёй Лиман.

Кварталы, соседствующие с портом, везде одинаковы. В меру грязно и людно. Больше чем обычно в городской черте, грузовиков, пакгаузы и склады за высокими кирпичными стенами. Даже воздух пропитан неповторимой смесью запахов морских ворот страны, что-то среднее между привкусом отработанного выхлопа дизеля, морской тины, краски и пенькового троса. Макса поразило количество бездомных котов. Они встречались практически везде, но не несчастные и затравленные, вызывающие жалость, а какие-то уверенные в себе, гордо принимающие пищу возле многочисленных ресторанчиков и харчевен, где подавали неизменную булку с вложенной в неё, жаренной скумбриёй. Тут же соседствовали чайки, деловито роясь своим крепким клювом в переполненных мусорных баках и невозмутимо поглядывая вокруг, вполне освоившись в этой новой для себя, городской стихии. Совсем рядом о цементные блоки причала разбивалась короткая и частая Босфорская волна. Пролив не знал передышки. Не успеешь проводить взглядом огромный танкер, закрывающий собой половину горизонта, как уже появляется нос балкера или сухогруза, который следует из Мраморного моря в Чёрное или наоборот в противоположном направлении. Между массивными корпусами коммерческих судов беспорядочно сновали всех размеров буксиры и прогулочные катера с развевающимся на корме красным полотнищем флага со звездой и полумесяцем, делая похожим водное пространство на мощную жизненную артерию, не устающую пульсировать ни днём ни ночью. Макс отыскал небольшое кафе, где они могли немного передохнуть. Столики располагались на возвышающейся эстакаде вдоль берега, с которой хорошо просматривалась Девичья башня. Она отсюда казалась абсолютно крошечной. Речел заметила Макса пристальный взгляд, обращённый в устье пролива и поинтересовалась.

- Ты любишь море?

Он, не сразу оторвавшись от пленительной картины заката, ответил в задумчивости.

- Ну как можно такое не любить. Я готов часами неотрывно смотреть на воду и не нахожу однообразным такое занятие. Более того, мне при этом прекрасно думается.

В уже затухающих солнечных лучах поверхность воды выглядела, как расплавленное золото. Речел посмотрела туда вдаль и прищурилась от ярких бликов.

- О чём, если не секрет? О прошлом или о настоящем?

- Обо всём. Без прошлого нет настоящего и очень часто оно вдохновляет лучше и глубже чем современность. Прошлое, это уже осмысленный взгляд, передуманное и отболевшее, а настоящее, лишь импровизация. Мы с тобой убедились в этом, как никто более. Не так ли?

Речел испытывающе заглянула ему в глаза.

- Ты скучаешь по той, своей прежней жизни?

Макс спокойно выдержал её взгляд и с уверенностью ответил.

- Уже нет. Я стал другим и знаю, что мне нет там места.

Он на минуту замолчал и решил поделиться.

- Ты знаешь, я всегда завидовал тем людям, кому посчастливилось родиться и умереть в родовом гнезде. Плохо понимая главное, я всё же видел в этом внешнюю привлекательность. Об этом в молодости мало кто задумывается, мир кажется необъятным и гостепреимным. Я тоже думал так очень долго, но в какой-то момент мне вдруг показалось, что я лишён очень важной своей составляющей.

Макс смотрел не растерянно, а с видом человека, который уже пережил, что его так беспокоило. Оно отболело и сохранилось в памяти разве, что отголоском трудностей, которые давно преодолел.

-Как это необходимо, когда жизнь проходит в одном и том же доме, среди знакомых с детства предметов. Они твои спутники и их безмолвное тепло всегда с тобой, где бы ты временно не находился. Они становятся неотъемлемой частью твоего существа и совершенно не важна их материальная стоимость. Дом, в котором можно повзрослеть и состариться. Знакомая до мелочей к нему дорога, а самое главное, спасительная мысль, что там твоё пристанище и туда хочется вернуться. Для меня больше не существует эта заветная дверь и я не испытываю более такого желания.

Макс с недоверием посмотрел на Речел.

- Ты понимаешь о чём я?

Она с нескрываемым любопытством следила за ходом его мыслей.

- Я думаю, что да, но боюсь Макс, что ты вряд ли найдёшь подтверждение своих мыслей там, где ты теперь живёшь. Такое чувство не присуще современному человеку и тем более, большинству американцев. Люди оторваны от понятия фамильного гнезда и с лёгкостью меняют жильё. Меньшее на большее, худшее на лучшее и чаще руководствуются мотивами удобного стечения финансовых возможностей или престижа, чем сентиментальной привязанностью к стенам и утвари. Усреднённый вкус или его полное отсутствие рождает невзыскательные потребности. Традиции более не актуальны.

- Ты считаешь, что это хорошо?

Грустью отреагировал Макс, на что Речел только развела руками.

- От того, как я отношусь к этому, ровным счётом ничего не меняется, поэтому лучше воспринимать всё таким, как оно есть. Бремя собственного взгляда на мир не всем под силу и наверное, это к лучшему.

Кстати, в Америке принято, чтобы дети покидали родительский дом и начинали самостоятельную жизнь, а не сидели под крышей, как ты называешь, гнезда. Даже если они не хотят, их вынуждают это сделать собственные мать и отец. Это норма, они должны уйти.

Однако, иногда следовать твоим пониманиям традиций совсем неплохо, как например, сегодня.

Речел с явным удовлетворением хотела отметить феноменальный успех Макса в переговорах с Исой.

- Я слышала о том, что здесь торгуются, но чтобы так!

Ему была приятна её похвала

- Ты получила удовольствие от такого спектакля?

Она рассмеялась.

- Удовольствие..?

Ты шутишь! Мы заплатили вдвое меньше того, что я рассчитывала. Макс, ты был просто неотразимым.

- Мы делаем одно дело. Думаю, что это даже не партнёрство, а нечто совсем иное.

К слову сказать, Иса, серьёзный и опытный продавец. Не забывай, к тому же, тонкий психолог. Он просчитал на несколько ходов вперёд, то что для меня было совершенно неведомым.

- Как ты знаешь?

- Знаю. Вернее чувствую. Пока мы вместе пили кофе, он успел нас внимательно изучить и уже прекрасно ориентировался, как ему легче подступиться.

- По-моему ты его демонизируешь.

-Отнюдь. Напротив, я безмерно уважаю таких людей. Он сумел сделать нас счастливыми и не поступиться своей выгодой.

- Но цена снизилась вдвое!

- Это и было настоящей ценой, а то, что кто-то готов платить больше, это не его проблема. Он не отвергает право другой стороны предложить то, что ей кажется более справедливым и готов выслушать.

Они ещё какое-то время просидели в кафе. Неизвестно откуда взявшаяся, к ним подошла собака и уставилась на пустые тарелки на столе. У неё не было передней лапы, но она довольно бодро скакала на остальных трёх. Рейчел с жалостью поглядела на это несчастное существо.

- Бедный пёс! Где же его так угораздило?

Собака, словно понимая, что это говорят о ней, завиляла хвостом и даже как показалось, улыбнулась. Даже будучи калекой, она не ожесточилась и продолжала смотреть с надеждой на человека, сохраняя свою былую привязанность.

«...Ну вот,- подумал Макс,- неутраченная верность за похлёбку. Неужели, преодоление голода, настолько сильный инстинкт и как далеко он может завести? Всегда ли мы можем похвастаться такой же готовностью служить за идею или как считает Трейси, на всё существует своя цена, в том числе и на преданность?»

Он подозвал официанта и спросил, может ли он покормить собаку. Тот не удивившись, ответил утвердительно и через пару минут принёс порцию кебаба. Речел благодарно посмотрела на Макса и поставила тарелку прямо возле их столика. Пёс, уже всю размахивая хвостом, ловко пристроился и буквально проглотил всё за минуту. Потом поднял голову и удостоверившись, что больше ничего не последует, аккуратно вылизал тарелку. В его глазах появилась долгожданная сытость и он даже прилёг рядом, благославляя свою собачью судьбу.

- Иногда я боюсь себе в этом признаться, - произнёс осторожно Макс, - но я больше сопереживаю животным, чем человеку. Вид несчастного ребёнка не вызывает у меня больше сострадания, чем бездомный кот. Ты не находишь это странным?

Речел пожала плечами.

- Я испытываю те же чувства и нисколько не считаю их неправильными. Люди могут о себе позаботиться, как и о своём потомстве. Домашние животные лишены этой возможности, став не по своему выбору, частью человеческой жизни. Так что, можешь быть абсолютно спокоен по поводу своей гуманности и количества человеколюбия в своём сердце. Безнравственно столько рожать, если отсутствует способность прокормить...

Макс не знал, что ответить. Речел к сожалению, была не так уж неправа.

Он взглянул на часы. Пора было возвращаться и хотя гостиница находилась совсем недалеко, он решил, что проделать весь путь пешком будет чересчур утомительно. Они ещё немного побродили по улицам, откуда хорошо просматривались причалы, после чего Макс помог Речел сесть и сам с удовольствием плюхнулся на сиденье такси.

Иса, как всегда, был предельно пунктуален. Едва они спустились в холл гостиницы, как заметили через стеклянные двери на улице его фигуру, поджидающую возле машины. Он успел переодеться и теперь стоял в светлом костюме, всем своим видом, излучая респектабельность.

-Ийи акшамлар. (Добрый вечер. тур.)

Макс решил щегольнуть своим знанием турецкого языка. Тот мягко улыбнулся и в тон ему ответил. Потом на английском поинтересовался, как им нравится Стамбул и жестом пригласил в машину.

- Есть одно место, откуда необыкновенно красиво видна панорама вечернего города и в тоже время там нет толкотни. Не в таком ли заведении вам бы хотелось провести вечер?

Макс с Речел переглянулись. Их новый знакомый и вправду хорошо разбирался в людях и без труда мог отличить гостя, которого воротит от коммерческого туристского ширпотреба.

Ресторан, который он выбрал, находился в четырёхэтажном отеле, который находился прямо по соседству с башней Галата. Поднявшись на самый верх они очутились в зале со стеклянной крышей и стенами, сквозь которые, как на ладони была видна сама башня. Её подсвеченная конусообразная крыша оказалась совсем рядом. С другой стороны открывался потрясающий вид на мечеть Сулеймание. Тёмно-синее вечернее небо прорезали четыре минарета, окружавшие её по бокам и над ними висел молодой месяц с первой яркой вечерней звездой. Вид был просто потрясающий.

- Вы не разочарованы?

Иса почтительно и в тоже время с видом человека, который хорошо разбирается во вкусах состоятельных людей, наблюдал за их реакцией. Такими он их воспринимал, как людей, которые тратят деньги на предметы искусства. Если ему было и нужно к себе расположить Макса или Речел, то пригласив их в подобное место, он сделал безошибочный ход. Здесь, любуясь панорамой тысячелетнего города, сознание почти произвольно проникалось уважением к продолжателям традиций Великой Османской империи. В небольшом зале сидели вероятно, завсегдаи этого заведения. Макс незаметно бросил взгляд на соседей за столиком рядом, потом по другую сторону и сразу понял, что они не туристы. На протяжении всего ужина все сохраняли полное спокойствие и лишь иногда подзывали за чем-то официанта. Никто не вертелся прямо перед тобой и не щёлкал беспрестанно камерой, стараясь запечатлеть свидетельства своего очередного путешествия.

В перерыве между холодной закуской и основным блюдом, Макс уловив подходящий момент, обратился к Исе с давно запланированным вопросом.

- Мы оба бесконечно благодарны, что судьба нас свела с таким человеком, как ты.

Тот прижав правую руку к груди, молча поклонился.

- Иса, не в моих правилах ничего выпытывать и я уважаю скромность и немногословие не только в делах, но и в частной беседе.

Макс старался осторожно подвести к тому, что его безумно интересовало.

- Это в порядке вещей, не разглашать имя прежнего владельца картин и я, оказись на твоём месте, поступил точно так же. Прости меня за неуместную, на первый взгляд настойчивость. Единственное оправдание моего любопытства, это личные обстоятельства.

Он решил ничего не скрывать, пожалуй это был единственный вариант, хоть как-то склонить Ису к откровенности.

Тот продолжал молчать, пока не особо проявляя интерес ко всей этой беседе.

- Видишь ли, мой друг, причина которая побудила меня заниматься этими работами, сомнительной известности...

Увидев, что Иса, стал нервно ерзать на стуле, Макс его успокоил.

- Нет, они действительно заслуживают внимания, но для меня они имеют очень определённую ценность, возможно большую, чем денежный эквивалент. Дело в том, что я внук этого художника.

На некоторое время воцарилось молчание. Потом немного опомнившись, Иса стал поздравлять и рассыпаться в похвалах, но тем не менее, ни притрагивался к теме о настоящем владельце коллекции. Поняв, что все попытки бесполезны, Макс решил свести всю эту щекотливую ситуацию к простому решению. Кем бы Макс не был и за кого бы себя не выдавал, глупо было ожидать, что ему тотчас выложат всю подноготную. Существовала этика продавца, его представителя и покупателей. Вряд ли человек разумный, а тем более деловой, станет обсуждать свои связи. Конфиденциальность в таких вопросах всегда на первом плане и естественно её никто не нарушит.

- Иса, ты знаешь мой телефон. Вот тебе ещё раз этот номер.

Макс протянул ему листок, со своим именем.

- У меня к тебе огромная просьба. Передай то, о чём мы говорили, владельцу этих картин и если он или она захотят со мной связаться, я буду очень признателен. Это неоткрытая страница истории моей семьи.

Мы здесь в Стамбуле ещё два дня. И ещё...

Он дотронулся до его руки, словно желая сократить дистанцию и привлечь на свою сторону союзника.

- Если это произойдёт, я не останусь неблагодарным.

Последнее Макс произнёс особенно отчётливо, прекрасно понимая, что только материальная заинтересованность может способствовать его намерениям. Больше они этой темы не касались. То, что Иса выполнит его просьбу он теперь уже не сомневался. Он умыл его руки и снял с него любую ответственность. Оставалось только ждать.

Утро следующего дня принесло активно хорошее настроение. Макс проснулся очень рано, сказывалось непревычное для внутренних часов другое поясное время. Спросонья ему на секунду показалось, что он у себя в комнате, но услышав где-то далеко на улице тархтенье мотороллера, тут же сообразил, что он не в своей постели.

«...Стамбул...

Ах, да. Картины, Иса...

Первым желанием было подойти к окну и распахнуть его настежь. Рама легко поддалась и в комнату тут же ворвался свежий морской бриз, надув как паруса полупрозрачные шторы. Макс теперь стоял, продуваемый прохладным ветерком и наблюдая как постепенно внизу оживает квартал, всецело был поглощён камерной атмосферой старого города.

Оказавшись вне однообразия своей ежедневной деятельности, он наслаждался свободой и возможностью неограниченно располагать собой. Макс даже не думал, что рано или поздно ему придётся возвратиться к кругу своих обязанностей. Эта мысль не висела Домокловым мечом и не отравляла его незапланированный краткосрочный отдых.

Пока, всё намеченное, шло своим чередом. Нормально и без каких-либо сюрпризов, если не принимать во внимание эту откровенно ощутимую разницу между купленными картинами и всеми остальными работами его деда. Макс сразу же её отметил и до сих пор не совсем определился, как он относится к этому факту.

«...Пожалуй, вчера я оказался пленником своих ожиданий. Какая неосмотрительность... И это после письма, где он говорит о реакции публики.»

Макс вернулся к своему первому впечатлению и ему стало смешно.

«...Выходит, я не лучше тех, кого эти картины шокировали?»

Вспоминая каждую в отдельности, он мысленно сравнивал их с другими, что привык видеть и хорошо знал. Макс только теперь понял, что он в них не нашёл при первом знакомстве. Компромисс! Именно противоречие между духом только собственного видения художника и нежеланием увлечь публику понятными ей законами живописи и повлияло вчера его настроение.

«... Это называется, поддаться на провокацию. И кому..? Собственному деду!»

Жалко, что нельзя взглянуть на них ещё раз...»

Чем больше он думал о картинах, тем притягательнее они рисовались в его воображении.

«...Несомненно тот, кто их отбирал имел цепкий глаз и обладал чутьём коллекционера. Ах, если бы удалось узнать как они попали сюда...»

Макс с надеждой посмотрел на телефон. Бессмысленно было просидеть весь день в номере, ожидая звонка. Речел тоже уже давно не спала и они решили, что самым благоразумным будет максимально использовать своё время и продолжить знакомство с городом. Предупредив портье о том, что кто-нибудь возможно будет им интересоваться, Макс сунул на всякий случай ему в руку доллары с просьбой не остаться безучастным. Тот поблагодарил за щедрые чаевые и тотчас заверил в своей готовности.

- Конечно, конечно!

«... Хочется верить», - подумал про себя Макс и по привычке отдался на волю providения.

«... Если не судьба, то проси, не проси... Бесполезно».

С этим и вышел на улицу.

Они провели насыщенный день, успев побывать на двух материках. Босфор оказался уже, чем Макс себе его представлял, но гораздо протяжённей. Он посмотрел на карту города, которую захватил с собой из гостиницы и тут же подумал о том, насколько интересным будет пройти из одного моря в другое. Речел, услышав о таком, как ей представлялось безумном намерении, стала отчаянно сопротивляться. По неизвестным причинам она была уверена, что подвержена морской болезни и любая, даже самая небольшая качка, сделает невыносимым её пребывание на воде.

- Как ты знаешь, что тебя укачивает?

- Макс, не надо меня делать жертвой собственной совести.

Она с явной опаской смотрела на плавательные средства и ни одно из них не вызывало в её душе ни малейшего энтузиазма. Макс не настаивал и был уже готов пожертвовать своим желанием увидеть Стамбул со стороны пролива, как вдруг она проявила мужество и решилась, казалось на безумный подвиг.

- Только ради тебя...

Они обошли достаточно большой причал, где стояли готовые к прогулкам всех размеров катера и яхты и выбрали достаточно большой катер с открытой верхней палубой. На его короткой мачте сидела большая ворона и нагло озиралась по сторонам, вероятно воображая себя полноправным членом команды. Она громко и недовольно каркнула при виде незваных гостей и с неохотой улетела прочь.

- Капитан, мы бы хотели совершить небольшую прогулку и мне кажется вы именно тот человек, который может нам в этом помочь.

Макс дружелюбно обратился в сторону человека средних лет, который скучал в тиковом кресле на корме. Тот, заслышав английскую речь и увидев перед собой пару, явно смахивающую на американских туристов, не стеснялся. За сумму, что он назвал, можно было вполне дойти до Гибралтара и поэтому не обошлось без обязательного здесь, громкого обсуждения цены. Речел по просьбе Макса не вмешивалась в такое сугубо мужское занятие, как торг и он уже скорее из любопытства, чем ради экономии, старался сбить цену до разумного предела. Выслушав первое, что пришло в голову этому ненормальному мореходу, Макс спокойно переварил его предположение о немедленном заработке, который с лихвой перекроит неделю пустого ожидания клиентов и уже по-русски с усмешкой ему возразил.

- Может тебе ещё бутылку вина и балерину?

Капитан преобразился, вдруг сразу сообразив, что он здесь такой не один и его деньги вполне могут переключиваться к соседу. Наверное, опыт общения с русскими ему подсказал, что не стоит этих двоих иметь за идиотов. Цена уменьшилась до предела путешествия к греческим островам.

- Бу чок пахалы. (Это очень дорого. тур)

Макс вспоминал весь свой нехитрый запас турецкого. Они переходили с одного языка на другой, эмоционально подтверждая свои доводы жестами, пока наконец не достигли цены, устраивающей обоих.

- Тамам?

- Тамам.

Речел с удивлением, во все глаза смотрела на Макса. Как и тогда, в первый раз при встрече с Исой, он вёл себя так, как-будто то и делал всю жизнь, что вёл торговые переговоры, но не на уровне фирмы, а по-своему, руководствуясь непонятным чутьём. Казалось, неоправданная агрессия, от напора которой захватывало дух, должна была напрочь отворотить от него другую сторону, однако, всё происходило с точностью, наоборот. Столь непостижимое для неё, практически американки, желание отстаивать свои финансовые интересы буквально на всех уровнях, удивительным образом работало и все воспринимали Макса, как человека, заинтересованного в предлагаемом товаре. Она, никогда прежде не сталкивавшаяся так близко с открытостью нравов и уже в который раз испытывала некоторую неловкость от этих замашек, совершать сделку. Вот и теперь поначалу ей хотелось провалиться сквозь землю от стыда за своего спутника, но очень скоро эти двое невольно втянули её в представление под названием «Восточный базар» и Речел опять захватил тот самый азарт, который она ощутила в полную силу при покупке картин. Чувствовался прилив адреналина в крови, словно на скачках, болея за свою лошадь. Наблюдая, она начисто забыла о своих опасениях по поводу предстоящей морской прогулки и только вступив на борт и судорожно схватившись за поручень, вспомнила, что они уже во власти совершенно иной стихии. Короткая морская прогулка стоила всех жертв. С пролива город выглядел совершенно иначе и вероятно, только так его можно было увидеть в полной красе.

Едва они отошли от причала и покинули крохотную спокойную бухту, как тотчас оказались напротив примечательной постройки, типично европейской архитектуры. Капитан, указывая вперёд перед собой, уважительно пояснил.

- Дворец Долмабахче.

Капитана звали Мустафа. Немного диковатый взгляд сразу с головой выдавал в нём эмоционального восточного мужчину с горячим темпераментом, как и подобает потомку янычаров. Свирепо вращая глазами, он уверенно направил свой катер наперерез, проходившему мимо, пассажирскому теплоходу внушительных размеров. При всей очевидности неизбежной аварии, он и не думал менять курс и буквально прошмыгнул под высоким форштевнем, который со смертельной неумолимостью надвигался на них. Речел зажмурилась и в ужасе прошептала.

- Ненормальный! Что он делает?

Всё обошлось на редкость благополучно и такая ситуация повторялась часто, пока не стало понятно, что так здесь соблюдают международные правила предупреждения столкновения судов. Макс время от времени наблюдал за Речел, ожидая в любую минуту увидеть предательскую бледность на её лице, как первый признак морской болезни, но как ни странно, она держалась молодцом. Впрочем, здесь практически не качало. Мустафа в очередной раз беззастенчиво подрезал курс проходящего танкера и продолжал двигаться в направлении, понятном только ему одному. Всё ближе и ближе они подходили к входу в Мраморное море. Силуэты уже обрели знакомые очертания. Гордо смотрела с холма бывшая христианская святыня Айя – София, таяла в дымке башня Баязит и такая внезапная близость к всемирно известным и почитаемым достопримечательностям, наполняла душу восторгом сопричастности ко всему этому великолепию.

На протяжении всего пути Мустафа не закрывал рта. Создавалось такое впечатление, что он только вышел из камеры одиночки, где провёл в полной изоляции и безмолвии много лет и не в силах поверить собственному счастью, хочет наверстать всё, чего был лишён весь этот срок.. Он доверительно поведал, что разведён и у него есть знакомая из Таджикистана, в прошлом профессор русского языка и литературы, что у него взрослый сын, который недавно женился и теперь вместе с отцом делит нелегкую ношу не очень стабильного бизнеса. Попутно, он коснулся собственной патриотичности и тут же вспомнил время службы в национальной армии. Мустафа, словно митингуя, горячо объявил о долге каждого настоящего мужчины в любую минуту защищать свою страну до последней капли крови и о той чести, что выпала ему присягать под знаменем. При этом, в его глазах вспыхнул огонь такой беспредельной гордости, что он не мог сдержаться и не пропеть первые строчки государственного гимна:

«..Не бойся, не исчезнет в небе флаг,
Пока в стране есть хоть один очаг...»

Мустафа на секунду замер возле штурвала, будто приносил клятву своему народу и уже опять продолжал болтать без устали, не вдаваясь в такие незначительные детали, слушают его или нет. Макс всё это пропускал мимо ушей, занятый созерцанием красот побережья и погружённый в собственными мысли. Лишь Речел понимающе кивала и в конце концов заслужила его уважение. Теперь он непосредственно обращался к ней, отыскав наконец, благодарного слушателя.

- Вы видели танец живота? Нет! Я могу устроить. Это лучшее в Стамбуле исполнение. Я настоятельно рекомендую.

Он уже продавал, по ходу дела, это развлечение. Для пущей привлекательности у него оказался компактный диск с традиционной музыкой и включив его, Мустафа уже сам двигался на мостике в такт флейты и барабанов. Тут же, он не без юмора припомнил одну историю, которая не только пришлась к слову, но и крепко засела в его голове своей неординарностью .

- Пообещал я двум своим пассажирам, немкам, - начал он вкрадчиво свой рассказ, - повести их на представление, где можно посмотреть лучших исполнителей этого восточного танца. Гостям всё очень понравилось и они были в полном восторге. Как обычно, предложили и им попробовать проявить свои способности и даже принять участие если они захотят. Те не отказались и со смехом согласились. На удивление, их движения были не хуже и уже очень скоро им аплодировал весь зал! Тут уж я призадумался и решил их спросить, как они смогли так легко достичь того, что для многих требует годы подготовки.

- Знаете, в чём был секрет?

Мустафа вживую вспомнил эту сцену, до сих пор ошеломлённый их ответом.

- Не поверите!

Они обе оказались профессиональными танцовщицами из Мюнхена и не только специализировались исключительно на танце живота, но и преподавали эту технику. Самое удивительное, что две девушки из местной труппы, что давала представление, были их ученицами, которые говорили по-русски!

Такая расстановка неожиданных фактов не могла не поразить его воображение и он твёрдо уверенный в том, что национальная хореография это достояние только его прекрасной страны, был несказано удивлён, обнаружив, что кто-то может танцевать не хуже, а иногда даже и лучше.

Историй капитан Мустафа знал немало. От его беспрестанной болтовни начала болеть голова и уже присутствовало одно несбыточное желание, чтобы он наконец замолчал и дал передышку. Хоть ненадолго, дав возможность в тишине насладиться впечатляющими видами. Речел не подавала вида, что она хоть как-то утомлена этим словесным водопадом и иногда даже что-то спрашивала у Мустафы. Такое внимание его разжигало ещё больше и он уже говорил, не останавливаясь ни на минуту. Несмотря на эту незначительную докучливость, они провели замечательные несколько часов.

Уже прощаясь, Макс крепко пожал ему руку.

- Тешеккюр эдерим, Мустафа. Ошча калыш.

(Большое спасибо, Мустафа. До свидания. тур.)

Тот с удовольствием от полученных чаевых и от того, что говорят на его родном языке долго улыбался и искренне был рад этой встрече.

- Лютфен. Ийим тешеккюр эдерим. Гюле-гюле, Макс.

(Пожалуста, и тебе спасибо. Счастливо. тур.)

День для него удался и он в хорошем настроении собирался в ближайшую кофейню, приглашая с собой своих пассажиров. Макс вежливо отказался. Сам того не ведая, он бессознательно спешил в гостиницу. Хотелось верить, что кто-то искал с ним встречи.

- А я и не предполагала, что ты говоришь на турецком.

Для Речел эта поездка стала сплошной цепью неожиданных открытий.

- Как сказал Гёте, «..Кто не знает чужих языков, не знает ничего о своём»

Макс не пытался быть полиглотом и тем более делать вид, что свободно владеет этим анатолийским наречием.

- Я думаю, что самое элементарное знание языка, это наипростейшая дань уважения культуре, хотя чаще всего, для большинства, это вопрос выживаемости и им наплевать на всё остальное.

- А ты не сильно жалуешь большинство.

Он опять почувствовал в её голосе привычные саркастические нотки.

- А ты?

Макс вспомнил ту Речел, которую встретил тогда в галерее.

«...Минуло совсем немного времени, а сколько всего произошло.»

Он предложил передохнуть в отеле перед ужином. Речел не возражала, прекрасно понимая, что это всего лишь удобный предлог и Макс очень надеется и ждёт, что всё же откликнется эта таинственная личность, которая сможет пролить свет на то, как картины попали так далеко от места своего первоначального пребывания.

Увы... Ожидания не оправдались. Макс поспешил к стойке портье справиться никто ли не разыскивал его, пока он отсутствовал и вернулся обратно ни с чем.

- Я думаю, это бесполезно.

Неужели, так и не удастся ничего узнать?

Он делился с Речел своим настроением, всё ещё цепляясь втайне души за маловероятную, но так им ожидаемую, встречу. Макс не относился к той породе людей, которые недостаточно знают жизнь и склонны подвергать себя ненужным разочарованиям, выдавая желаемое за действительность. Трезво взвешивая ситуацию, можно было поставить сто против одного, что работы оказались у Исы возможно через вторые, а то и через третьи руки и никому не было и нет дела до той сложной цепочки, что

привела их к последней продаже. Мысль эта тяготила его и оставалось только строить догадки, что произошло после того, как его дед навсегда покинул Парижскую студию.

Он старался больше не томить себя бесплодным ожиданием. Возникла идея позвонить Исе, но он не видел в том смысла, уверенный, что тот приложил все свои старания, чтобы заработать, обещанное Максом, вознаграждение. За окном незаметно опустились синие сумерки. Речел, едва коснувшись подушки, задремала, сказывалось непривычно раннее пробуждение и насыщенный день, проведенный на морском воздухе. Макс не зажигал света и подошёл к окну. За ним на холмах лежал город, в который он попал по прихоти судьбы. Здесь время медленно, как-бы нехотя, приоткрывало завесу своих тайн, словно приглашая к неторопливым раздумьям. Вглядываясь в мерцающие огни пролива, он не заметил как всецело погрузился в свои мысли...

«...Все последние события были слишком непредвиденными и он даже не имел достаточно времени, чтобы осмыслить их причудливое нагромождение. С последовательностью принципа домино они цеплялись одно за другое, нарушив в какой-то момент зыбкий баланс его предыдущей жизни.

А была ли это его настоящая жизнь? Можно ли назвать эти тараканы бега, в которых он невольно участвовал, день за днём, самоутверждаясь, как ему казалось в новых условиях, его предназначением как личности? Существовал ли там хоть какой-нибудь мало-мальский смысл, достойный внимания, или только тупая борьба за комфорт и возможность потакать своим желанием?»

Пожалуй, никогда раньше он не задавался такими вопросами.

«...Может Речел права, что нет выбора, пока нет материального благополучия и только перешагнув через эту совершенно бездарную необходимость, не ощущаешь свою ущербность и беспомощность. Если так, то он платил необходимую контрибуцию за относительную свободу и за минимальный компромисс между своими желаниями и их исполнением. А может, он раб своих неоправданно завышенных потребностей? Навряд ли. Скорее, он заложник своего развитого вкуса».

Такое звучало как спасительное оправдание. Макс отвлекся и вздохнул.

«...Чёрт возьми, что ж никто не звонит?»

На память пришло уже другое и он вспомнил последнее посещение дома Трейси. Думы теперь потекли в другом приятном направлении и Макс не обманываясь, сознался себе, что был бы не прочь там побывать опять.

«...Чего греха таить, с этими женщинами он тогда вкусил полный букет удовольствий...»

Взгляд его скользнул в сторону Речел. Она вероятно, уже хорошо уснула и лежала на боку, подложив руку под голову. В сумерках черты её лица были едва различимы, но вдруг он отчётливо увидел, как у неё на губах промелькнула улыбка, словно она сквозь сон уловила это его движение мысли.

«...Показалось...?»

Впервые за последнее время в душу Макса опять закралась неуверенность. Он вроде уже успокоился и пребывал в полном комфорте от наконец, полученных ответов на сомнения, что терзали его. Даже казалось, поверил во всё, что смог для себя сам объяснить.

«...А так ли это? Не была ли обманом та наркотическая феерия? Недаром говорят, что первый кокаиновый опыт незабываемо хорош и к нему хочется вернуться.

Может, я просто оказался забавой в их руках, минутное желание обладать которой, они отыскивали в своём развращённом подсознании, ни в чём не нуждающихся женщин, пресытившись всем остальным? С возрастом у человека не исчезает потребность к игрушкам и разве что, меняется только их цена. Кого они обе в нём видят? Необходимый аксессуар для оргии двух фантазёрок, обнюхавшихся кокаином? Живой фалоимитатор для их лесбийских развлечений?

А может быть им просто на просто всё равно, что или кто может быть источником их сексуальной стимуляции и больше важна собственная острая реакция?»

По прошествии почти месяца, Макс мог вполне трезво постараться разобраться и понять причину, подтолкнувшую одну и вторую к такому специфическому способу потакать своим физическим желаниям.

«...А только ли физическим? А что, если он заблуждается и его сомнения не дают ему увидеть главное? Что, если его глаза застилает пелена неоправданной подозрительности и он обвиняет вместо того,

чтобы благодарить? Может быть вся суть заключается вовсе не в телесном соприкосновении. Как знать, вдруг он дотронулся до мудрости души и ему посчастливилось побывать в храме, где поклоняются бестыдному восторгу эротических наслаждений и прислуживать его жрице.

«Жрица»!

Именно так дед назвал эту свою работу, что его однажды поразила.

Сосредоточившись, он легко вызывал у себя в воображении все мельчайшие детали той ночи и уже совсем явственно представил Речел и её незабываемый отрешённый взгляд.

«...Теперь он его не забудет никогда. Её глаза будут возникать у него в памяти, как устойчивая ассоциация настроения этого времени, как тот немного тяжеловатый аромат цветущего лимонного дерева.

Что их связывает? Они симпатизируют друг другу, но это безусловно, не глубокая сердечная привязанность. Она даже не пытается стать ему ласковым и нежным другом, как и не ожидает от него каких-либо стремлений к определённости в их отношениях.

Постель?»

Макс усмехнулся.

«...Это последнее, что её привлекает и она делает ему большое одолжение, соглашаясь провести время только вдвоём. С другой стороны, Речел прекрасно знает, что он не будет настаивать и пользуется такой привелегией. Это означает, что они уважают желания друг друга и стараются предельно быть внимательными для их исполнения, но не забывают о своих собственных.

Каждый из них находит удовольствие в общении друг с другом и высказываясь, они не боятся быть откровенными, хотя это не всегда общая точка зрения...

Может это и есть идеальная формула дружбы между мужчиной и женщиной? Такой альянс удовлетворяет их обоих и ни к чему не обязывает. Никто не покушается на чужую независимость, будучи независимым сам. Какой бы не была степень их близости, они продолжают оставаться представителями разных культур и не всегда одинаково реагируют на моменты их личного восприятия. При этом, видят возможным поделиться сомнениями друг с другом, не претендуя на свою правоту. Оба стараются вникнуть, но не в коем случае, не спорить. Может быть, именно в такой дистанции и заложена основа взаимного влечения? Не праздное любопытство, а живой интерес к подобной особи, которая вроде такая же как ты, но всё же немного другая. Только ли это? Нет. Доверие? Ну конечно же! Уверенность в другом, как в себе самом. Неужели так просто? Без тени опасений оказаться жертвой. Нет, не по умыслу, Боже упаси!, Даже нечаяно. Это ли не взаимная находка?»

Макс мог бы рассуждать таким образом и дальше. Момент был подходящий. Никуда не хотелось бежать и ничего разглядывать, приятно было вот так сидеть в номере, полубодрствуя, просто вперив машинально глаза, в уже ставшую привычной, картину за окном. Он почти разуверился, что всплывут какие-нибудь факты и спокойно радовался успешной сделке.

«... Может, оно и к лучшему. Не всегда хорошо всё знать до конца и не все истории в итоге, оказываются столь интересными, как ожидаешь. Стоит лишь разложить, расставить всё по своим углам и исчезает завеса загадочности, уступая место обычным, не заслуживающим внимания вещам и тривиальным событиям. Скорее всего, картины попали сюда, как и все остальные российские предметы искусства. Недолгий путь из раздираемой братоубийственной войной страны и они здесь, надолго забытые, почти на век.

Но тогда, каким образом они оказались в России, оставленные на произвол судьбы в Париже? Как его дед догадывался о месте их пребывания?»

Эти вопросы оставались неразрешимой загадкой. Он не заметил, как задремал, сидя в кресле, как вдруг его разбудила, внезапно раздавшаяся телефонная трель. Он тут же подскочил и поспешно схватил трубку. Звонила женщина.

- Макс?

- Да! Вас слушают.

- Моё имя Лейла. Иса передал мне вашу просьбу встретиться со мной.

Макс чуть не ошалел от счастья.

- Да! Да! Я вас просто умоляю об этой встрече. Для меня она будет чрезвычайно важной и я не могу выразить всю степень моей благодарности.

- Как насчёт завтрашнего утра?

Десять...? Это удобно?

Макс в приливе хорошего настроения, рассмеялся.

- Даже если бы я имел какие-нибудь планы, то отменил всё на свете. Конечно же.

Скажите где и когда.

- Я буду у вас в гостинице к десяти утра. Встретимся в холле.

Перевозбуждённый, он не спал всю ночь и лишь под утро едва забылся. В голове всё время вертелись мысли и Макс не мог никак успокоиться. Ровно к десяти они спустились в холл гостиницы и он сразу заметил в углу сидевшую на диване уже немолодую, но очень красивую женщину. Она поднялась им навстречу и протянула для приветствия руку.

- Лейла. Я очень рада. Здесь за углом есть неплохое кафе и я думаю, там мы сможем поговорить. Не возражаете?

Уже за столиком Макс смог получше её рассмотреть. Лейла была действительно очень привлекательной. Он уже успел по достоинству оценить её статную фигуру и очень женственную походку. На неё трудно было бы не обратить внимание. Абсолютно белая кожа и очень выразительные, как две крупные маслины, глаза. Их разрез безошибочно выдавал в этой женщине присутствие турецкой крови. Она была как-то по-особенному ухожена и при разговоре держалась мягко, но с достоинством.

- Итак, Макс, насколько я понимаю, вас интересует всё, что связано с картинами?

- Совершенно верно.

Лейла, мне не хочется быть излишне многословным и только скажу, что я чрезвычайно благодарен, что вы откликнулись на мою просьбу. Как мы уже успели коснуться с Исой этой темы, любые факты, это история жизни моего деда и если вы сможете хоть как-то прояснить, как эти картины оказались здесь, для меня это будет неоценимой услугой.

Макс прямо посмотрел ей в глаза, стараясь быть убедительным, насколько это возможно.

- Мне кажется, вы меня понимаете.

Лейла улыбнулась.

- Я понимаю. Мой отец родом из России и я чувствую эту в вас с ним похожесть. С чего ж начать?

Она достала из сумочки пачку сигарет и спросила разрешения закурить. Впрочем, здесь на открытом воздухе, табачный дым был практически неощутим.

- Наверное, будет справедливым заметить, что мой отец никогда не питал тяги к собирательству и эти картины хранились в нашей семье скорее по моральному долгу. Он намеревался их перевезти в Россию и не видел для этого никаких препятствий. Нормальная и вполне естественная для русского интеллигента тяга поспособствовать в меру своих сил и помочь, там где он может, без всякой возможности для себя, поступить иначе. Так бы оно скорее всего и произошло, не распорядись судьба иначе.

Впервые мой отец оказался в Турции в 1929 году в составе представительской миссии, которую возглавлял тогдашний нарком иностранных дел. После успешных переговоров он, как сотрудник Внешторгбанка и человек свободно говоривший на нескольких языках, в том числе и турецком, был привлечён к работе в советском торгпредстве. Таким образом, с этого времени Анкара стала для него постоянным местом жительства на некоторое время. Он часто навещался сюда, в Стамбул и надо же случиться такому стечению обстоятельств, что именно в это же время из РСФСР сюда прибыл опальный Троцкий, высланный из страны. Вероятно, это малозначительное совпадение и сыграло свою роковую роль. Их пути не пересекались, да и не могли. Мой отец, как государственный служащий занимался своими делами и ему не было никакого дела до этого человека. Он не мог знать обо всех перестановках в Политбюро и Центральном комитете партии, тем более о сосланных в Среднюю Азию оппозиционерах. Турецкие газеты не уделяли много внимания советской внутренней политике, а печать из Москвы в Анкару доставлялась нерегулярно. Как бы то ни было, в 1931 году моему отцу стало известно, что на него имеются компрометирующие его документы, о якобы имевшей место встрече между ним и бывшим военным наркомом. Это была дикая и невероятная по своей чудовищности,

инсинуация, не имеющая под собой совершенно никакой основы. В своё время, где-то примерно году в 1912-ом, может позже он, будучи совершенно молодым человеком, жил в Париже и общался со многими русскими. Это были в основном люди богемы, художники, театральные деятели, как впрочем и другие, кто интересовался «Русскими сезонами». Был знаком, кстати говоря, с Мартовым. Тот издавал тогда в Париже небольшим тиражом газету «Наше слово», но мой отец не был приверженцем его идей и взглядов. Вообще, политика его не интересовала и тем более радикалы с их планами переустройства мира. Троцкий входил в редакционный совет и не исключено, что они встречались. С таким же успехом он мог видаться и с другими, например с Лениным или Плехановым. Круг общения культурных людей зачастую не замкнут только двумя, тремя близкими друзьями. Он почти забыл об этих ничего не значащих для него фактах, но как оказалось, кому-то они оченьгодились.

Кто-то состряпал ложный донос, то ли из желания занять его место, то ли по другой необъяснимой причине. Неизвестно. Как раз были подписаны Советско-Турецкие соглашения о сокращении вооружений на Чёрном море и ему пришла бумага, отзывающая его на Родину. Оснований не доверять тому, кто его предупредил, не было и он прекрасно понимал всю безысходность своего положения. Выбора не оставалось и он решил не возвращаться.. Незадолго до этого он успел отправить письмо вашему деду, где оповещал о том, что скоро прибудет с картинами, но ему это так и не удалось.

- А как картины оказались у него?

Макс жадно внимал всем её словам. Лейла сделала небольшую остановку, как бы сопоставляя факты.

-Я не знаю всей предистории, но он мне рассказывал, что их сюда из Парижа привезла одна женщина. Он знал её по своему парижскому периоду жизни. Ваш дед их когда-то познакомил на одной из выставок. Мой отец называл её имя. Не уверена, подскажет оно что-то или нет... Её звали Луиза.

Макс растеряно посмотрел на Речел.

- Ты об этом ничего не знала?

Та отрицательно покачала головой. Макс глубоко признательный за этот рассказ, решил прояснить ситуацию.

- Я вам представил свою спутницу, но теперь я могу добавить одну немаловажную деталь. Речел, внучка той самой Луизы.

Лейла с интересом взглянула в её сторону.

- Я рада, что картины оказались у людей, для которых их судьба небезразлична. Это снимает камень с моей души и чувство вины за желание их продать.

Она закурила и в раздумье проговорила.

- Не всегда легко поверить в высшую справедливость и чаще всего происходит обратное, но вот как раз сегодня судьба распорядилась иначе, по своей странной прихоти или шальному капризу.

Рейчел дружелюбно и с пониманием кивнула.

- Мне кажется Лейла, вы, как и мы смотрите на жизнь с долей необходимого реализма. Это всегда придаёт силы бороться с трудностями. Для любого поколения рано или поздно наступают не самые лучшие времена. Говоря о лучших годах, я кажется припоминаю кое-что из рассказов моей бабушки. Тогда в раннем детстве я не придавала им особенного значения, но теперь они имеют совершенно другой смысл. В тридцатых годах ей посчастливилось путешествовать на Восточном Экспрессе. Она даже хранила у себя корешки билетов со своим именем и роскошно изданное меню с номером её столика в вагоне-ресторане. Эта незабываемая поездка, которая началась с вокзала Кале в Париже, настолько врезалась в её память, что даже рассказывая много лет спустя, она испытывала необычайное волнение. Легендарный Восточный экспрес...Только представить себе такое, уже захватывает дух!

Шикарный Пульмановский вагон с изысканным декором в духе Арт-деко. Светильники, стёкла которых были подписаны Рене Лалик, богатая отделка купе экзотическими породами дерева, словом о таком можно было только мечтать. Эссенция утончённой роскоши. Конечным пунктом был Стамбул! Теперь я знаю, что она везла в багажном отделении. Восемь работ, которые ей удалось спасти и которые она хотела передать их автору!

- Макс, я испытываю гордость...

Господи, как важно знать мотивы, что движут человеком, а не просто домысливать его поступки. Ах,

Луиза, Луиза, я немного тебе завидую.

Речел испытывала необычайный душевный подъём. То же состояние экзальтации присутствовало в ней при чтении писем. Казалось, исчезает грань между временем тем и этим и лишь только очень понятные и близкие чувства соединяют их всех своей неразрывной нитью.

- Послушайте, Лейла. Что же произошло с вашим отцом дальше?

Речел словно устыдилась своего восторженного настроения, когда речь шла о далеко непростой ситуации человека, в который не по своей воле он был вынужден броситься в полную неизвестность во имя спасения.

Лейла усмехнулась.

- Да уж ничего хорошего. В Анкаре он оставаться не мог и не хотел и перебрался в Стамбул. Практически без средств к существованию, ему европейцу было нелегко. Это теперь, здесь очаг западной цивилизации, а тогда всё было совершенно иначе. Его не покидала мысль уехать во Францию, где сохранились некоторые связи, но для этого нужны были деньги. Долгое время он не мог устроиться и перебивался случайными заработками. Приходилось пробовать всё. Идти под мешок грузчиком в порту или за мизерные гроши идти с рыбаками в море, пока в один прекрасный день ему не улыбнулся случай. Как-то при загрузке очередного парохода не оказалось рядом то ли шипшандлера, то ли ещё кого, кто отвечал за работу, неважно. Все буквально сбились с ног, отыскивая кто бы смог посодействовать с переводом сопроводительных документов. Отец вызвался помочь и узнав о его способностях говорить и писать на нескольких языках, уже на следующий день хозяин грузовой конторы предложил ему, неплохой по тем временам, контракт. Вскоре он не только вёл все переговоры, рачительно отстаивая интересы своего работодателя, но и сумел подсказать ему оптимальную систему расценок, которая подняла доход чуть ли не вдвое. Хозяин на него молился и зорко следил, чтобы никто не пытался отца переманить, но все опасения были напрасны. Он и не помышлял об уходе. Кроме этого, к тому времени отец нашёл для себя отдушину, сотрудничая в одной из местных газет. Совмещать два этих занятия оказалось необременительно и жизнь его постепенно налаживалась. Заработки позволили ему снять хорошую квартиру и он начал уже всерьёз готовиться к отъезду.

Однако этим планам не суждено было сбыться. Внезапно в его жизни появилась Саригюль, прекрасная турчанка, в которую он влюбился настолько, что не мог думать ни о чём более, как только о ней. Она была дочкой издателя газеты, в которой он подрабатывал, человека весьма прогрессивных взглядов. Он её встретил и тотчас понял, что никуда уже не уезжает. Через год они поженились и уже сама собой отпала необходимость искать счастье во французской столице. Да и зачем? Когда мужчине же за сорок, он чаще всего понимает, что можно быть только благодарным за такое чувство, а всё остальное, это несвершившиеся юношеские стремления и не столь желанные теперь, как когда-то казалось. Кстати, имя моей матери переводится, как Жёлтая роза. Не правда ли очень красиво? Мой отец всю жизнь дарил ей розы именно жёлтого цвета и я с раннего детства запомнила их нежный аромат. Мои родители прожили счастливую жизнь и здесь на берегу Босфора отец провёл свои, наверное, лучшие годы. Он всегда ревностно следил за всем, что происходило в России, но как мне кажется, он воспринимал её другой страной, выпестованной в собственном сознании и бесконечно далёкой от той реальной, что находилась на другом берегу, всего в сутках перехода по морю. Картины он так и не смог переправить по назначению, но никогда не оставлял эту мысль. Они так и стояли нераспакованные очень долгое время. После тридцать седьмого года это было нереальным, до него доходили слухи о начавшихся там репрессиях. Потом война, потом опять не самое подходящее время, так и не пришлось сделать то, в чём он видел свой долг порядочного и честного человека. После смерти отца я пыталась разыскать наследников через Инюрколлегию, но к сожалению, никто не мог ничего с уверенностью сказать о художнике, который подписывался в начале века, «Т. Флей». Это была максимальная информация и сколько мы не запрашивали, всё было впустую. Так и остались эти благие намерения невыполненными. Год назад понадобилась сложная операция для моей матери и я решила их продать. Я думала, что отец несомненно одобрил бы моё решение, тем более, что мы приложили все возможные усилия, чтобы вернуть их законному владельцу или его семье. Иса был долгое время другом нашего дома и ему я поручила это деликатное дело, с которым он справился блестяще. Когда он мне сказал, что вы внук того

самого художника, я не могла поверить, что такие совпадения возможны. Для моего отца эта новость была бы большим утешением, мы были с ним очень близки. Я готова вернуть деньги, но немного позже. Сейчас я просто не в состоянии это сделать, вся сумма пошла на погашение медицинских счетов и сказать вам о своих намерениях, это одна из причин, почему я здесь.

Лейла умолкла.

Речел, повинувшись внезапному порыву подошла и обняла её. Они долго так стояли, не произнося ни слова и в этом безмолвии было и так всё предельно ясно, что думал каждый или хотел сказать.

- Лейла, даже не думай об этом. Пусть твоя мать будет здорова и радуется тому, что картины там, где они должны были быть.

У Речел на глазах выступили слёзы, уж слишком непредвиденной оказалась встреча с этой женщиной..

- Мне необходим год, для того, чтобы закончить монографию и издать её. Тогда же мы планируем небольшую выставку. Правда, Макс?

Речел не искала поддержки, она уже беззаветно верила, что именно так всё и произойдёт.

-Ты будешь нашей гостьей, Лейла и сможешь убедиться в том, что эти работы начнут свою новую жизнь.

- Спасибо, Речел. Вероятней всего, я воспользуюсь вашим предложением, мне очень хочется увидеть эти полотна, выставленные на обозрение публики. Я уверена, этого бы хотел их автор и мой отец, а если такая выставка состоится, она безусловно будет данью памяти им обоим и той, которая привезла картины сюда. Что ж, мне пора...

Она немного помедлила и открыв свою сумочку, достала оттуда сложенный вдвое розовый конверт. Наверное, когда-то он был именно такого цвета, но теперь бумага выцвела и приобрела скорее кремовый оттенок.

- Это то, что мой отец должен был передать вашему деду. Это письмо Луиза оставила ему вместе с картинами. После того, как он исчез из поля зрения советских органов, ему нетрудно было предугадать, что любая от него весть может обернуться большими неприятностями для друзей и близких у себя на родине и потому решил его хранить до лучших времён или отправить с какой-нибудь оказией, позднее. Но случая такого к сожалению, не представилось. Я думаю, оно по праву принадлежит вам.

Она протянула Максу запечатанный конверт.

- Ну вот, теперь уже точно всё. Мне было очень приятно познакомиться и приобрести новых друзей.

Они провели её до машины. Уже прощаясь, Лейла обратилась к Макс по-русски

- Прости меня, Макс. Эта продажа была вынужденной.

Заметив, что он удивлён, она добавила.

- Отец посвятил много времени, чтобы выучить меня говорить на родном ему языке. Его старания не пропали даром. Я по профессии историк и много знаю о России. До свидания.

Она пожала ему руку и ещё раз обняла Речел. Уже из машины, перед тем как отъехать, Лейла ещё раз помахала им рукой. Они оба ещё долго смотрели ей вслед, пока автомобиль не затерялся в потоке уличного движения. Макс продолжал машинально прижимать к себе одной рукой конверт, пытаясь до конца осмыслить всё услышанное.

- У меня такое впечатление, что всё что происходит, неспроста. Что ты думаешь, Речел?

Она лишь пожала плечами.

- Я была уверена в необходимости этой поездки с самого начала и теперь уже ничто меня не остановит претворить свои планы в жизнь.

Речел взяла его за руку.

- Ты знаешь, по-моему это первый в моей практике проект, когда я не думаю о материальной стороне дела. Это то, что у вас называется бесребреник?

Она запомнила это слово и теперь ломая язык, произнесла его. Макс обнял её за плечо и продолжая смотреть вдаль, куда отъехала машина, в задумчивости ответил.

- Нет, не совсем, Речел, но ты на верном пути и я уверен, что твоя бабушка бы тебя благословила.

Макс протянул ей письмо.

- Открой...

Невозможно было вообразить, что оно пролежало не один десяток лет, так и не полученное никогда адресатом.

* * *

«...Мой дорогой друг, я уже давно утратила надежду на твоё возвращение. С тех пор как ты уехал, я ждала, пока не поняла, что это уже навсегда. Я не ропщу и понимаю, что ты там остался скорее всего по воле обстоятельств. Эта ужасная война, превратила жизнь в кошмарный кровавый водоворот и не пощадила никого, даже тех, кто не был на полях сражений. Какая жуткая нелепость, когда люди должны убивать друга друга по причинам бессмысленным и непонятным. Во имя чего всё это?

Потом докатилась весть о революции в России. Парижские газеты много писали о ней, о разрушительной силе большевиков и злом гении их вождей. Мне думается, что тебе пришлось много пережить. Мой милый бедный, Тео. Я долгое время не была уверена жив ли ты или как многие, сгинул в этом пекле. Совершенно случайно узнала от одного из русских о тебе. Здесь их в Париже превеликое множество, тех кто ещё не смирился и ждёт перемен. Не знаю, чего у них в душе больше, то ли отчаяния, то ли веры, которая им подсказывает надежду. Столько разных людей, глядя на которых, не легко отделаться от сострадания за их лишения и невзгоды. Боже мой! А ведь всё могло быть совершенно иначе.

Тогда, в четырнадцатом году почта перестала приходить почти сразу с началом военных действий. Твоё последнее письмо пришло как раз накануне и после этого полное молчание. Я отыскала Анри и поделилась с ним своим беспокойством. Он тоже был в полном неведении. Вместе мы побывали у тебя в студии и перевезли к нему картины. Из разговора с Мсье Трианье стало очевидным, что он не может ждать так долго арендную плату и не думает, что ты сможешь вернуться в скором времени. Впрочем, он был очень предупредительным и даже высказал своё сожалению. Оставшиеся наброски и незаконченные работы я превезла к своей тётке, а оттуда потом к родителям в Прованс. Там они хранятся до сих пор. Хочется надеяться, что принятое мной решение, постараться переправить картины к тебе, будет правильным. Мне кажется, что там они тебе нужнее. В советском представительстве в Анкаре работает господин Артов, ты наверное помнишь его по Парижу. Я их привезу и передам ему. Он специально прибудет в Стамбул, чтобы меня встретить. Человек он препорядочнейший и я знаю, что он сможет выполнить эту мою просьбу. Уверенна, ты будешь рад снова увидеть свои работы, а у меня навсегда останется в памяти эти незабываемые дни, что мы провели вместе.

Твоя Луиза...»

* * *

Письмо оказалось очень коротким и Речел прочитала его на одном дыхании. Оно окончательно проливалось свет на те далёкие события. История была грустной. Она заполнила пробел в истории Макса семьи и он был первым, кто услышал об этом. Останься тогда его дед в Париже и его жизнь сложилась бы по-другому. Обязательно ли лучше? Наверяд ли можно дать утвердительный ответ. Никто не ведает. Прошое не поправишь. Оно как монолит спаянных между собой событий, в которых судьбы народов, как тонкие прожилки, а человеческие жизни и вовсе, как едва заметные крупинки. Они переплетены между собой и их уже невозможно отделить друг от друга. Странно, как порой единицы вовлекают в круговорот истории тысячи других и те оказываются абсолютно беззащитными жертвами перед лавиной всеобщего психоза, уничтожающего всё на своём пути, вызванной безжалостным и одержимым одиночкой. Тем, кто имеет внутренние силы противостоять, чаще всего достаётся первым и если они не обладают в достаточной мере чувством самосохранения их просто сметает. Его дед оказался у себя на родине, когда та переживала излом. Жёсткий ветер перемен, как предвестник скорого ненастья, обрушился, когда он его не ждал и не был готов, но его творчество помогло ему выжить и сохранить себя как личность, когда вокруг рушился привычный уклад. Он не приспособился, а жил в своём замкнутом мире, ревностно оберегая его границы от посягательств извне. Может быть это и есть удел творческой

личности, всегда стоять в стороне и в лучшем случае быть наблюдателем, не участвуя в роковой и беспощадной схватке?

Они прошли на набережную Босфора и уже оттуда Макс долго всматривался вдаль. Он продолжал думать о судьбе, уготованной каждому и ещё о том, что никогда не следует опрометчиво делать поспешные выводы и оценки, полагаясь только на свой собственный опыт и понимание происходящего.

-Глава 12 -

Короткий визит, столь богатый разносторонними впечатлениями, подошёл к концу. В салоне трансконтинентального Боинга 767, компании «Американские авиалинии» на него дохнуло знакомой атмосферой самоуверенной беспечности. Приветливо улыбающиеся стюардессы, почти сплошь блондинки, неестественно радостно встречали у входа в самолёт. Следуя гуськом за другими пассажирами, Макс с Речел проследовали через просторную секцию для корпоративных бизнесменов, с завистью отмечая расстояние между креслами и заняли свои места в экономклассе, едва протиснув колени между сиденьем и спинкой другого кресла впереди.

«...Как уложенные в банку селёдки. Аккуратно, но деться в случае чего, некуда...»

Макс не любил летать. Это был даже не страх, а чувство обречённого животного, от которого ничего не зависит. Каждый раз перед взлётом он мысленно прощался с жизнью и вздох облегчения вырывался из его груди, когда колёса крылатой машины касались бетона при посадке. Макс всегда почти безуспешно старался отогнать от себя эти мысли, но они упрямо занозой торчали в сознании, отравляя его настроение. Единственным спасением было пару «дринков»

Когда самолёт набрал высоту, наконец появилась долгожданная тележка с ассортиментом алкоголя и соды. Предвидя экономию во всём, не только в досконально выверенной тесноте салона, он благоразумно попросил несколько порций водки, не смущаясь при этом подозрительных взглядов благообразной старушонки соседки через проход справа. Уже искоса Макс заметил, как та с ужасом наблюдает за ним, методично опустошающим небольшие пластмассовые стаканчики. После водки заметно полегчало и он брался к Речел с вопросом.

- Ты думаешь, есть шансы отыскать наброски и незаконченные работы?

- Не знаю. Я уже и сама об этом думала. Моя мать совсем недавно верулась из Франции. Жаль, знай мы об этом раньше, я бы поручила ей навести справки. Прованс. Хм?

Рейчел сдвинула брови.

- Никогда не слышала о ком из родственников, кто бы жил когда-нибудь в этой провинции. Прилетим, я ей тотчас позвоню. Несмотря на её преклонный возраст, она продолжает всё хорошо помнить. Дай бог, мне в её годы сохранить такую память.

Она достала блокнот и стала делать какие-то пометки. Потом подвинувшись к Максиму поближе, призналась.

- Не могу дождаться, чтобы приняться за работу. Никогда бы не подумала, что обращусь к фовизму. Ты знаешь, это явление было скорее всплеском в художественной жизни, чем философски осмысленным до конца, течением. По сути дела, все, кто тем или иным образом экспериментировал с пластической деформацией и отрицал линейную перспективу сошли с этого пути и каждый пошёл своей дорогой. Возьми даже своего деда. Выразил свой протест против формального натурализма и сам того не ведая, как блудный сын, вернулся в лоно реалистичной живописи. В нём жил прекрасный портретист и несмотря ни на что, это проявилось. Кстати «Женщина на фоне иконы» несомненный шедевр и мне прекрасно понятны мотивы каждого из покупателей этой картины. Признаться, я уже за ней скучаю. А ты?

Макс мечтательно улыбнулся.

- Я всегда трепетно относился к тому, что я знал о ней, но теперь она со мной. Моё сердце переполняет благодарность. Ещё раз большое спасибо, Речел. Ты подарила мне право обладания.

Она коснулась его руки и кивнула. Как-то само собой незаметно, но очень прочно между ними

возникло обоюдное взаимопонимание. Макс ощущал это внутренне и если бы даже он попытался себе объяснить анатомию подобных взаимоотношений, то всё равно не смог определиться, что их обоих привлекает, как друзей и когда они предпочитают видеть друг в друге любовников. Одно было несомненно, такого рода связь, которая имела первостепенный смысл для Макса, для Речел оказывалась вторичной. Там где Макс хотел и отдавался всецело своим желанием, она преследовала какой-то свой необъяснимый для него смысл и чем дольше он её знал, тем более убеждался в его присутствии.

Перелёт, на удивление, прошёл без приключений. Макс ещё несколько раз воспользовался услугами стюардессы, которая толкала перед собой контейнер с напитками и в полухмельном трансе почти не заметил, как пролетело время. В Чикаго предстояла пересадка. Состояние обречённости заметно притупилось и кроме всего, он уже настолько утомился многочасовым перелётом, что проспал весь остаток пути до Лос-Анджелеса. Едва они разместились в салоне, как Макс тут же моментально крепко уснул и очнулся, когда самолёт начал снижаться. Жутко ныла шея от неудобной позы и нестерпимо затекли ноги. Он было хотел их выставить в проход, но они мешали остальным пассажирам, которые как подорванные начали бегать в туалет. К счастью из окна иллюминатора уже показалось береговая полоса и уже очень скоро они совершили благополучное приземление в международном аэропорту «Том Бредли Интрншенел»

«... Пронесло, слава Богу...»

Кликнуло автоматически в голове и наступило полное расслабление. Они отсутствовали в общей сложности меньше недели. Несмотря на то, что Макс предупредил своих партнёров о своей краткосрочной отлучке, он не был уверен, что без него всё идёт гладко. Здесь закон пакости носил имя Мёрфи, но суть оставалась той же. По-прежнему бутерброд падал маслом на пол и эта паскудная особенность носила несомненно интернациональный характер. Все локальные неприятности случались именно в те моменты, когда они менее всего были кстати. Макс ожидал их произвольно всегда и теперь он не без раздражения думал о сюрпризах, сопутствующих его бизнесу. Сколько раз он пытался себя перебороть и не волноваться по этому поводу. Все попытки самоубеждения терпели полное фиаско и хорошо знакомые беспокойные мысли, - «...А как там без него?», - нервно покалывали сознание.

Как ни странно, всё обошлось и хотя автоответчик был полным, большинство сообщений оказались пустяжными. Макс всех предварительно оповестил письменно, но как обычно, на его памятку не каждый обратил должное внимание. Он слушал в записи недоумённые голоса своих жильцов и ловил в них тревогу. Они понемногу привыкли к тому, как Макс вёл здесь дела. Больше никто не мутит воду, то ли от наконец, осознанной бесперспективности этого занятия, то ли просто перегорев и махнув рукой. Его уверенность, так поначалу раздражавшая активных сторонников его неприятия, с другой стороны делало их здесь пребывание стабильно комфортным. Они знали, что он не допустит беспорядка и потому надеялись на него. Так вероятно, стадо овец бессознательно ищет жёсткую руку пастуха и мечется в растерянности и панике, если её нет.

Подчинение, не всегда насилие над собой и для некоторых, это единственное спасение от собственного безволия.

Одно правда, не терпело отлогательств. В конце месяца, как раз накануне его путешествия в Стамбул, съехали Дженифер и Сюзан. Макс не был полностью в курсе дела, но потому, чем они вскользь обмолвились, понял, что обе собираются на работу в Корею по какому-то контракту. Туда же отправился и их кобель. Так и не познанная к середине жизни материнская любовь, нашла своё приложение в холёном псе, за которым они смотрели, как за собственным дитём и не видели для себя возможности лишиться этой привязанности. Теперь зачем-то им понадобилась копия соглашения о найме квартиры и они просили её срочно выслать. Макс не стал оттягивать и в тот же день отправил им по ФАКСу то, о чём они просили. Буквально через пару часов они уже телефонировали обратно, что нужна ещё одна бумага. Макс услышав в трубке знакомый хриплый голос Дженифер, не мог не поинтересоваться о судьбе их верной собачки.

- Дженифер, как Гейбл?

По-видимому он был не первым, кто с пристрастием спрашивал о её любимце и она посмеявшись, тут же его заверила.

- Живой. Ещё не съели.

Увы. Устоявшееся клише общественного сознания не могло и её обойти стороной и став добровольной жертвой предвзятого отношения к другой культуре, она каждый раз с тревогой смотрела на упитанное и гладкое тело с лоснившейся шерстью.

Гейбл оказался тем существом, которое как оказалось, подружилось их двоих с Джейн. Этим с Максом поделилась Сюзан, когда он однажды похвалил собачку и безбоязненно потрепал её по холке. Такое проявление открытой любви к животному не могло не тронуть её сердце. Если женщина любит ушами, а мужчину можно завоевать через его желудок, то наверное, притронуться к душе лесбиянки можно, оказав внимание её четвероногому другу? Незамысловатая ласка, такая обычная для нормального человека, понравилась Сюзан и она вдруг прониклась к Максиму доверием. Гейбл беспокоил их в последнее время. Плохо ел и вообще, вёл себя как-то странно. Его отвезли к ветеринару, но тот ничего не нашёл криминального и посоветовал с ним побольше гулять. Животное могло тосковать в одиночестве, а недостаток движения и свежего воздуха, по мнению собачьего доктора, которому они доверяли, сказывалось на общем тоне. Неожиданно выручила Джейн. Остановившись однажды ночью возле их двери и услышав подскуливание, она на полном серьёзе начала с ним разговаривать. Но самое удивительное было в том, что Гейбл слушал и опять скулил в ответ. Сюзан не решалась выглянуть и сказала об этом Дженифер, которая не видела ничего страшного, чтобы распахнуть дверь и прямо спросить свою соседку, какого рожна она здесь ошивается и с кем беседует. Услышав в ответ, что с собакой, она с усмешкой процедила сквозь зубы.

- Ну и что он тебе поведал?

Джейн несколько не смутилась.

- Пёс хочет воды, которой его недавно поил мужчина.

- Ты уверена?

В квартире единственной особью мужского пола был Гейбл.

- Это то, что его беспокоит.

Джейн оставалась невозмутимой. Только тут Дженифер сообразила, что месяц назад, когда они ездили к её отцу во Флориду, Гейбл оставался под его присмотром на несколько дней.

Слушая Сюзан историю, Макс продолжал гладить собаку и та будто понимая, что это разговор о ней, тоже внимательно слушала.

- Представляешь, утром когда Дженифер ему позвонила, он сказал, что добавлял в воду лёд. Когда он таял, Гейбл пил. Его организму нужна талая вода!

Джейн, сайко!

Закончила Сюзан. Она несколько не сомневалась в собственных выводах. Ещё бы, Гейбл заметно повеселел после того, как в миске с водой он обнаруживал лёд. Выбросив его оттуда, он потом катал холодный кусок по всей кухне, пока тот не таял, если у него хватало сил и энергии на подобные упражнения после очередной продолжительной прогулки.

Как хорошо не быть замыкающим в шеренге познания. Всегда есть кто-то, кому есть о чём поговорить с собакой...

С Речел Макс расстался в аэропорту. Она поехала к Трейси, уже одержимая захватившим её проектом и обещала позвонить ему сразу, как выяснится хоть что-нибудь относительно незаконченных холстов и набросков. Он не испытывал ревности или желания удержать Речел возле себя, прекрасно понимая возможно присутствующее в её душе, чувство вины от того, что она оставила так надолго Трейси одну. Их обособленный мир, в котором он случайно даже не оказался, а едва задержался на пороге, не требовал корректировки извне и меньше всего Макс хотел в нём что-то менять. В общем то, от него ничего и не зависело, но сохранять необходимую дистанцию и такт было куда предпочтительней, чем бесцеремонно туда соваться. Он знал, что скоро Речел опять собирается в Нью-Йорк. Там были какие-то дела, которые она временно отложила, в связи с поездкой и кроме всего прочего, ей хотелось навестить дочь.

Существовала и другая причина. В Нью-Йорке у неё имелся доступ к нужной ей информации.

Предстояла большая работа и шансы подготовить почву для предстоящей публикации там возрастали в геометрической прогрессии. Несколько статей в журналы должны были, по её мнению, подогреть интерес публики к загадочной фигуре художника и его работам. Речел очень надеялась на свои связи, прекрасно отдавая себе отчёт в том, что без них, даже самые перспективные начинания могут быть обречены на прозябание и медленную смерть.

Вскоре прибыли картины. При отправке Макс не рискнул снимать холсты с подрамников и перевозить их свёрнутые в рулон. В таком виде их было бы транспортировать значительно проще, восемь холстов без труда бы поместились в два тубуса, но присутствовал обоснованный риск, повредить красочный слой. На некоторых из них уже была заметна предательская сетка кракелюров и любой неосторожный изгиб мог стать крайне нежелательным.

Большой ящик привезли прямо к его дверям и эта доставка вызвала множество любопытных взглядов его жильцов. Никто здесь не страдал от переизбытка скромности. Пока Макс ходил за инструментами, чтобы разобрать фанерную упаковку, один из его соседей уже успел прочесть адрес отправителя. Впрочем, транспортная этикетка со звездой и полумесяцем была хорошо заметна с расстояния и невооружённым глазом. Прямо напротив его дверей жил молодой человек и он услышав возню грузчиков на площадке перед входом в их квартиры, не мог сдержать своего любопытства. Он тут же выпянул наружу, даже не подыскивая сравнительно резонный предлог. При этом, не забыл прихватить свой трёхэтажный сэндвич, который наверное не так давно приволок себе на завтрак из кафе за углом. Не прожевав как следует, он больше промычал чем проговорил.

- Большая посылка...

Парень явно хотел узнать побольше. Он без всякой деликатности впёрся глазами в ящик странной конфигурации, подыскивая в своей небогатой фантазии объяснение, почему он такой широкий и плоский. С сэндвича начал капать кетчуп. Сначала на его босую ногу, потом на пол и вскоре красная жижа потекла по руке. Он тут же откусил ещё раз и начал облизывать ребро ладони. Макса передернуло. Он хорошо знал эту американскую манеру, жрать и обсасывать пальцы. Его даже не коробило, а просто выворачивало наизнанку, такое изъяснение здорового аппетита. Макс вообще, не мог терпеть, когда люди говорили с полным ртом. Если кто-нибудь ему звонил и он слышал чавканье в промежутках между словами, ему тут же хотелось швырнуть телефонную трубку, так его раздражала эта хамская манера. Его сосед продолжал стоять в дверях, несмотря на то, что Макс ничего не отвечал. Бутерброд уже успешно оказался съеденным и он громко икнув, наконец понял, что разговора не получится.

Этот парень и его жена держали собственный бизнес и он заключался в том, что они развлекали на семейных торжествах детей, а иногда и взрослых. Чаще всего эта пара работала по выходным дням, объезжая на своём миниавтобусе дни рождения и другие праздничные мероприятия. Семейный подряд довольно неплохо крутился и они в качестве профессиональных клоунов были хорошо известны в околотеке под сценическим псевдонимом «Том и Куки». Поначалу Макс к ним относился даже с симпатией, но после того, как однажды увидел Тома с напильником в руках, которым тот собирался сточить у живого кролика передние зубы, сразу резко поменял своё отношение к этим варварам. Макс аж содрогнулся при виде, как этот изверг истязает несчастное и бессловесное животное. Для того несчастный кролик, был его реквизит, такой же как кольца или кегли, которыми он жонглировал.

«... Ну что за гад...».

Подумал тогда Макс об этом ублюдке, уже уверенный в своих дальнейших действиях. Ночью он неслышно открыл железную клетку, которая стояла тут же возле их дверей и подхватив лопухого отвёз его на склон горы, где сам часто видел диких животных. В кустарнике жили опоссумы и рыжие зайцы. Кролик, оказавшись на воле, сначала слегка растерялся, но не надолго. Макс хлопнул в ладоши и тот уверенно сиганул в темноту зарослей.

«...Теперь никто не будет вмешиваться в его судьбу. Захочет выживет, а нет, то хоть умрёт свободным. Беги и больше не попадайся».

Напутствовал его мысленно Макс. К счастью этот изувер не успел повредить ему резцы и шансы животного сохранить свою жизнь были высоки. Наутро клоун лазил долго во дворе под деревьями, пытаясь отловить беглеца. Ему и в голову не пришло, что кто-то может проявить акт сострадания.

Макс довольно скоро разобрал ящик и занёс плоские пакеты вовнутрь, захлопнув дверь перед полным любопытства, соседом. Оказавшись в одиночестве, он аккуратно и трепетно вытаскивал картины из картонных обложек, испытывая глубокое счастье от их присутствия. От них исходил притягательный магнетизм того времени и той обстановки, в которой они были написаны и на него буквально повеяло тем приподнятым настроением, что когда-то испытывал его предок, возможно отбирая какую-нибудь из них и подготавливая её к очередной выставке. Те первые впечатления, что его слегка обескуражили в Стамбуле, теперь пропали начисто. Стоило только взглянуть на неизвестные ему прежде работы другими глазами, чтобы увидеть в них горячий максимализм и желание заявить о себе во всеуслышание.

Макс их разглядывал вновь и вновь, скупулёзно изучая каждый мазок. Тогда, при покупке его не отпускало напряжение, настолько он был взволнован. Многие мелкие детали так и остались незамеченными, но теперь времени было предостаточно. Даже угадывалась хронология по едва меняющейся манере письма. Он вдруг вздрогнул. Одна из картин ему показалась чем-то знакомой. Это был портрет сидящего мужчины и перед ним находился непонятный предмет, напоминающий жаровню. «...Уж не та ли это картина, что упоминалась в одном из писем?»

Элементы фона на полотне были явно вторичны и всё внимание упиралось в лицо модели, нарочито яркое с чётко очерченным контуром.

«...А может быть это тот самый «Продавец каштанов»? Как он сразу не обратил внимание на эту пронзительную гамму цвета?»

Макс развернул холст тыльной стороной. Там оказались две довольно крупные надписи по-французски.

„ Le marchand ambulant par les chataigniers „

„ Le salon d’automne 1905 „

На подрамнике даже сохранилась небольшая пожелтевшая наклейка с номером. Не поделиться этой новостью он не мог. Впрочем и надписи следовало перевести. Копаться в словаре не хотелось, тем более, что он всё равно собирался позвонить Речел.

- Какие новости в мире искусства?

Он начал издали, но она сразу раскусила его тактику.

- Макс, не томи. Мне кажется, ты что-то хотел сообщить.

- Как ты знаешь?

- Очень просто. Ты не из той породы мужчин, для которых пустая болтовня, единственное средство показаться значительным.

- Ты как всегда проникательна, но разве просто поинтересоваться твоими делами, это недостаточный повод?

Речел рассмеялась.

- Я так полагаю, что пришли картины?

- Да. Но не только это. Я обнаружил на одной из них какие-то надписи сзади на холсте.

- Неужели?

Такая новость не могла оставить её равнодушной.

- К сожалению мой французский примерно на том же уровне, что и твой русский. Я думаю, одна название картины, насчёт другой не уверен. Я тебе сейчас прочитаю по буквам

Макс продиктовал текст.

- Последнее дата. 1905. Это без сомнения, год.

- Макс! Наши шансы растут! Мне срочно понадобится качественная фотография этого полотна. Первая фраза это, - «..Уличный торговец каштанами», вторая – «Осенний салон». Ты представляешь, что это значит? Мы имеем документальное и неопровержимое подтверждение участия этой картины в одной из самых знаменитых Парижских выставок!

- Речел, мы читали об этой работе в письме. Неужели, ты не помнишь?

-Ой, Макс прости. Я просто ошалела от всего материала, что мне удалось собрать.

Действительно, я припоминаю. Он там ещё упоминал одну из работ Матиса...

Новость действительно была замечательной. Фактическое подтверждение ставило эту работу на

совершенно другой уровень, перемещая имя художника в разряд тех, кем интересуются серьёзные коллекционеры и галерейщики. Макс ещё раз просмотрел внимательно остальные холсты, но кроме подписи ничего на них не смог обнаружить.

Просьбу Речел он выполнил и переслал ей фотографии всех картин, включая те, что он привёз с собой из Советского Союза. Поразмыслив, он пришёл к выводу, что её идея раскрутить здесь в Америке имя его деда не была столь нереальной и пожалуй, Речел была бы идеальным импрессарио. Она почти безошибочно сумела разглядеть в его творчестве и жизни яркие моменты, на которых собиралась сыграть и преподнести избалованной публике новое имя.

Через пару недель она вернулась в Лос-Анджелес и появившись у Макса, торжественно протянула ему свежий номер журнала «Коллекции и коллекционеры».

- Две новости. Как обычно, диаметрально противоположные. С какой начинать?

Макс не уловил в её тоне растерянности, напротив голос её звучал уверенно.

- Ну что касается хорошей, то наверное, это печатный материал в журнале. Я не ошибся?

- Бинго!

Браво, Макс!

- Что же тогда, плохо?

Речел вздохнула.

- Моя мать покопалась в семейном архиве. Её родня действительно жила в Провансе, в Арле, тогда малоизвестном и небольшом городке. После того как родители перебрались сюда, у бабушки сохранялась с ними какая-то ещё связь, но с её кончиной, всё оборвалось. По мнению моей матери, это её родственники по отцовской линии. Я запросила местную мерию, но к сожалению никаких следов. Семья могла переехать, если вообще кто-то остался жив. Столько лет минуло.

- Ты считаешь дальнейший поиск бесперспективным?

Речел замаялась.

- Трудно сказать сейчас, что можно предпринять более и откровенно говоря, я не думаю, что что-нибудь сохранилось. Прости меня за это малодушие.

Макс не знал, что возразить. Она была права, как бы не печально это звучало из её уст.

- Спасибо Речел. Я полагаю, что ты сделала всё, что могла.

Он не хотел ставить крест на поисках. В том, чтобы отказаться от того, что Луиза сумела когда-то сохранить, Макс видел неоправданное и даже преступное расточительство.

- Я надеюсь, что мы ещё вернёмся к этой теме.

Такое решение имело смысл, по крайней мере, сейчас. Взглянув правде в глаза, нельзя было не признать, что ни один из них не мог позволить себе посвятить этому время и средства.

Пока...

Макс не стал муссировать неудачу. Он открыл, пахнувший типографской краской журнал и пролистав его, наткнулся на фотографию картины «Продавец каштанов». Далее, на весь разворот следовала статья, подписанная Речел и озаглавленная сенсационно-броско «Неожиданное открытие».

- Поздравляю, Речел! Так скоро..?

Как тебе это удалось?

- Связи, мой друг. Как и везде, в Америке нужны связи. Кстати, это не всё. В следующем месяце в «Аукционном обозрении» будет напечатана статья о проданном не так давно полотне Корнелиса ван Донгена. Он тоже участник Осеннего салона в 1905 году и не исключено, что твой «Продавец каштанов» соседствовал с той проданной работой в одном зале. Я подняла аукционные каталоги. Картина со стартовой ценой в полтора миллиона ушла за сумму, превышающую начальную, чуть ли не вдвое. Собственно, Донген лишь предлог и основное внимание там уделено работам, что мы привезли из Турции. Вообще Макс, тебе необычайно повезло и дело даже не в деньгах. Истрия фовизма достаточно короткий период времени и практически все работы этих художников находятся или в музеях, или в крупных частных собраниях. Это феномен! Только родившись, они уже тогда имели спрос. Как обычно, газетная шумиха только подогрела к ним интерес, хотя никто не ставил себе целью, проводить рекламную акцию. Если бы не война и поллитические потрясения в России, что задержали твоего деда

далеко от Парижа, я уверена, что он бы стал знаменитым.

- Да! Ещё одна деталь. Не думаю, что мне следует её скрывать и тебе наверное будет небезинтересно узнать, кто автор этой будущей статьи.

Макс с удивлением посмотрел на Речел.

- И кто же?

- Одна очень талантливая журналистка, которая живёт в Лос-Анджелесе. Искусствоведение, это не совсем её амплуа и она больше тяготеет к другим темам, но на этот раз, ей пришлось в голову тоже принять участие и постараться осветить жизнь таланта с общечеловеческих позиций. Ведь ты же не против, если читатели узнают о необыкновенной судьбе несправедливо забытого художника. Я лично вижу в этом только положительную сторону. Нужный имидж, чаще всего, пролог к успеху. Она по моей просьбе взялась за такой материал и ей было необыкновенно приятно это сделать для одного из своих близких друзей.

Речел пристально взглянула Максу прямо в глаза.

- Уже догадался?

Общая знакомая у них была только одна.

- Трейси?!

Для Макса это стало откровением.

- Как видишь, узнавать о человеке лучше по его делам, а не по сплетням из его личной жизни.

Речел словно хотела ему напомнить о том, как он нескромно выпытывал однажды о её подруге. Новость не оказалась ошеломительной, но Макс не знал, как на неё реагировать.

«... Вот уж действительно никогда не знаешь, кто может с тобой оказаться рядом... Или под тобой.»

Подумал Макс. Впрочем, от Трейси он ожидал некий подобный вид её деятельности. На скучающую от безделья, богатую дуру, она не казалась похожей с первого дня. Теперь, когда завеса неизвестности немного приподнялась, уже было нетрудно представить её на этом поприще.

«... С определённым вкусом. Образованная, судя по своим замечаниям.»

Макс внутренне усмехнулся.

«...Если у человека хватает мозгов говорить о человеческой душе с позиций рассматривания её среза на предметном стекле, это уже знания, не привитые университетской профессурой.»

Он тут же вспомнил детали их последнего разговора.

« Да... Такие идеи можно почерпнуть совершенно из иных источников и чаще всего, они результат собственного опыта...»

Опять таки, Речел в подругах, а она не из тех, кто будет лишь бы с кем проводить время. Ну и конечно же, какой журналист без буйной и провокационной фантазии...»

Макс невольно про себя улыбнулся.

«... Вот и ещё одна разгадка. Да уж, у людей богемы другие способы занять своё свободное время и свои методы ловить кайф. Это не блуждание до одури по магазинам со стеклянными глазами или традиционные походы в кино по уикендам. Это ж надо было с такими познакомиться!»

Макс на секунду отвлёкся, но тут же опять вернулся к статье в журнале. Она была написана с толком, но кое-где, как ему показалось, уж слишком по-американски. Он не совсем был согласен с подачей фактов биографии его деда. Речел в некоторых местах неоправданно драматизировала события и от всей истории веяло ощущением переломанной жизни и сгубленного дарования. Он решил с ней поделиться тем, что его немного смущало.

- Речел, мне кажется ты чересчур сгущаешь краски.

Она внимательно посмотрела на Макса. Его мнение ей было далеко небезразличным.

- Ты дочитал до конца ?

- Нет, я в начале второй страницы.

- Тебе показалось, что я в чём-то преувеличиваю?

Макс на минуту замялся.

- Не то чтобы преувеличиваешь, но я бы не стал делать его жертвой обстоятельств. Ты помнишь, мы уже говорили на эту тему и я остаюсь в полной уверенности, что его жизнь удалась, несмотря на все

выпавшие на его долю испытания. Он даже воспитал учеников, которые видели в нём мастера.

Речел продолжала внимательно слушать Макса, но было заметно, что она имеет собственную точку зрения по этому поводу. Она мягко обхватила его запястье своей рукой.

- Я знаю.

Макс, я намеренно хотела вызвать такую реакцию. Не забывай, что статья рассчитана на людей, которые плохо знают, что такое социальные катаклизмы или тем более, революция, которая имела отзвук на несколько поколений. В итоге, это небольшой рассказ, пусть даже где-то приукрашенный мною и он работает лишь как необходимый фон для того, чтобы преподнести фигуру художника и его творчество в выгодном свете.

Плохое в сюжете всегда выглядит наиболее правдоподобным, чем хорошее. Оно не столько откликается сопереживанием, сколько будит неосознанный эгоистичный интерес. Читатель как-бы заглядывает за огороженное пространство, не в силах подавить в себе вздох облегчения, что это не с ним. Разве не так? Ты только оглянись вокруг себя. Любая неприятность вызывает неизбежное любопытство. Даже простая авария на дороге заставляет замедлять скорость других водителей, которые ещё минуту назад спешили по своим неотложным делам. Чужое несчастье завораживает и приковывает к себе внимание. Я писала эту статью с учётом мировоззрения тех, у кого она окажется перед глазами.

Во взгляде Макса Рейчел пыталась отыскать согласие.

- Прочти всё и постарайся проанализировать, как к этому отнеслись, ну скажем твои жильцы. Для них существует исторический стереотип твоей страны и того, что с ней произошло. Нелегко и не стоит кого-то переубеждать, в Америке это не только неблагодарное, но и бесполезное занятие. Поставь себя на их место и ты убедишься, что я права. Но дело и не только в этом. Я отношусь к написанной статье, как к сценарию фильма. Должно быть увлекательно и присутствовать любовная история. На таком воспитано не одно поколение и прочитав волнующий рассказ о картине, дошедшей из небытия, замешанный на трогательных событиях, читатель воспримет этот факт, как счастливый конец. Я не могу не оправдать ожидания. Это закон жанра. Кстати, ты помнишь, как однажды говорил, что для тебя главным остаётся художник, его творения и его жизнь, а не реакция толпы. Или я что-то поняла не так?

Макс не ответил и опять погрузился в чтение, пытаясь теперь взглянуть на весь материал с её позиций. Он уже угадывал, к чему она ведёт. Шаг за шагом Речел педантично подводила к мысли, что отыскала клад и готова поделиться сокровищем с тем, кто окажется достаточно дальновидным, чтобы это понять. Она действительно проделала большую работу. Окунувшись в неё с головой, Речел заражала своей энергией и напором. Они буквально исходили от неё, как флюиды и под их действием трудно было не поверить в успех. Тактика, избранная ею, не выглядела чем-то новым. Публику необходимо подготовить. Так было всегда, этим Речел занимается сейчас и будет продолжать в том же направлении. Пока Макс дочитывал статью, она стала перебирать стопку бумаг, которые принесла с собой.

-Да! Пока не забыла, Макс...

Прости, что отвлекаю тебя, но это очень важно.

Речел достала два листа с французским текстом.

-Это распечатка, которую я запросила архиве библиотеки Конгресса. Оказывается, имя твоего деда входит в «Бенезит» 1909 го года. Это очень серьёзно, лишь бы кто туда не попадает. Ты знал о том, что он упоминается в этом престижном издании?

Макс с изумлением слушал.

- В том же году его приняли в члены жюри, об этом мы читали в письме, но он не упоминает о том, что одну его работу тогда же приобрёл Люксембургский музей.

Вот посмотри, это копия акта покупки.

Речел вытянула ещё пару скелотых листков из стопки. Она хорошо ориентировалась в их расположении. Это был водопад фактов, о которых Макс даже и не подозревал. Он опять взял в руки журнал и вскоре подобрался к последнему абзацу. Несмотря на некоторые неточности, что вызвали его сомнения, всё в целом звучало очень профессионально и убедительно.

- Речел, я чувствую у тебя далеко идущие планы. Не хочешь ими поделиться?

Он уже почти не сомневался, что в её голове не только выставка и монография. Вопрос не застал Речел

врасплох, по видимому она не только раздумывала, но и намеревалась сделать Макс уже вполне конкретное предложение.

- У меня действительно есть одна идея и я бы очень хотела, чтобы ты правильно меня понял.

Как и всегда, сейчас она нисколько не страдала от отсутствия прямооты или решительности. Завидная черта характера, которая всегда выделяет из толпы цельную и уверенную в себе натуру.

- Что ты думаешь о том, если «Продавец каштанов» будет участвовать в аукционе?

- Продажа?

Он пристально и спокойно посмотрел Рейчел в глаза.

- Послушай Макс... Тот факт, что картина будет выставлена на крупные торги имеет огромное значение.

Она экспонат выставки, о которой знает весь мир. Тем самым мы сможем заявить о её принадлежности к совершенно другому классу живописи. В данном случае выбирать не приходится. Если она будет продана даже за цену недалекую от начальной, имя твоего деда уже автоматически становится известным. Не узкому кругу специалистов и музейных работников, а поклонникам и любителям искусства, а самое главное тем людям, которые готовы и будут вкладывать в эти работы деньги. Рейтинг всех остальных полотен перемещается со снисходительного определения «НХ» до совершенно других высот мирового уровня.

Она старалась его убедить.

- Ну подумай, какая самая высокая награда для художника?

Его признание. Не так ли? Или ты это склонен оспаривать?

Макс прекрасно осознавал неоспоримость её доводов, но факт продажи или пусть даже попытки этого, терзал его совесть, как предательство по отношению к художественному наследию.

- А если так,

Речел с воодушевлением продолжала.

- То тогда, как ты видишь это признание? В чём оно выражается, кроме пустой глубокомысленной болтовни о понимании замысла или лицемерных похвал?

Трудно было что-нибудь возразить, да и что можно сказать, когда эта женщина положила столько сил и стараний. Макс вдруг осознал и другой аспект.

«...Для неё аукцион станет её собственным триумфом и он не вправе этому помешать. Рейчел заслужила его, как никто более и если бы не она, то вероятней всего, парижские работы так бы и остались для него недостижимыми.»

- Макс, ну неужели тебя не взволнует вид картины на подиуме и тот ажиотаж, что может возникнуть в зале. Поверь мне, события такого ранга не происходят часто. Ты как-то мне сказал о звездных часах человечества, так вот это один из них для твоего великого предка!

«...Почему она так заинтересована в успехе его картин..?»

Его вдруг посетило опять то странное предположение.

« ... Нет, это невозможно.»

Макс продолжал молчать, сосредоточившись на «Продавце каштанов», словно уже мысленно прощаясь с этой, ставшей ненадолго его собственностью, картиной. Он слушал Речел и её голос доносился как-будто одалека.

- Я уже не говорю о том, что для тебя это будет реальный шанс ощутить финансовую свободу. О таком мечтают многие, но далеко не всем оно удаётся. Подумай об этом. Ты сможешь вести именно тот образ жизни, что тебе по нраву, а не быть зависимым от постоянного и беспокойного участия в своём бизнесе. Ты никогда не обмолвился и словом об этой стороне своей жизни, но я то прекрасно осведомлена, как люди могут быть надоедливы только одним своим присутствием.

Или я ошибаюсь?

В её запасе был ещё один аргумент, но Речел не решалась его использовать. Даже то короткое время, что они провели вместе, уже открыло её глаза на Макса характер и теперь она прекрасно видела, с кем имеет дело. Колебания были недолгими. Она решила быть до конца откровенной.

- Я прекрасно понимаю, что тебя тяготит то обстоятельство, что я рассчиталась за все картины.

Заметив его моментальную нервную реакцию, она уверенно, не дав себя перебить, продолжала.

- Не возражай. Когда-нибудь такой вопрос может возникнуть, так почему об этом не подумать заранее? С деньгами от продажи тебе предоставляется случай их откупить у меня. Меня это не беспокоит, но я знаю тебя и твою щепетильность. Цена останется той же самой, что я тогда уплатила Исе.

Речел уверено играла на Макса чувствах, откровенно желая ему добра. На его месте она бы не раздумывала. В Макса терзаниях она видела лишь совершенно ненужные препятствия, которые он сам искусственно для себя создавал. Этот кажущейся ей рудимент его сознания, по её глубокому убеждению, ему только мешал. Однако, беспокойство Речел было излишним. Макс уже принял решение. Оно созрело подсознательно, ещё тогда, когда Речел завела разговор о Донгегне. Тогда она как-бы невзначай привела убедительные факты и они не остались незамеченными и более того, возымели соответствующее действие.

«... Она неплохой психолог...»

Подумалось Макс.

«...Моя собственная тяга манипулировать сознанием окружающих на её фоне выглядит жалким любительством. Это даже не профессионализм, а нечто совершенно другое...»

Я наверное один из тысячи, кто раздумывает. Дилеммы не существует. Необходимо пожертвовать малым, чтобы все остальные работы приобрели совершенно другой статус. В этом Речел безусловно права.»

Он вдруг как-то по новому взглянул на её присутствие в своей жизни.

«... А в чем она НЕ права???»

Как ни парадоксально это звучит, но искусство покоится на трёх слонах. Вдохновение. Труд. Продажа. Они равные составляющие и не никто и никогда не смог обойтись без отсутствия, хотя бы одной из них. Без вдохновения нет идеи, без труда идея умирает в зародыше, продажа это признание состоятельности этой идеи.»

На ум пришла, названная Речел сумма.

«...Неплохие деньги. Совсем неплохие...»

Они явно не помешают.»

Эта мысль убивала Макса. Ему казалось совершенно недостойным опуститься и снизойти до таких низменных желаний.

«...Неужели, я смог подумать о таком? Боже, как стыдно! Не пришлось бы потом пожалеть...»

С другой стороны в этом есть выход. Господи, как они мне все надоели...»

Макс вспомнил своих жильцов без всякого сожаления с ними расстаться в один прекрасный момент.

«... Он смог бы посадить там кого-то вместо себя и просто курировать бизнес, но не присутствовать ежедневно и ежечасно среди всех этих людей. Скинуть наконец эту ненавистную ему личину и быть просто самим собой, не подыгрывая и не подстраиваясь под чьи-то настроения. Как это замечательно! Ну разве не стоит только одна возможность всех и всё послать, единственного полотна, которое будет ему потом настойчиво напоминать о потерянном шансе. Ну вот, опять выбор только с одним вариантом. Как обычно...».

Он внимательно посмотрел на Речел.

«... А ведь от неё не ускользнуть. Даже при всём его желании. Как не деться никуда от себя самого...»

«Кто она? Его добрый ангел или злой гений?»

Он продолжал глядеть на неё невидящим взглядом, уже прекрасно понимая, что этот поединок с собственной совестью окончен.

«... Он проиграл или выиграл?»

Ответ уже не имел значения.

- Когда аукцион?

Макс прервал красноречие Речел. Она от неожиданности даже как-то смутилась.

- Ты согласен?!

Голос её прозвучал удивлённо и настороженно.

- Да, Речел. Я всё обдумал и взвесил.

- И тебе не жалко с ней расставаться?

- Жалко, но не настолько, чтобы судорожно цепляться за свой эгоизм.

Речел продолжала недоверчиво смотреть в его сторону, всё ещё не решаясь поверить в то, что Макс с его гипертрофированным чувством болезненного отношения к произведениям, принадлежавшим его деду, смог оставить позади себя свои эмоции. Она решила не усугублять и не копать в его настроении. Принятое им решение, теперь более не сковывало руки и был смысл подумать обо всех технических сторонах. В её глазах появилась весёлая и азартная искорка от предчувствия, интересно развивающихся событий.

- Макс, прости мою самоуверенность, но я уже договорилась об экспертизе в IFAR. Она подошла к нему поближе и нежно его обняв, проговорила.

- Я не хочу и не буду делать ничего без твоего ведома. С этими людьми желательно договориться заранее, что я и сделала, во избежание ненужной потери времени.

Она заглянула ему в глаза, желая удостовериться, что он не разочарован её поспешностью, но не смогла там обнаружить и тени недовольства.

- Я не совсем в курсе, кто эти люди?

Для Макса американская привычка пользоваться абривеатурой была давно знакомой, но очень часто он терялся в таком количестве всевозможных сокращений.

- IFAR, это очень влиятельная организация, с мнением которой считаются самые крупные аукционные дома. Их услугами пользуются «Кристи» и «Сотби»

Речел говорила об этом я с явным знанием предмета.

- Полностью название организации звучит так. Интернациональный Фонд Искусствоведческих Исследований. Их заключение имеет очень веское слово. Для нас аутентичность картины и любая возможная информация будут иметь большое значение. Кроме этого, они смогут дать заключение, действительно ли картина участвовала в «Осеннем салоне» 1905 года.

Рейчел увлечённо делилась с Максом всеми этими подробностями. Даже не задавая себе самой вопроса, зачем и с какой целью все её старания, она без тени смущения смогла бы признать свою крайнюю заинтересованность в этом деле. Её будоражил успех, к которому она то вкрадчиво подбиралась, то ломилась напролом. Не к дурацкому звону литавр и чужим завистливыми разговорам за её спиной, а к желанию собственного самодовольствия от простой мысли, что в ней нашлись силы и умение открыть миру несправедливо незнакомое имя. А может и продолжить то бабушкино путешествие в Восточном экспрессе, чтобы наконец вызволить из забвения картины и стать их проводником в новую жизнь. Порой она не совсем узнавала себя, но была благодарна этим благородным стремлениям, что высветили в её душе другое понимание своего счастья.

Речел, заметив грусть в глазах Макса от расставания с картиной, решила его подбодрить.

- Я ещё раз перечитала письма твоего деда. Он там упоминает о двух картинах, которые участвовали в выставке. Одну мы знаем точно. Какая вторая? Это предстоит выяснить. Вполне возможно, что она среди тех восьми работ, что мы привезли из Стамбула. Макс, это новый поиск и он может увенчаться ещё более непредсказуемыми результатами. Выше голову, мой русский друг.

Я понимаю, как нелегко принять такое решение, но оно делает тебе честь и говорит о твоей дальновидности. Оно свидетельство твоей самоактуализации, такого необходимого свойства для мужчины. Не каждый обязательно становится зрелым и тем более может это доказать окружающим. Макс, я восхищена.

На её глазах выступили слёзы. Она сделала короткую паузу и закончила то, что хотела сказать, вкладывая в свою фразу очень многое.

- Я уже это неоднократно говорила и продолжаю повторять, что в тебе не ошиблась.

Аукцион должен был состояться в начале декабря. Его проведение планировали на первые числа месяца, пока публику не охватила предпраздничная лихорадка приближающегося Кристмаса. Речел рассчитывала, что эти дни могут подсказать кому-то идею будущего дорогого и запоминающегося подарка или подтолкнуть потратить неиспользованные к концу года фонды. Опять таки, время, когда на Уоллстрит раздаются миллионные бонусы... Она сознательно выбрала этот сезон и полагалась на

свою интуицию. Оставшиеся до начала аукциона несколько недель, Речел провела в основном в Нью-Йорке, где уже полным ходом шли к нему приготовления. Появилась ещё одна её обширная статья о новых исследованиях со ссылками на IFAR и на замечания влиятельных специалистов в области атрибуции. Она не жалела времени и от неё буквально исходила одержимость. Казалось Речел сделала всё возможное для того, чтобы растиражировать новость об имени, прежде неизвестного художника и сделать появление картины на торгах сенсацией. Накануне она призналась Макс

- Только из уважения к памяти человека, который связал наши судьбы и безграничной к тебе симпатии, я не прибегла к беспроектному пути.

- Не хочешь со мной поделиться?

Макс даже не представлял, что она имеет в виду.

- Скандальность...

Это прямой путь к успеху.

Он невольно улыбнулся.

- Не думаю, что такое здесь может присутствовать.

- Ах, Макс! Скандальность можно отыскать при желании, где угодно. Даже в поцелуе ребёнка.

Скажи, что ты хорошо заплатишь и в этой целомудренной чистоте профессионал пиара сможет найти такое... Это, как пламя от случайной искры. Можно не обратить внимание и дать спокойно погаснуть, а можно раздуть до пожара. Кстати, прости мне мой цинизм, но чаще именно скандальность приносит наиболее желаемые результаты. И вообще к слову, по-моему цинизм, это действительно, а не мнимое знание жизни...

Наконец, наступил долгожданный день, который мог принести или разочарование, или победу. Они оба были взволнованы предстоящим событием, от которого зависела дальнейшая судьба всех работ.

Зал, к радости Речел, оказался заполненным. Ещё до начала к ней подходили незнакомые Макс люди и она, как автор журнальных публикаций, давала пространные объяснения. С одним из гостей она говорила долго и после того, как тот отошёл, она шепнула Макс на ухо.

- Один из реальных потенциальных покупателей. Он всегда безошибочно видит, на чём можно потом заработать.

Макс посмотрел вслед его сутулящейся фигуре.

- Ты знаешь, что его интересует?

Речел насмешливо проводила его взглядом.

- Есть ли ещё работы и какова цена, чтобы всё купить оптом? Ну как тебе это нравится? Он как-будто смотрит через стены. Не сомневаюсь, что он здесь такой не один и если картина будет продана, я просто уверена, что она непременно всплывёт через несколько лет, но уже за совершенно другую цену.

Вот так... Богатые люди всегда имеют больше шансов увеличить своё состояние.

После такого комментария Макс не мог не обратить внимание на этого человека ещё раз. Высокий нескладный субъект, с приросшими мочками ушей. Эта особенность сама собой бросилась в глаза после того, как он хорошенько взгляделся в его лицо. Оно не вызывало симпатии и Макс подумал с содроганием, что вот такой может стать обладателем картины.

Вдруг Речел потянула его за рукав.

- Я думаю, ты не останешься безучастным. Посмотри-ка вперёд.

Макс заметил входящих мужчину в сторогом костюме и с ним шуплую, похожую на подростка девушку.

- Ну и кто эти люди? Очередой спекулянт живописью?

Ему уже мерещились перекупщики в каждом втором. Речел ничего не успела ответить и лишь бросив,

- Я на секунду,- подошла к этой паре.

Как это здесь принято, они приветствовали друг друга ничего не выражающей улыбкой и поддельными комплиментами. Макс не различал слов, в зале было довольно гулко. Вскоре Речел вернулась обратно.

- Ну вот, это тот, о ком ты однажды спрашивал.

- Твой бывший муж?

Макс иронично опять посмотрел на абсолютно плоское, лишённое признаков пола тело женщины и с

неприкрытым сочувствием на её спутника.

- Муж, но не бывший и не мой.

Заметив его замешательство, она пояснила.

- Трейси...

Я была почти уверена, что он здесь появится. У него, хочу заметить, совсем неплохая коллекция и наметанный глаз. Мне кажется, он вполне может оказаться впереди остальных участников аукциона, если не пожадничает в последний момент.

Для Макса действительно было небезинтересно посмотреть на этого человека. Судя по тому, с кем он пришёл, у него явно наблюдалась нимфофилия и похоже этот человек не стеснялся и не скрывал своего сексуального отклонения. Такое во всяком случае, он производил впечатление, судя по его поведению и манере себя держать.

- Теперь ты надеюсь понял, что между ними ничего не может быть? У него своё ощущение мира женской красоты. Невероятно, насколько по-разному мужчина может видеть и чувствовать гармонию.

Это Речел уже добавила почти про себя, многозначительно обернувшись в сторону этой пары. Смотрела она безучастно, как на давно свершившийся факт, без осуждения, предполагая его безусловное право быть счастливым в своём выборе. Макс последовал движению её глаз и ещё раз остановился взглядом на существе, которое он вряд ли бы смог назвать женщиной, невольно сравнивая мягкие округлости Трейси с этой угловатой фигурой, формирующегося подростка.

Он вдруг поймал себя на мысли, что ему тоже безразлично и что он точно так же не видит причин не воспринимать чью-то психическую аномалию. Макс даже не был лишён сострадания к этому человеку, по непонятно какой причине, состоявшего в браке с женщиной, диаметрально противоположной его вкусам и физическим наклонностям. Впрочем, он уже знал, что в таких союзах у каждого своя жизнь и как правило, никто не в проигрыше.

Он с любопытством продолжал вглядываться в лица присутствующих. Для него посещение такого масштабного по уровню и рангу мероприятия, было впервые. Макс осторожно и незаметно озирался по сторонам, с двояким чувством.

«...Навряд ли он окажется здесь ещё раз уж вероятней всего больше никогда не встретиться с виду совершенно обыкновенными и даже очень невзрачными людьми, которые пришли сюда и будут уверенно делать крупные ставки. Кратковременное и ничего не говорящее соседство, как в вагонном купе.

Кто они? Одержимые ценители искусства или расчётливые холодные инвесторы...?»

Макс чувствовал их взгляды, непроницаемые и бесстрастные, устремлённые со всех мест на подиум, куда выставили очередной шедевр.

- Лот номер 3!

«Продавец каштанов»

Картина, участник Парижской выставки «Осенний салон» 1905 года...

Торжественно возвестил аукционер. Вся дальнейшая информация была сжатой, но предельно точной.

- Начальная цена...

У Макса захолонуло сердце. Это был перебор. Речел говорила о значительно меньшей сумме.

«Свихнулась...»

Он безнадежно хотел обменяться с ней взглядом, но она пристально следила, за не проявляющей внешне своих эмоций, аудиторией. Взметнулась первая рука с карточкой, за ней через несколько минут другая. Цена медленно поползла вверх. Речел в молчании, красноречиво с торжеством победителя посмотрела на Макса.

Аукционер повторил, предложенную последним покупателем, цену. Повторил её ещё раз. Откуда-то впереди опять показалась чья-то рука. Так продолжалось неоднократно, пока сумма не достигла той, которую Макс не ожидал. Он понял, что последний раз видит эту картину и ему показалось, что он уловил взгляд с портрета, торжествующий от своего когда-то сделанного его моделью, предсказания.

Раздался финальный удар молотка. Эхо его отдалось где-то глубоко внутри, как неожиданный выстрел.

- Продано!

У Речел навернулись слёзы на глаза. Он в порыве обнял Макса и долго его не отпускала.

- Теперь он известен. Ах Макс, как я счастлива!
Она больше не в силах сдерживать напряжение, расплакалась.

Эпилог

В Лос-Анджелес они возвращались вместе. Речел не спала последнюю ночь. Сказывалась вся нервозность последних дней и теперь она утомившись, дремала. Макс не хотел её тревожить и оказался в невольном одиночестве. За время перелёта с восточного побережья на западное было достаточно времени поразмышлять. Макс незаметно вернулся к свежим впечатлениям от прошедшего аукциона и к проданному полотну. К своему собственному удивлению, он обнаружил, что не испытывает сожаления от расставания с ним.

«... У вещей, как и у людей своя судьба и человек не в силах вмешаться.»

То недолгое время, которое он владел этой картиной, оказалось лишь промежуточной короткой остановкой в её неостанавливаемом движении.

«... Куда ещё её забросит жизнь и скольких владельцев она поменяет, оставаясь по сути дела, сама себе единственной и полноправной хозяйкой?

Будет ли кто-то точно так же с трепетом к ней относиться, как он, её последний владелец?»

Макс очень отчётливо представил картину опять, но уже в парижской студии на мольберте, недалеко от открытого настежь окна, из которого веет запахом цветущих каштанов и своего деда, молодого, полного надежд и стремлений, мучительно старающегося передать в красках состояние образа.

«... Думал ли он, что когда-нибудь его внук будет так же однажды вглядываться в эту работу, улавливая безошибочно её настроение?

Его картины. Наверное, с каждой связана какая-то история и как он мало знает!»
Макс понял уже о какой именно работе он сейчас думает.

«Жрица!»

«... Кто натолкнул его на эту мысль о пороке?

Кем была в его жизни Луиза? Чем так она его заворожила и какая магическая сила так к ней притягивала?»

Его внимание тут же переключилась на Речел и он усмехнулся, вспомнив её замечание.

«...Лучше наследовать таланты, чем заболевания.

Что унаследовала она?

Их род продолжается только по женской линии и каждая очень похожа на свою предшественницу.»
Он посмотрел в её сторону. Как и тогда в Стамбуле, Макс почудилась едва заметная улыбка на Речел лице. Даже спящая, она казалась контролирующей его сознание и незримо проникала в мысли. От этого присутствия чего-то необыкновенного душу обвалакивала безмятежность и пропадало всякое отсутствие тревоги, даже самой незначительной.

«... Кто она?

Ты не почувствуешь себя одиноким..»

Эти слова Речел пробудили однажды в нём непоколебимую уверенность в собственных силах и он более не разу не усомнился в выбранном направлении.

«..Я буду рядом с тобой в этом путешествии..»

Она предоставила мне полную свободу, но не оставила выбора.»

Макс с уверенностью мог сказать, что ответ где-то совсем недалеко, даже очень очень близко, но не в пределах его досягаемости. Даже приложив невероятные усилия, он не сможет проникнуть за эту черту, где кончается его человеческая логика.

«... Не всё ли равно. Не узнай он её, так бы и остался неоткрытым тот глубокий и совершенно неожиданный смысл этой картины, которая запала однажды ему в душу. Пожалуй, он может быть ей

только благодарным. Да, разве только за это?

Он уже давно нуждался в такой женщине. Он ждал её всегда, а когда пришло время, она стала для него жрицей его собственного мира. Неужели, он только сейчас смог это понять? Она словно давала ему время на размышления, оберегая от поспешных выводов и предоставляла исключительную возможность самому увидеть то, что было долго для него сокрыто.»

Макс закрыл глаза и отчетливо, со всеми подробностями вспомнил, как он впервые увидел Речел.

«... Странная встреча. С тех пор его жизнь сильно изменилась...

Всё ли он постиг или впереди окажется что-то ещё?

В его ли власти предугадать или предвидеть?

Конечно же нет.

Ждёт ли он сам чего-нибудь или это логический конец всех его желаний?

Трудно ответить утвердительно. Ни одна из несвершившихся надежд, более не тяготит сердце и не беспокоит разум.

Неужели это то, что называют проданной душой...?

Боже, как необыкновенно спокойно и хорошо...»

Он долго так сидел без движения, позабыв где он находится, а может просто переживая в мельчайших деталях ещё раз каждое из недавних событий...

В зале для прибывших пассажиров Макс увидел Трейси. Это произошло тут же, едва с лестницы эскалатора показалось светлое пространство нижнего этажа аэропорта, громадные окна которого выходили на проезжую часть терминала. Она стояла, среди выстроившихся в ряд водителей в строгих чёрных костюмах. Каждый из них держал перед собой крупную табличку с фамилией встречаемого корпоративного командировочного. Её фигуру он заметил тотчас, непохожую на соскучившихся родственников или истосковавшихся супругов. Он знал, что следует искать в её взгляде и уже не сомневался, что она здесь ждёт своих тайных попутчиков, которые ей так необходимы там, куда она собралась.

Она их встречала, как триумфаторов и уже издала помахала рукой. Тут же в памяти всплыл её муж и его спутница. И ещё такой неожиданный для Макса, триолизм их отношений. Латентный, как ему кажется, для всех его участников, который тщательно от себя скрывают. Эти мысли у Макса мгновенно пронеслось в голове, как и всё то, о чём он размышлял во время полёта.

«... Похоже, он не один, кто видит в Речел своего духовного компаньёна и находит для себя привлекательным общение с ней».

Без причины он почувствовал удовольствие. Его ждали и хотели видеть. Пусть даже преследуя свои глубоко личные цели.

«...А кто их НЕ преследует?

Огонь, разведенный для себя, будет таким же горячим, для того, кто окажется в эту минуту рядом.»

Он словно адресовал эту мысль Трейси, желая продолжить незаконченную беседу.

«...Не те не продаются, кому нечего предложить и они думают, что не желают совершить такую сделку, а те кто сознательно не ждёт такого предложения.»

Речел наверняка знала о том, что её подруга будет здесь, но ничего ему не сказала. Как всегда, она предпочитала сюрпризы повседневной серой скуке, а неожиданность и искромётность экспромта, унылой предсказуемости.

«...К этой её особенности природы можно было бы уже и привыкнуть. Наверное, она позвонила Трейси прямо перед посадкой в самолёт, пока он подбирал, заказанные накануне, билеты.»

Прямо при выходе их ожидал лимузин. Он был немного поменьше и покороче этих длиннющих монстров, в которых воплотилась больная и уродливая американская идея о богатстве и престиже, но не настолько, чтобы не загораживать всё пространство стоянки. Сверкающий лаком, автомобиль осторожно объезжали жёлтые кебы, привыкшие здесь в аэропорту к неудобству такого соседства. Абсолютно тёмные стёкла салона обещали его пассажирам полную изоляцию от чужих взглядов и неуместного внимания. Шофер, здоровенный чернокожий детина с мощным затылком, легко с высоты своего роста

распахнул дверцы и в широком проёме, в глубине на столике Макс заметил торчащее из ведёрка со льдом, горлышко бутылки и три приготовленных бокала. Там же рядом лежала сумочка из плетеного серебра, так хорошо ему уже знакомая. Трейси удовлетворённо кивнула шоферу и Речел, перехватив Макса взгляд и не пожелав остаться понятой не до конца, с чувством проговорила.

- Этот вечер и ночь Макс, мы посвящаем тебе...